

ПИОНЕР 4

1984

22 апреля — день рождения В. И. Ленина

Давид КУГУЛЬТИНОВ,
народный поэт Калмыкии

БАБУШКА И ВНУК

ЛЕГЕНДА

Пылает лето, душный воздух накаля.
От зноя высохла, потрескалась земля.
У волжской пристани стоит толпа народа
И смотрит вдаль, а даль пустынна и гладка.
Не слышно на реке желанного гудка.
Все с нетерпением ожидают парохода.

Лебяжьим стадом проплывают облака.
Их отражает, словно в зеркале, река.
А люди смотрят в ожидании на небо.
И разговор волжан с суровым небом скуп.
— Дождя бы! — горестно срывается с их губ. —
А то все выгорит, останемся без хлеба...

Незыблем в астраханской крепости уклад.
Пробили бронзою двенадцать раз подряд
Колокола, и мерный звон растаял где-то.
Сынки купцов, погладив с важностью усы,
Бахвалясь, вынули карманные часы
И, сверив время, опустили их в жилеты.

— Подходит! — зычно закричали вдалеке.
Толпа широким валом двинулась к реке.
Ведром привязанным задрезала бричка.
И не сумев сдержать душевный свой порыв,
Заторопилась, руку к сердцу приложив,
Сухая, в черное одетая калмычка.

В глазах волнение. Ноги старые спешат.
Она сейчас увидит двух своих внучат
И сына взрослого с невесткой повстречает.
— Илья! Илюшенька! — растрогана она.
Но, как предписывает строго старина,
Она неторопливо сына обнимает.

С большим достоинством невестке бросив взгляд,
Она ласкает, тормошит своих внучат —
Их, малых, можно приласкать и на народе...
Целует, гладит, нежно смотрит им в глаза.
Не замечая, что совсем близка гроза.
Родные внуки с нею — Саша и Володя.

Потом пошли расспросы: труден ли был путь?
В дороге длинной не хворал ли кто-нибудь?
Вдруг вспышка молнии... Как великанша-спичка,
Она сверкнула в небе. Прокатился гром.
От тучи сразу потемнело все кругом.
Перекрестилась в страхе старая калмычка.

И снова молнии лилово-синий блеск,
И оглушительного грома гул и треск,
Рождающий вдали, за Волгой, отголоски.
Желанный для бахчей и истомленных роц
Ударил с неба шелковистый теплый дождь,
Всеомывающий, неистовый и хлесткий.

Стояла бабушка, от страха побледнев,
Мольбою кроткою смиряя неба гнев:
— Джахан мой! Боже мой! Будь милостив ко внукам!
По-русски, по-калмыцки—сразу двум богам—
Она старательно шептала по слогам
Слова молитвы с беспокойством и испугом.

Володя вырвался из рук и прыгать стал,
Веселым звонким криком ливень подгонял:
— Ну, припусти еще! Ну, припусти сильнее!
Но скоро понял—бабушка огорчена:
Грозой внезапно встревожена она,
Замолк, притих, остановился перед нею.

И в небо, словно к другу, поднял он глаза:
— Довольно! Хватит!—ливню строго приказал.
И ливень стих. И посвежело все в природе.
И солнце брызнуло с высот еще щедрей,
И стали свертываться завитки кудрей
На мокрой темно-русой голове Володи.

Старушка рада: младший внук ее кудряв!
Волос колечки, сотней солнц затрепетав,
Сверкали отблеском чудесного металла.
— Смотри, Володя,—тихо молвила она,—
Твоя головка будто солнышком полна...—
И внука бабушка, обняв, поцеловала.

— Ты дружбу с небом и землей, дитя, ведешь,
Громам небесным ты свои приказы шлешь,
Свет молний гасишь всемогуществом батыра.
Как бог, ты бабушку от ливня нынче спас...—
Шутила женщина, своим словам смеясь,
А думала она, как все старушки мира:

«Нет, вы не спорьте! Вижу, внук мой не простой.
Явился в мир он под счастливою звездой.
И—вот увидите—владыкой мира станет».
Она Володю нежно за руки взяла
И в гору тихо, осторожно повела,
Подумала: вдруг мальчик по пути устанет.

Гостя на Волге, часто слышал внук
От старой бабушки, не ведавшей наук,
Степные сказки и народные преданья.
Он полюбил джомбу—калмыцкий вкусный чай—
И чутким сердцем постигал полынный край,
Где жизнь кочевников—сплошная цепь страданий.

Шел год за годом. Внук калмычки рос, мужал.
Владыкой мира, властелином он не стал.
Но бурю, что с земли сметала властелинов,
Взрастил он мыслью пронизательной своей
И поднял в битву поколения людей,
Что жили впроголодь и рабски гнули спины.

Снопы лучей от солнца разума его
Во имя счастья человечества всего
Сумели мглу пробить, в грядущее прорваться.
Народы всей земли ведет его рука
В заветный коммунизм, в счастливые века.
... Он Лениным стал в мире называться!

Перевел с калмыцкого
Константин АЛТАЙСКИЙ.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

АПРЕЛЬ 4

Москва 1984 г.
Издательство «Правда»

учи́ться бо́роться прои́ти

БЫТЬ ГРАЖДАНИНОМ СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ

Мы, пионеры правогофлангового отряда имени Ю. А. Гагарина 5 класса «А» школы № 68 г. Свердловска, хотим принять участие в разговоре, что значит быть гражданином Советской страны? Мы говорили об этом на пионерском сборе, а теперь посылаем вам свои размышления в письме.

С пионерским приветом,
совет отряда имени Ю. А. Гагарина.

ВЯЧЕСЛАВ СУВОРОВ. Быть гражданином Советской страны — значит любить свою Родину, честно трудиться, все делать для того, чтобы на земле был мир. Учиться и учиться, как завещал великий Ленин.

ЮЛИЯ БЕЛОБРОВА. Гражданину Страны Советов надо быть трудолюбивым и честным, а если потребуется, и постоять за свою страну. Пионеры должны участвовать во всех делах отряда, дружины, пионерской организации, выполнять ее законы.

МАКСИМ РОГИН. Я думаю, для юного ленинца быть гражданином своей страны — значит с честью носить пионер-

ский галстук, защищать интересы класса, школы, страны. Каждый пионер обязан учиться на совесть, чтобы стать умным и образованным.

АЛЕКСЕЙ БЕЛЬТЮКОВ. Я считаю: чтобы быть настоящим гражданином, нужно жить честно, трудиться и любить Родину. И в нужный момент суметь отстоять свой дом, свою землю, свою страну. А пока усердно учиться, шагать маршрутами Всесоюзного Марша юных ленинцев и расти надежной сменой комсомольцам и коммунистам.

НАТАША ЗЫРЯНОВА. Пионерская пора — прекрасная пора для формирования высо-

ких гражданских качеств. В пионерские годы надо научиться бороться против лжи, грубости, лени, равнодушия, несправедливости. Помогая товарищу в учебе, учишься помогать другому человеку. Участвуя в пионерских делах, учишься участвовать в общем деле. Выполняя задания Всесоюзного Марша юных ленинцев, учишься выполнять задания пятилетки.

СОВЕТ ОТРЯДА. В марте мы отмечали 50-летие Ю. А. Гагарина, имя которого носит наш отряд. Мы всегда равняемся на этого человека, который был настоящим гражданином нашей Советской страны.

ДЕЛО, КОТОРЫМ МОЖНО ГОРДИТЬСЯ

КЛУБ «СИМВОЛ», г. КЕМЕРОВО.

Наш клуб «Символ» работает с 10 октября 1977 года. ГПР — группа пионерских ритуалов при клубе учит младших ребят обращению со знаменем, флажком, горном, барабаном. Младшие пионеры изучают символы и ритуалы нашей пионерской организации. Совет клуба организует смотры знаменных групп, флаговых, барабанчиков. Помогает дружинам обучить младших пионеров всем премудростям пионерской науки.

По поручению совета клуба
ИРА ГРЕБЕНЧИКОВА.

ЛАРИСА ЗОЛОТОРЕВА, село ТАВРИЧЕСКОЕ, ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ.

Все пионеры нашей школы крепко задумались, какое же дело нам выбрать, чтобы проявить заботу о своем поселке? И вот мы вместе со взрослыми принимаем участие в коммунистическом субботнике и особенно много трудимся в этот день. Мы собираем почки для лекарств, сдаем огромное количество металлолома и макулатуры. Каждую весну высаживаем деревца, трудимся на пришкольном участке, охраняем сад от вредителей. И какая же

школа без тимуровцев? Мы помогаем в хозяйстве ветеранам, зовем их на сборы дружины, на конкурсы и концерты. Для октябрят и малышей из детского сада ставим спектакли. Скучать некогда!

ВОЛОДЯ КРАВЦОВ, г. СЕРАФИМОВИЧ, ВОЛГОГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ.

Люди нашей страны знают цену мирной жизни. Советский народ из всех сил борется за мир, и мы, пионеры, не можем оставаться в стороне. В нашей городской средней школе имени А. С. Серафимовича создан политический клуб «Колокол». В нашем клубе пока 35 человек, но ребята все идут и идут из разных школ. Мы знакомим их с международным положением, выпускаем газету «Твой ровесник за рубежом», рассказываем в газете о видных политических деятелях, художники высмеивают поджигателей войны в карикатурах. Мы устраиваем встречи с людьми, побывавшими за рубежом, чтобы ребята лучше знали историю и культуру других народов. Проводим митинги, протестуя против гонки вооружения. Мы хотим делать все, что от нас зависит, чтобы спасти мир от злой войны.

ПОСТУПОК

Здравствуй, дорогой «Пионер»!

Пишу тебе в слезах. Сейчас забрали моего маленького друга, собаку Тишу. У нас небольшая комната, трое детей, и мама с папой не разрешали мне брать собаку. Я настояла, а теперь вот совершаю предательство. Когда берешь собаку, надо понимать, что несешь за ее судьбу ответственность.

Лена ЖАБКО, г. Актюбинск.

Дорогой «Пионер»!

Мне хочется сказать всем ребятам: когда просят у родителей купить щенка, пусть хорошо подумают. С собакой надо три раза в день гулять, кормить ее и мыть, заботиться о здоровье и водить в ветеринарную лечебницу. Со щенком надо заниматься, учить его командам. Сможешь ли ты это? Хватит ли терпения? Об этом нужно думать прежде, чем просить и настаивать. Потом будет поздно.

Таня САВЕЛЬЕВА, пос. Черноголовка, Московская область.

ПРЕЖДЕ, ЧЕМ ПОСТУПИТЬ, НУЖНО ХОРОШО ПОДУМАТЬ — это верно. Ребята! Нам хотелось бы, чтобы вы рассказали о своих мудрых поступках и своих ошибках, чтобы больше их не повторять.

**КАК
НАМ
БЫТЬ?**

Недавно мы писали сочинение. Все ребята нашего класса написали, что давать прозвища и клички очень плохая привычка. Но с каждым днем в классе становится все больше кличек и прозвищ. КАК С ЭТИМ БОРОТЬСЯ?

Наташа ШАНЧУК,
г. Владивосток.

Всесоюзный пионерский сбор-поиск «ВЕРНОСТЬ КРАСНОМУ ГАЛСТУКУ»

ПРОСТО, ПОЛЕЗНО И ВЕСЕЛО

Мой дедушка, Александр Иванович Казанцев, один из первых пионеров Ярославля. В пионеры он вступил, когда только появились пионерские отряды. Дедушка часто вспоминает о тех днях с радостью и любовью. Он говорит, что все ему в пионерском отряде нравилось: и то, как с барабаном и горном по улицам маршировали, и то, как веселые песни пели, как ходили в походы...

Пионеры дедушкиного отряда боролись с беспризорниками, вели антирелигиозную работу, учили неграмотных читать и писать.

Однажды пионерский отряд, где был дедушка, пошел в поход в деревню Прусово под Ярославлем. Стояло лето. Жили ребята в деревенской школе, спали на нарах, пищу готовили на школьном дворе на костре. Жители деревни отнеслись к пионерам настороженно, не сразу полюбили. А потом произошел случай, изменивший

отношение деревенских к пионерам. В деревне загорелся дом. Быстрее всех на пожаре оказались пионеры. Потушили огонь, спасли соседние дома. Вот тогда-то деревенские жители поняли, что пионеры — отличные ребята.

Я очень люблю пионерскую работу. Всегда стараюсь быть в гуще событий, всегда у меня много дел. Бывает так, что домой возвращаюсь только к вечеру. Я была членом районного пионерского штаба Ленинского района Ярославля. Теперь я член совета дружины школы, но забот у меня не убавилось. За день столько надо успеть, обсудить, помочь. И в кружок хореографии сходить, в который я недавно записалась.

Дедушка всегда помогает мне и делом, и советом. У него же

большой опыт. Ведь он был не только первым пионером, но много лет работал в пионерских лагерях, школах, детском районном парке. На наших пионерских сборах — в отряде и дружине — дедушка часто бывает. И не просто как гость. Как советчик и помощник. Сначала я думала: мы сами с ребятами справимся с пионерскими делами. И вообще — сейчас другое время, другие ритмы. Раньше-то все было по-другому. Но когда дедушка стал приходить к нам на сборы, стал советовать, как проводить, например, новогодний утренник, выпускать стенгазету, собираться в поход, я поняла: время-то изменилось, но такие заводицы, как мой дедушка, будут нужны во все времена.

Нас у дедушки пять внуков. Каждой он готов передать не только свою доброту, любовь, но и пионерский задор, готов научить нас жить по-пионерски: просто, полезно и весело.

Люда КУРМАЕВА,
ученица 8-го класса, школа № 36,
г. Ярославль.

В. В. ПУШКАРЕВ,

депутат
Верховного Совета СССР,
бригадир шлифовальщиков
Московского завода
счётно-аналитических машин
имени Калмыкова

ЧЕМУ НАУЧИТ ШКОЛА

Я работаю на заводе шлифовальщиком. Работаю давно. Обычно в таких случаях принято говорить: «Многое изменилось за это время, выросли требования к современному рабочему, сегодняшнему производству нужны современные, грамотные люди». Да, все так. Грамотные люди нужны. И все-таки научить работать, поверьте, гораздо проще, чем научить чувству долга, сознательности, ответственности. А бывает, что учить этому уже поздно: вырос человек, трудно его переделать.

С первых шагов молодого парнишки в нашем цехе сразу видно, чему и как учила его школа. И главное: учила ли она его быть человеком.

Поэтому для меня, рабочего, разговор о школе — разговор не пустой, а самый насущный. Возьму простой пример. После восьмого я своему сыну предложил идти на завод. Он подумал и с радостью согласился. А меня знакомые стали отговаривать: «Ты что, не можешь помочь ему устроиться в институт?» Знаю, многие родители готовят вас к мысли, что без высшего образования сейчас не прожить. Хорошая штука образование, но тащить своего сына или дочку в институт почти за шиворот, помоему, нечестно.

А ведь порой именно так настраивают ребят взрослые, даже учителя: хорошие ученики, мол, попадают в институт, плохие на завод. Отсюда и возникает страх перед работой. Вредный страх.

Знаю, у многих из вас на пороге совершеннолетия уже не лежит душа к школе — хочется самостоятельности, взрослых поступков, насто-

ящей работы. Нет в этом желании ничего плохого. А если вам скажут иначе, не верьте!

Не случайно в проекте ЦК КПСС «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы», который недавно обсуждала вся страна, так четко выражена мысль: школа должна стать ближе к современному производству. Ребята уже на школьной скамье должны попробовать настоящее дело, чтобы легче стал выбор жизненной дороги.

Мне кажется, что реформа школы — это не только реформа системы образования. Прежде всего реформа школы — это реформа подготовки человека к будущей взрослой жизни. Измениться должно и отношение ребят к труду, к массовым профессиям. И в целом подросток должен стать самостоятельнее, сознательнее. Особенно в своей общественной жизни — пионерской, комсомольской. Быть примерным и послушным — этого для юного гражданина нашей страны слишком мало.

Сегодняшняя школа должна повернуться лицом к сегодняшнему производству — это мое глубокое убеждение. Поработать на настоящих станках, в настоящем цехе, поработать в поле, на ферме, на современной технике — с реальной отдачей, с реальной выработкой, понять на деле, что такое «план», «себестоимость», нужно каждому из вас, уверен в этом. Почему я так думаю?

В труде человек познает себя, своих товарищей. В труде человек взрослеет. В труде узнает жизнь. Становится по-настоящему зрелым.

Помочь в этом каждому из вас и есть главная задача школы.

Рисунок В. ДУДКИНА.

НАЧИНАЕМ РАЗГОВОР

Внимание! Внимание!

Осенью прошлого года в Москву на слет собрались пятнадцать тимуровских команд. Хороший разговор получился у ребят. Разные вопросы обсуждались, разные мнения высказывались.

Один из вопросов был: **ТИМУРОВЦЫ И «КВАКИНЦЫ».**

Виталий Лежебоков из штаба «РВС» города Светлогорода рассказал вот что.

Однажды в нашем городе стали пропадать велосипеды. Куда они девались — никто не знал. Мы, тимуровцы, взялись разыскать тех, кто их угонял.

Оказалось, что велосипеды угоняли «квакинцы». Видите ли, им хотелось кататься. Но если ты взял чужую вещь без спроса, ты поступил неправильно. Я так думаю.

Угонщиков мы стали вызывать на беседы, старались спокойно доказать им, что они неправы. И «герои» города перестали трогать велосипеды. Мы даже некоторых исправившихся ребят начали привлекать к тимуровской работе.

А Сережа Шевцов из города Арзамаса поделился с участниками слета другой историей.

В нашем городе тоже есть мальчишки, которых мы называ-

ем «квакинцами». Что они делают? Отбирают у малышей-несмышленишей деньги. Например, дала малышу мама деньги на мороженое или кино, а они тут как тут.

И мы стали бороться с ними. Нельзя допустить несправедливость.

Мы дежурили у кинотеатра или школы. И как только видели, что «квакинцы» отбирают у малышей деньги, подходили и разбирались.

ОТ ВСЕСОЮЗНОГО ШТАБА ТИМУРА:

Мы начинаем разговор о «квакинцах» на страницах нашего журнала. Примите в нем участие и вы, ребята. Ответьте, пожалуйста, на вопросы:

КОГО ВЫ СЧИТАЕТЕ «КВАКИНЦАМИ»?

КОГДА И ГДЕ ВЫ С НИМИ СТАЛКИВАЛИСЬ?

КАК МОЖНО С «КВАКИНЦАМИ» БОРОТЬСЯ?

Итак, начинаем разговор и ждем ваших мнений!

ТЕЛЕГРАФ ТЧК ТЕЛЕГРАФ ТЧК

Мы с удовольствием поддержали новую операцию «Сад Мира» и посадили парк из 63 деревьев, по числу людей, не вернувшихся с войны в нашу деревню.

Игорь Рузов,
Татарская АССР.

По нашему городу ходят удивительные трамвай и автобус. На борту у них написано «А. П. Гайдар». Трамвай и автобус построены на деньги, вырученные от сбора металлолома школьниками.

Таня Капралова, г. Уфа.

Уже дважды в этом учебном году мы передавали Дому ребенка книги — 514 штук — и мягкие игрушки, собранные пионерами с четвертого по седьмой класс.

Сводный отряд Тимура,
г. Коломна,
Московская область.

ТРЕВОЖНОЕ ПИСЬМО

ОТ «БОЕВОГО ЛИСТКА»

Здравствуй, «Боевой листок»! Пишет тебе Васько Инна. Мне 14 лет. Вот уже почти семь лет по состоянию здоровья я вынуждена постоянно находиться дома, в четырех стенах. Пока я была меньше, у меня были друзья. И как-то не замечалась моя оторванность от жизни. Но чем старше я становлюсь, тем труднее переносить одиночество. Я очень люблю книги, музыку, поэзию, занимаюсь рукоделием. Только все это не может заменить живого человеческого общения. Помогите, «Боевой листок»!

Мой адрес: 320041, г. Днепропетровск, ж/м «Тополь-3», дом 12, корп. 1, кв. 52, Инне Васько.

Тимуровцы Днепропетровска! Человеческое общение, сердечность беседы, товарищескую помощь не заменит ни одна книга, ни один кинофильм. Позаботьтесь о том, чтобы у Инны появились новые друзья.

Тимуровцы страны! Оглянитесь, посмотрите вокруг — нет ли рядом с вами людей, попавших в беду? Придите к ним, подружитесь с ними, найдите общие интересы, темы для бесед. Ваши помощь и доброе слово необходимы многим. Нельзя, чтобы кто-то ощущал себя одиноким.

Анатолий МАРКУША

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ, ГОД ЗА ГОДОМ

РОМАН

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Окончание. Начало в №№ 1—3.

Рисунки В. МОЧАЛОВА.

В далеком, совсем еще раннем детстве был у меня старый, изрядно обтрепанный, почему-то горчичного цвета медведь. В отличие от большинства плюшевых собратьев мой стоял на четырех мощных лапах и в пузе у него было спрятано секретное кольцо — потянешь, мишка ревет и открывает пасть... Игрушка досталась мне по наследству, кажется, от дочери дяди Саши.

Мишку я помнил столько же, сколько себя. Любил? Затрудняюсь сказать: игрушки никогда особенно меня не увлекали, другое дело — инструменты. Но привык я к своему горчичному зверю, привязался крепко. Как-никак он был молчаливым свидетелем моих многочисленных болезней; в углу вместе со мной стаивал, и все мои друзья-приятели не уставали удивляться мишкиной способности реветь и разевать пасть...

Словом, облезлый, замученный, существовавший в доме с незапамятных времен зверь сделался частичкой моей жизни, хотя я и редко вспоминал о медведе. Тем более в войну.

Счастье было невыразимое — случайно залететь домой, к маме, пусть на какой-нибудь час. С аэродрома я ринулся в город, воображая, как она обрадуется, как заплачет, как кинется мне навстречу. Три с половиной года я не видел мамы. Вам этого не понять.

Короче, я несся домой, сжимая в потной ладони, словно истинный первоклашка, мой, пронесенный через все передраги войны, личный, мой персональный ключ от квартиры. И волновался: вдруг сменили замок?

Наконец, дом. В подъезде ничего, кажется, не

изменилось. Даже «Лешка — хвост!» на месте, как выцарапал Димка, так и осталось. Пожалуй, грязней стало, неприютней. Понятно — война. По лестнице я поднимался почему-то на цыпочках. Мне ужасно хотелось не просто войти в дом, а... нагреть! Застать врасплох! Вот — дверь. Дрожащей рукой вставил ключ... Слава богу, замок открылся почти бесшумно. В коридоре было темно, но я прилетел домой! И никакая подсветка мне не требовалась: ноги сами привели к двери. Тихо толкнул створку и вошел в комнату.

Все было, как было — обои, мебель, фотографии. Только... только в комнатах жило запустение... На столе чашка с недопитым чаем, рядом с пустой хлебницей мой старый, еще более облезший, медведь. Он сильно сдал за эти годы — вроде даже голову опустил и секретного кольца что-то не было видно...

Я заглянул в смежную комнату — мамы не обнаружил... «Наверное, на кухне, — подумал я, — пойти за ней или обождать?» Решив обождать, присел к столу. В розетке для варенья блесело что-то белое: не соль, не сахар... Кристаллики были похожи на нафталин, только мельче. Понюхал — не пахнут. Лизнул палец, приклеил самую малость белого, пылинку одну и отправил в рот. Сначала язык вроде обожгло, потом по всему рту разлилась какая-то преувеличенная сладость. «Сахарин!» — сообразил я. И мне сделалось совсем грустно.

Я поднялся, чтобы идти в кухню, когда в комнате появилась мама. Она не вскрикнула, пораженная моим появлением, не упала в обморок, а тихо заплакала, сказав только:

— Дождалась... Я знала...

Мама очень расстроилась, узнав, что времени в

нашем распоряжении всего один час, что в Тушино стоит мой «лавочкин», и в четырнадцать ноль-ноль запланирован вылет. Дальше — на запад...

Мы говорили торопливо, разом, мешая друг другу совсем не нужными вопросами и неожиданными воспоминаниями. Под конец я спросил:

— А медведь-то почему на столе оказался?

Мама ответила странно:

— Он со мной и в эвакуации был... Только он и был со мной. Надо же поговорить с кем-нибудь?! И потом, когда совсем нет прошлого, чего ждать от будущего?

Никогда мама не была сентиментальной, она не верила в бога, не страдала суеверностью... Медведь, взятый в эвакуацию... Это не ее стиль... Впрочем, и война была совсем уж не в ее стиле.

Когда мы попрощались, и все слова уже были произнесены, и время не позволяло мешкать, мама сказала:

— Об одном прошу: если можешь, пиши почаще, хоть одно слово — жив.

По дороге на аэродром я заскочил на почту. Спросил конвертов. Симпатичная девушка непонимающе поглядела на меня, спросила:

— Вы с фронта, наверное, — и улыбнулась. — Давно уже нет конвертов...

— Жаль, — сказал я и тоже улыбнулся, — очень нужно.

— Кому писать-то собираетесь?

— Маме. — И я рассказал этой совершенно незнакомой девушке про медведя, который ездил в эвакуацию, и о том тягостном, что встретило меня в доме... Не надо, наверное, было говорить об этом, да так получилось.

— Подождите, — сказала девушка и вышла.

Я поглядел на часы — времени оставалось совсем мало.

Славная девушка скоро вернулась и подала пачку секреток. Теперь такие не делают — листок, сгибающийся пополам, имел клейкую кромку. Сложи, залепи, и пожалуйста, получается закрытое письмо...

Секреток оказалось пятьдесят. Это я узнал, добравшись до места назначения, на полевом аэродроме. И в первый же вечер я заполнил их все.

«Жив, — писал я. — От тебя долго нет весточек, но я не волнуюсь, т.к. не сижу на месте и понимаю: почте трудно угнаться. Здоров. В порядке. Очень прошу, за меня не беспокойся. Мы не воюем уже, а только довоевываем. Разницу чувствуешь? Обнимаю тебя...»

Тексты имели разночтения, но смысл их сводился к только что приведенному. Мне обязательно надо было исписать все секретки, чтобы не разбазарить их... И было еще соображение...

Утром я отдал золотому моему механику Алексею все полсотни секреток и наказал:

— Если не вернусь с задания, Гриша, посылай штуки по две в неделю.

Он посмотрел на меня хмуро и сказал:

— Лучше возвращайся, а я буду напоминать, чтобы сам посылал...

Когда мама умерла, в немногих ее бумагах я обнаружил сорок четыре секретки — голубенькие, из шершавой бумаги, с жалкой розочкой или каким-то еще цветком, напечатанным в правом верхнем уголке внутренней страницы...

* * *

Никогда вещи не имели надо мной особенной власти. Бывало, конечно, мальчишкой мечтал о

фуражке-капитанке с лакированным козырьком или позже хотелось обзавестись кожаным пальто. Но чтобы с ума сходить: без мотоцикла или без трофейной машины жизнь — не жизнь, — такого не случилось.

Однако вещи я видел и, если можно так сказать, запоминал их в лицо. Порой надолго. И всегда любил, да и сейчас люблю, соотносить вещи с повадками и характером их владельцев.

У Митьки Фортунатова я был всего один раз. Затащила Наташа. Для чего — я не понял.

В памяти остались просторные комнаты бывшей барской квартиры: потолки высоченные, карнизы лепные, двери с зеркальными стеклами. Все добротное, массивное, сработанное на года. И странная толкучка вещей, царившая в этих комнатах. Краснодеревные шкафы, буфеты и посудные горки; были там еще комоды и секретеры... А всякий клочок горизонтальной площади залеплен фарфором, хрусталем, деревянными статуэтками, бронзовыми безделушками и еще какой-то прорвой занятых вещей и вещичек.

Было что-то неистребимо магазинное в фортунатовском доме.

Но больше вещей, захвативших львиную долю жилого пространства, поразило меня отношение к этим самым вещам.

Нас с Наташей пригласили к чаю.

Смотрим, овальный полированный стол накрыли суконной попоной, поверх положили кухонную клетчатую клеенку, обрезанную точнехонько по форме крышки, и еще постелили байку, а потом только скатерть... Никогда прежде (да и потом) такого не видывал!

А как морщилась хозяйка, когда Митька — уж он-то наверняка был надрессирован! — с пристуком опускал фитюльку-чашечку на расписное, очевидно, китайское блюдечко...

Ну, тогда я не понимал: какая, скажем, мебель у Фортунатовых — просто старая или старинная, дорогая или антикварная; что у них за посуда — севрская, гарднеровская, императорского завода... Но я запомнил на всю жизнь: мебели, вообще барахла была прорва и над имуществом тряслись, а лучше сказать — трепетали.

Позже, сначала подрастая, потом набираясь ума, наконец, надеюсь, мудрея, я перевидал всякое: и кровати, убранные кружевными подзорами, украшенные пирамидками подушек — меньше-меньше-меньше-меньше... едва не до самого потолка; и много раз осмеянных, якобы специфически мецанских слоников, непременно колонкой, обязательно по семь; видел разную редкую мебель — и красного дерева, и карельской березы, и светлого американского клена; попадались на глаза вещи затейливые, изукрашенные резьбой или бронзовыми накладками, инкрустированные перламутром...

Что сказать?

Беречь старину, приобретать дорогой комфорт, наверное, не зазорно и не предосудительно, но преклоняться перед вещами, служить бездумным предметам — позорно и, хуже того, — погубительно.

Посещение Фортунатовых получилось скучным. Мы сидели, окруженные роскошью. Под самым носом у нас громоздились всякие печенья и заманчивые восточные сладости, пестрели нарядными обертками сортов пять лучших конфет... Митька молотил все подряд...

Человеку нужен опыт и положительного и отрицательного знака. Опыт — наше главное, наше самое бесценное богатство.

В фортунатовском доме я впервые соприкоснул-

ся с образом жизни, мне чуждым. Но важнее наглядного примера — так не надо! — оказалось недоумение — а для чего?

Для чего — спрашиваю я себя всякий раз, когда встречаю добровольных рабов собственного благополучия. Для чего? — повторяю я снова, когда жизнь сталкивает с широко расплывшимся лицемерием или ханжеством, когда слышу пошлейшее, рядовое вранье.

Для чего?..

Близился конец войны. Это ощущали все. С полным единодушием. Но вели себя люди по-разному. Одни жили надеждой — дожить. Другие старались выжить. Можно подумать, будто погибнуть на пятый, тридцать третий или сто двадцать восьмой день войны легче, чем в последний...

Но так было.

И как раз в это время меня занесло в стрелковую дивизию, на пункт наведения авиации. Я должен был подсказывать ребятам, находившимся в воздухе, где противник, какие у него намерения... Слово, наводить «лавочкиных» на «фоккеров», предупреждать «горбатых», откуда на них валятся «мессера». Выражаясь по-современному, мне полагалось обеспечивать наши экипажи точной, оперативной и квалифицированной информацией о противнике.

Летчику на земле воевать несподручно, но... приказ. Впрочем, я еще не воевал — только шел по лесной дороге в артиллерийские тылы. Гнала меня нужда: умри, а разыщи мастерскую с агрегатом для зарядки аккумуляторов и договорись о помощи: рация наведения еле дышала.

Местность была самая-самая — сосны, еловый подлесок, черничник, а мох — просто с ума сойти, каким ковром рос.

Но я шел и дрожал. Признаюсь: смертельно боялся нарваться на мину. Наше продвижение на запад было более чем стремительным и только-только завершилось. Саперы, конечно, прочесали тылы, но поди знай, не осталось ли где подарочка. В минах, как и в прочем наземном оружии, я не понимал ровным счетом ничего. И мне всюду мерещились торчащие изо мха «усики»: тронь — взлетишь, разделяясь на составные части. А еще я думал: ребята дерутся, по пять вылетов подряд делают... что обо мне думают — устроился?!

Да сколько еще этой войны остается?

До артиллерийских тылов я добрался благополучно. И мастерскую нашел — оказалась будка, сколоченная из снарядных ящиков. В будке сидел замухрышистый, неопределенного возраста человек и перекладывал немислимые вещи: фаянсовую вакханку, пепельницу с двумя сеттерами, фигурку пастушки... и что-то еще хрупкое и на войне неуместное. Увлеченный этим занятием, он не ответил на мое приветствие. И только когда я уже в третий раз напоминал о себе, взглянул в мою сторону и спросил:

— Надо было?

— Простите, не понял... — сказал я, стремясь войти в контакт с нужным мне лицом.

— Надо было так мучиться, чтобы заполучить мешок этого барахла? Тоже — трофеи! Умные люди берут иголки для швейных машин, или, я знаю, — линзы для очков... — Тут он умолк, пристально поглядел на меня беспокойным взглядом своих черных живых глаз и спросил: — Что у вас?

Я объяснил: нужно позарез подзарядить аккумулятор.

— Это — можно. В принципе.

Мама сказала: «Если можешь, пиши почаще, хоть одно слово: жив».

— А — практически?

— Что предлагаете?

Ничего вещественного предложить я не мог.

Кроме истрепанной куртки, выгоревших армейских бриджей и драных сапог, у меня решительно ничего не было. Но я заметил алчный огонек в красивых глазах, вспомнил почему-то фортуновский бастион довоенного благополучия и, не очень задумываясь над последствиями, сказал беспечно:

— Часишки кое-какие имеются... с браслетиками и... без.

— Где? — моментально отреагировал аккумуляторщик.

— Что где?

— Товар.

— Развилку дороги перед капе дивизии знаешь? Старую черную сосну видел — без верхушки... Там.

— Слушай, — легко переходя на «ты», сказал аккумуляторщик, — автомобильный, студебеккеровский, подойдет? К восемнадцати ноль-ноль подкину. И учти — с доставкой на дом... Или у меня не фирма?

Он показался на дороге в начале седьмого. Верхом на белой лошади. Лошадь была облезлая, старая. К самодельному седлу был приторочен вправленный в сетку-авоську аккумулятор.

Я смотрел в бинокль и видел: едет, ухмыляется, может, воображает, что за лонжины ему приготовлены... «Вот сейчас сгрузит свой скорее всего уворованный аккумулятор, — подумал я. — И что делать, как рассчитываться?..»

И тут грохнуло. Небо раскололось и задрожало. Черно-рыжим выбросом взметнулась земля.

«Как глупо, — успел я подумать, — и до конца-то осталось...»

Как видите, мне осталось: пищу, вспоминаю — жив.

А тогда после артналета обнаружил: от белой лошади — ни гривы, ни хвоста... и аккумуляторщик вроде не жил.

Прямое попадание.

* * *

Каждое двадцать седьмое сентября я езжу на кладбище. На могилу Жоры Катонии. Понимаю — Жоры нет и ему это не нужно, но все равно еду. Еду на пытку. И не только потому, что вспоминать еще раз нелепую Жорину катастрофу, снова представлять зеленый замшелый шлюз без воды и прикорнувший в нем «лавочкин» — не сахар, но видеть само кладбище, заброшенное, заросшее в полчеловеческого роста, неухоженные могилы, выгоревшие пластмассовые венки, неуют и небрежение — мука мученическая. И нет от нее спасения.

А в последние годы и того горше стало: из пожухшей могильной травы выкатываются под ноги рыжие, черные, бело-грязные, гладкие, лохматые, в репьях, породистые и безродные — псы, псы, псы...

— Дачники съезжают и оставляют, — эпически спокойно объяснила встречающая старуха. — Вот дней десять еще сойдут, сезону — конец, приедут живодеры и живо-два переловят — на шапочки...

У меня нет собаки. И Алешке, как он ни просит, не покупаю.

Правильно? Нет? Одним словом, не ответить...

Кто сомневается, нормальные родители любят своих детей. Но мало кто честно скажет: кого он в

сыне или дочке любит больше — нового человека или себя?

Мой отец требовал, чтобы я стал врачом. Хирургом. Почему? Ему не удалось приобщиться к медицине. И он искренне желал, чтобы я стал врачом, нисколько не сомневаясь — большего счастья, чем медицина, быть не может!

Мы ссорились на этой почве: медицина и авиация оказались несовместимы...

Или мама долго водила меня в платицах и привязывала на голову бантик. Почему? Она хотела дочку, а получился — я.

Мальчишкой я осуждал родителей. Категорически и без снисхождения. Теперь жалею.

* * *

Дядю Сашу, безуспешно учившего меня когда-то плавать, я избегал. Но на этот раз он приманил меня, обещав познакомить с настоящим летчиком. Учтите: в те годы летчик котировался, пожалуй, выше, чем сегодня космонавт.

Знакомый летчик и даже вроде друг дяди Саши жил в Томилино. Мы ехали туда пригородным паровичком, тащившим глазастые, как гусеницы, зеленые вагоны. От платформы надо было идти лугом, по белой, хорошо натопанной тропинке-макаронине. Первым шагнул я, следом дядя Саша. Мы не разговаривали. Я нюхал загородную свежесть и глазел по сторонам. Минут через пятнадцать показался поселок. Мы были совсем у цели, когда я увидел: впереди, на глазах у всего честного народа — пушистый, усатый барин-кот и серенькая неказистая кошечка.

Был я глуп, но не настолько, чтобы совсем не догадываться, чем заняты кошки. Остановившись, я спросил дядю Сашу, но вовсе не ради установления истины, а с тайной целью — загнать его в угол:

— Дядя Саша, а что это кошечки делают?

— Котят делают, — не сбавляя шага, ответил дядя Саша и продолжал свой путь.

Я поплелся сзади. И мучился: мне было кошмарно стыдно. Не за кошек, не за дядю — за себя!

* * *

Светлейшая голова, взращенная авиацией, наша общая гордость — Антуан де Сент-Экзюпери заметил однажды: дети должны быть очень снисходительны к взрослым...

Спору нет, желательно!

Но вот беда — к кому обращен призыв?

К детям? Но едва ли сыщется во всем свете ребенок, способный понять, почему он должен щадить взрослых? Тех самых, что так порой жестоки и бесцеремонны с ними.

Ко взрослым? Но с ними, пожалуй, поздно говорить о детской снисходительности. Тут, что называется, поезд ушел, и рельсы разобрали.

Я тоже был маленьким.

Помню: звонил телефон, у отца неприятно заострялось лицо, он почему-то понижал голос и говорил матери:

— Для всех, кроме Карпова, я только что ушел! — и смешно показывал пальцами, как он якобы перебирает ногами, где-то там — вдалеке от дома.

А меня за вранье — отец всегда говорил: за уклонение от истины! — били железной канцелярской линейкой. Били непременно по голому задку — так требовала семейная традиция, фамильный

ритуал, освященный опытом предшествовавших поколений.

И не только в нашей семье жили не по правде: говорили — одно, а делали другое... Не понимали, что хорошо, а что плохо? Еще как понимали, иначе бы не притворялись и не скрывали свою жизнь от посторонних!

Мне случалось чуть не каждый день бывать у Сашки Бесюгина. Его родители поощряли нашу дружбу, считая почему-то, будто я положительно влияю на Сашу. Ко мне в этом доме привыкли и меня не стеснялись. Чего только я не насмотрелся и не наслушался у Бесюгиных! Например, Бесюгин-папа принимался объяснять Бесюгиной-маме, что она может жить, как ей заблагорассудится, но... не за его счет!

— Мне надоело расплачиваться за долги, которые я не делаю, — объявлял папа.

Чаще всего развить эту тему ему не удавалось: супруга решительно переходила в контратаку. И по ее словам получалось, что Бесюгин-папа — редкостный скряга — вворачивает двадцатисвечовые лампочки там, где у нормальных людей горят стосвечовые... собирает обмылки... готов вылизывать сковородки... жить с таким невозможно, и ребенок — не оправдание!

Было что-то неистребимо магазинное в фортунатовском доме.

Здесь непременно вступал папа. Злым, крикливым голосом, преувеличенно жестикулируя, он вещал:

— И пожалуйста! Скатертью дорога!

Подобные сцены между Сашкиными родителями происходили раза по три в неделю и Сашку несколько не волновали.

— Не бери в голову! — говорил он мне.

Однажды в разгар очередного словоизвержения в квартиру Бесюгиных забежала, залетела, впорхнула, заскочила — как нравится! — соседка по лестничной площадке — Евдокия Владимировна: разжиться десяткой...

И на моих глазах совершилось чудо. Папа потух. Побелевшее лицо мамы приобрело естественный, здоровый оттенок. Супруги сделались самой любезностью, самой предупредительностью:

— Ну, что за вопрос, — сладко заблеял папа, — извольте! Пожалуйста... Может, десяти рублей мало?

— Если соседи не будут, как родные, — подключилась мама, — как тогда вообще жить?..

Нет, я не любил взрослых, пока был мальчишкой. И, пожалуй, больше всего — за притворство. И не доверял им.

А вырос, стал независимым, и со мной произошло что-то странное: гляжу на детишек, вижу бесхитростные, любопытные рожицы и непременно ощущаю горькую тревогу... Это сверх и кроме всех прочих чувств.

Но при чем тут моя нелюбовь к взрослым? Сейчас объясню.

За окном — двор. И все, как на ладони. Вот соседский Вовка тянет на поводке щенка. Джек упирается. Конечно, я не знаю, какие собачьи резоны заставляют Джека припадать на задние лапы и чесать задом и хвостом по шершавому асфальту. Вполне возможно, Джек не прав.

Вижу, как теряет терпение Вовка. Ярится, что-то злобно выкрикивает... и, утрачивая контроль над собой, пинает добродушного лохматого пса тяжелым туристским ботинком...

Уж ты-то, Вовка, точно не прав!

И сразу мысль: вырастет Вовка, станет взрослым, что тогда будет?

С ним, с теми, кто окажется под его властью?

Над переправой я потерял на зенитках двух летчиков — обоих ведомых. Мы с Остапенкой еле-еле доползли домой: плоскости — в клочьях, хвостовое оперение тоже.

Я докладывал начальнику штаба: днем на переправу не пробиться. Такого заградительного огня за всю войну еще не встречал... И в этот момент в землянку командного пункта вошел командир корпуса. У него было брюзгливое выражение лица. Генерал заставил меня повторить доклад, и с места в карьер:

— Панику сеять?! Не позволю! Война есть война, без жертв не бывает! И не коленками чечетку выколачивать надо, а думать... соображать! Трусы и паникеры мне в корпусе не нужны!

Мне сделалось обидно. Я знал: Абаза не трус и не паникер, поэтому и отважился перебить комкора:

— Вы можете послать меня на переправу снова, но оскорблять не имеете ни оснований, ни права!

Генерал как споткнулся на полуслове. И вроде успокоился:

— А дельное что-нибудь можешь предложить?

— Если рассчитывать на уничтожение перепра-

вы с воздуха,—сказал я,—это сподручнее сделать ночникам, ближним бомбардировщикам...

Генерал не дал закончить и снова закричал:

— Сам полетишь. Сейчас! Пойдешь у меня ведомым! И через полтора часа, чего бы ни стоило — я командующему обещал, — а переправе должна быть хана.

Через час двадцать минут меня подбили на подступах к реке. С трудом перетянув линию фронта, я завалился недалеко от расположения нашей артиллерии. Оттуда попал прямоком в госпиталь. В полк вернулся через полтора месяца. А еще раньше узнал: переправа в обещанное комкором время была разбита. Командир корпуса с задания не вернулся. Из десяти летчиков группы целыми выскочили четверо.

А на следующее утро гитлеровцы переправу восстановили.

И...

Но я не собираюсь исследовать события минувшей войны ни с позиций тактических, ни тем более в масштабах стратегии.

Просто хотел пояснить, почему я тревожусь, глядя на мальшней: из каждого Вовочки или Вовика непременно вырастает Владимир Иванович, Владимир Павлович, Владимир Андреевич...

Наш покойный командир корпуса, конечно, по случайному совпадению был как раз Владимиром Владимировичем.

* * *

Войдя в наш запущенный, бестолковый двор, я сразу обнаружил: у глухой облупленной стены прилепился незнакомый грузовик. Машина старая — рыдван. Капот открыт, а из-под мотора торчат ноги. Любопытно — ноги были обуты в ободранные мальчишковые ботинки. Это я хорошо видел, а разглядеть владельца ног не удавалось.

«Если правда пацан, то чего ему там под машиной делать?» — начал соображать я, но решить не успел: из-под грузовика раздался ломкий голос:

— Але, который в серых шкарах, подойди!

Я догадался: шкары, должно быть, штаны! А так как на мне были именно серые штаны, перешитые из некогда шикарных костюмных брюк отца, то голос адресовался ко мне. И я подошел к машине.

— Возьми на полу в кабине ключ девять на двенадцать, накидной и подай сюда...

Я знал, бывают ключи английские и французские — от дверных замков, существует разводной велосипедный ключ и еще разные гаечные — как в конструкторе... Но девять на двенадцать, но накидной, эти понятия лежали вне моего понимания.

— Какой-какой тебе ключ? — спросил я, ни на что не надеясь.

Видно, парень сообразил, что имеет дело с недоумком: не стал ничего объяснять, вылетел пружиной из-под машины и на мгновение предстал передо мной во всем великолепии своей вымазанной рубашки-ковбойки и малюсенькой кепочки с пуговкой на макушке. У него было круглое лицо с раз и навсегда обозначенным выражением забияки и насмешника... Парнишка выглядел ровесником, а если был старше, никак не больше чем на год.

Он скользнул по мне совершенно Наташкиным взглядом, будто перескочил через абсолютную — в минус двести семьдесят три градуса — пустоту, цапнул гаечный ключ в кабине и снова нырнул под машину. Человек занимался делом.

Диалога не состоялось. Я не был удостоен даже оскорбительным словом. И вот скоро уже пятьдесят

«Если правда пацан, то чего ему там под машиной делать?» — начал соображать я.

лет я беру реванш за тот день. Беру-беру-беру и никак не могу успокоиться, не могу убедиться — взял!

Мы жили в гарнизоне. Мебель была выписана со склада. Старая-старая — частью еще довоенная, частью трофейная. Другой тогда не было...

— Ты не опасаясь садиться в это кресло? — въедливо спросила жена. — У меня такое ощущение, что пружины сейчас укусят.

— Но я ведь не обойщик, и в школе нас этому не учили, — попытался я как-то оправдаться.

Я долго злился, скажу, злился целенаправленно — сам растравляя себя: упрекать всякий может, упрекать проще всего. Только никто не в состоянии уметь все... И тут я споткнулся.

А много ли я умею?

Кое-как слесарить меня в летной школе обучали. Самую малость столярничать, пожалуй, тоже... Ну-у, а если подметку прибить, если брюки укоротить?..

«Позволь, — как бы обращаясь к своему оппоненту, возражал я. — Но если считать уменья, так пожалуйста, и пилотаж — на бочку! И штурманскую подготовку — на бочку! И чтение синоптических карт — на бочку!..»

Контрдоводов было много. Весьма. Только звучали они неубедительно.

Да-а, у мужчины должны быть руки.

В воскресенье я вытащил в сарай кресло и осторожно распорол на обшивке боковой шов. Из сиденья полезла грязная, свалявшаяся вата.

Снять обивку удалось не сразу. Но удалось. Пружины оказались ни к черту, как будто их нарочно выворачивали наизнанку. Пружины пришлось выкинуть. Выпросив у соседа-техника кусок резинового самолетного амортизатора, я вместо пружинного перевел кресло на резиновый «ход». Потом заложил свежую вату, а для гладкости поверх ваты распылил еще зимние шерстяные портянки, ну, и затянул старую обивку...

Кресло отлично пружинило! Это факт. Сиденье получилось ровным. Это тоже факт. Но ни молодость, ни красота к креслу не вернулись. Увы.

Потом мне пришлось долго и весьма старательно заглаживать очередной семейный конфликт. За это время я незаметно реставрировал всю нашу жалкую мебель и сверх того сменил электропроводку в квартире...

Можно сказать, я рос на глазах семьи. И передо мной соответственно ставили все новые задачи, придерживаясь при этом главного авиационного принципа: от простого — к сложному...

Как раз в эту пору в полк пришел новый заместитель командира. Судить о нем я не мог, видел майора лишь раз — на офицерском собрании, когда командир представил нам Лапшина, традиционно произнеся: «Прошу любить и жаловать».

А на другой или на третий день иду я по стоянке и вижу: стоит мой бывший механик, переведенный в звено управления полка, старшина-сверхсрочник Алексеев, руки по швам, в глазах тоска, и слушает... Слышу, Лапшин вполне корректно формулирует:

— Двигатель на малых оборотах глохнет через каждые сто метров... рулить невозможно... Кто летал на вашем самолете? Что вы делали с мотором? Ни на что не похоже, старшина! Вы, я вижу, не мальчик...

Алексеев и правда был давно не мальчик — за сорок, в авиации больше двадцати лет, и вообще механик — божьей милостью!

Мне на той машине летать не приходилось, но я все равно решил вмешаться: Гришку жалко стало, безответный он мужик.

— Я, товарищ майор, отлично эту машину знаю, до последнего времени все было нормально. Позвольте, гляну? — И, не дожидаясь, чего он скажет, разрешит или нет, команду Гришке:

— Стремяночку давай, капот... отвертку!

Не успел Лапшин, как говорят, охнуть, а я карбюратор отрегулировал, жиклер малого газа отпустил немного. Велел Грише в кабину сесть, запустить движок... И на работающем моторе окончательно малый газ довел.

— Прошу проверить, — говорю Лапшину, — по моему разумению, экстралюкс.

Он проверил. Вроде остался доволен. Спрашивает:

— Техник звена?

— Никак нет. Летчик. — Понимаю, сразу всех не запомнить... обижаться не на что.

— Летчик? А чего не за свое дело беретесь?

— Почему не мое? Самолет — мое дело!

— Ваше дело — летать, а не гайки крутить...

— Извините, — говорю, — тот не летчик, кто не

может двигатель или тормоза отрегулировать, тот, извините, извозчик: но-но! Поехали!..

А теперь я учусь книги переплетать. Интересно. И нужно. За инструктора по переплетному делу у меня внук Алешка. Им в школе эту науку преподают. Теорию он легко схватывает, знает и как надо, и чем, и сколько там припустить... а терпения не хватает, и настоящей твердости в руках нет.

Хотя чего Алешку выгораживать. Другие в его возрасте не то уже могут. Книги переплетать еще не тяжелая индустрия...

* * *

В конце концов мы завоевали полное и безраздельное господство в воздухе. Во что это обошлось — другой вопрос. Но теперь оно было наконец нашим. И ощущения в полете стали совершенно иными.

Я даже не удивился, когда услышал от «зеленого» пилотажки-стажера, честно говоря, порядочного нахала:

— Сбить его не штука, да как найти?!

Конечно, это было наглым преувеличением: сбить противника редко бывает просто... Но найти его сделалось в ту пору действительно очень трудно.

Кажется, это был мой последний боевой вылет. Звено плюс пара, отданные в мои руки, составляли ударную группу. А восьмерку непосредственного прикрытия штурмовиков вел Носов. Объект нападения — аэродром.

Мы беспрепятственно достигли рубежа атаки, штурмовики с ходу подавили несильное зенитное прикрытие и принялись обрабатывать самолетные стоянки, бензосклады и склады боеприпасов...

Противодействия с воздуха не встретили. И Носов вполне разумно подключил свою восьмерку к атакам штурмовиков.

А я с группой ходил над аэродромом. Выше огня и дыма. Мои ребята только головами крутили: «мессеров» не было, но они могли появиться.

Штурмовики и группа Носова работали, как на полигоне: повторяли заход за заходом; бомбили и расстреливали цели, привередничая, — выбирали, что позаманчивее...

Шло время. И можно было уже сказать: вылет получился!

Наученный опытом, зная, сколь азартен Носов, я нажал на кнопку передатчика и, подражая низкому, с хрипотцой голосу командующего, сказал:

— Штурмовики, маленькие, — сбор! Не увлекаться!

Я видел, как штурмовики сработали отход; видел, как заняли свое место истребители, и сам уже начал разворачивать свою шестерку к дому, когда мне на глаза попался летевший много ниже одиночный «мессершмитт». Он перемещался как-то странно: рыскал вправо и влево... заметьте — один.

Я сказал:

— Остапенко, прикрываешь дальше звеном. Понял? — И, убедившись, что Остапенко понял, велел ведомому: — Миша, тихо за мной...

Мы спикировали ниже одиночного «мессершмитта». Я сказал:

— Пристраиваемся, ты — справа, я — слева.

Мы подошли и встали с ним крыло в крыло, как на параде.

Фашист поглядел на меня; я показал: пошли на посадку! С нами! Не думаю, что он пришел в

восторг, но... война шла к концу... и, главное, куда ему было деваться?..

По радию было слышно, как штурмовики благодарили Носова за отличное прикрытие... хотя, между прочим, прикрывать их на этот раз было не от кого. Потом Носов приказал группе перестраиваться на посадку и недовольно спросил Остапенко:

— Абаза где?

Мы подошли к аэродрому, когда Носов начинал третий, предпоследний разворот.

Я сказал:

— Внимательно, Миша... вспухни чуть-чуть... та-а-ак, хорошо, колеса пока не высовывай.

И показал фашисту: выпускаем шасси. Видел — он метнул взгляд вправо, но понял: второй русский не ушел, висит над самой кабиной, дернешься, угодишь под винт... И выпустил шасси. После этого он поглядел на меня с вопросом.

Международным жестом всех авиаторов — оттопыренный большой палец над кулаком — я показал: все в порядке...

Мы начали снижение. Я сказал:

— Миша, отстань немного и держи пушку под пальчиком.

— Понял, — ответил Миша и чуточку приотстал.

— Пока он не выключит двигатель на земле, стереги паразита, Миша, — сказал я.

Мы благополучно усадили «мессершмитт» на нашем аэродроме. И сели сами.

Потом, как всегда, уже ближе к вечеру состоялся разбор полетов.

У меня, кажется, были все основания ожидать если не восторга, то похвалы: все-таки не каждый день приводят истребители «языков» в свое расположение. Но все пошло не так, как я думал.

Игнорируя финал вылета, Носов спросил:

— Кто тебя дергал за язык объявлять «горбатым» сбор и отход?

— Так ведь по расчету времени... — начал я.

— Ведущий «горбатых» слепой? И я слепой?

— И «горбатые», и вы увлеклись...

— Почему ты, Абаза, в чужом глазу соринку видишь, а в своем — бревна не замечаешь? Погнался тихарем за отбившимся от стада «мессером», а группу без спроса передоверил Остапенке... Это правильно? Любишь себя показывать... людей удивлять. Скажи, ты для чего воюешь?

Чувствуя, как кровь забила у меня в шее, под скулами, за ушами, я сказал:

— Для победы... и больше ни для чего, товарищ майор.

— Так ли, Абаза?

— Так точно.

— И ты не станешь обижаться, если мы не запишем этого фрица на твой счет? Рассудим так: прилетел он сам, снизился сам... и сел сам. Верно? А у тебя и боекомплект нетронутый... Согласен? Ну, что скажешь?

— Служу Советскому Союзу, — сказал я. — Мнения не имею, так что, как прикажете, товарищ майор.

Прошло дня три. Страсти как будто улеглись, обстановка складывалась благоприятная, и я решил сунуться к Носову, попросить разрешения слетать на моем «мессере». Сначала он сделал вид, будто не понимает, о чем речь. Потом, видя, что я не отстаю, сказал:

— А для чего?

— Как для чего? Для интереса и, наверное, для

пользы дела, — сказал я. — Суворов еще велел изучать противника...

Носов отмахнулся:

— Не в моей власти.

— Разрешите обратиться к командиру дивизии?

— Война же кончается, ну для чего это тебе, Абаза?

— Тем более, — сказал я, — после войны поздно будет — тогда уже точно не слетаешь.

Почему-то именно в этом месте Носов разозлился всерьез:

— Ты мне хуже горькой редьки надоед, Абаза! Вечно больше всех надо, всегда лезешь...

А на другой день неосторожно развернувшийся бензозаправщик зацепил «мессершмитт» за плоскость и вывел машину из строя. Конечно, можно бы без особых хлопот отремонтировать, да кому охота возиться — война кончалась...

И сегодня жалею — не слетал.

Вообще-то жадность — плохо. Но одно исключение признаю: жадность к полетам. Летчик должен летать. Хоть на воротах, хоть на метле — летать!

* * *

Мальчишкой я часто и подолгу болел. Бывало, месяцами не выходил на улицу. Я ошалевал от унылого лежания в кровати, от тошнотворных запахов лекарств, от одиночества. Днями и неделями я видел только пустое окно перед глазами и затаенный скос потолка. Окно бывало то голубое, то серое, то ослепшее, когда наступала ночь. Выгнувшись на спине, я смотрел в окно и видел небо. Видел мыльные замки — облака, изменчивые и вдохновляющие, и невольно спрашивал себя: а куда они плывут — облака? Почему?

Случалось, по осеннему небу проносились перелетные птицы, бывало — клином, а бывало, тучей летели. И я спрашивал себя: а куда они летят, как находят дорогу?

Считается: важно отвечать на вопросы. Отвечать, конечно, правильно и желательно — быстро. Но неужели задавать вопросы не менее важно? Особенно себе.

Вот стихи. От одних хочется плакать, а от других... от других — ничего не хочется. Почему?

Или северное сияние. И зверь, и человек, когда загорается небо и от края до края бегут над головой всполохи, испытывают тревогу. В чем дело?

Или вот, куда проще, а может, и сложнее: почему Вася любит Машу, а не Зину, хотя, по общему мнению, Зина куда лучше Маши? Как объяснить?

Один выращивает герань и никак не поймет, как это можно увлекаться, например, замшелыми монетами, а другой — нумизмат — в недоумении: герань? Но это же бред, право! Почему?

Пока болел, я постоянно и помногу вопросов задавал себе. И, кажется, быстрее рос от этого... А потом, в суе будней — уроки, кружок, каток, Наташка, домашние дела, Сашка Бесюгин... — на вопросы как-то и времени не оставалось. И это худо.

А еще жалею теперь вот о чем: мне никогда не хватало времени на иностранные языки. Всерьез, я имею в виду. Если кому-нибудь любопытно мое мнение, скажу: тот, кто не знает хотя бы двух языков, кроме родного, не вполне человек. Скорее кандидат... Человек становится вполне человеком

Мы подошли к «мессеру» и встали с ним крыло в крыло, как на параде.

благодаря общению с людьми. А уж какое общение — на пальцах...

* * *

Вырос я в заурядной семье с твердыми, что называется, от века законами. Скажем, главой семьи считался отец, кормилец, добытчик и, соответственно, единовластный хозяин. В этом нельзя было сомневаться. Его слово — закон.

Мне это не нравилось. Сколько себя помню, такое единоначалие вызывало во мне постоянные вспышки протеста, даже бунта. За что бывал я и руган, и бит, но, кажется, так и не смирен.

Однако семья наша не была совсем уж рутинной, влияние времени сказывалось. Так, например, домострой домостроем, но отец никогда не обижал и не унижал мать. Напротив, он всячески, как умел, конечно, подчеркивал: мать — наше домашнее солнышко.

Или еще: денежку в нашей семье весьма любили и уважали, цену копеечке понимали, но жадность осуждалась искренне и решительно.

Могу, не скромничая, сказать: и я по этой части не оказался гадким утенком, хотя... тут и не обошлось без курьеза.

К тому времени я уже дорос до дверного замка и с превеликим удовольствием открывал так называемую парадную дверь, вступал в разговоры с ожидаемыми и неожиданными посетителями.

Когда на этот раз в дверь позвонили, дома никого не было. Я фокстерьером промчал по коридору и спросил, как учили:

— Кто там?

В ответ услышал:

— Подайте Христа ради...

Что бы это могло значить? Решил уточнить:

— Чего?

— Копеечку или хлебушка кусочек подайте.

Я открыл дверь и увидел очень старого, очень седого, очень морщинистого человека, одетого в лохмотья. Он смотрел на меня странными невидящими глазами филина — большими и круглыми — и повторил:

— Подайте Христа ради копеечку или хлебушка кусочек.

С таким я еще не встречался. Надо было как-то поступать, но как?

— Сейчас! — сказал я и полетел в комнаты.

Копеечки у меня не было. Есть ли хлеб в буфете, я не знал. Хлеба не оказалось. На потемневшей деревянной хлебнице, хранившейся в семье, наверное, со времени наполеоновского нашествия, валялась, не считая крошек, только смятая бумажная салфетка.

Как же быть? Я растерянно оглядел комнату и увидел сложенный на стуле серый отцовский костюм. И сразу вспомнил вчерашний разговор родителей.

— Только выбросить его, — говорила мама, — ты же шесть лет — в хвост и в гриву, не снимая...

— Ну и что? Для работы — вполне. Отдай в чистку! Поживет еще.

Последнее слово всегда бывало за отцом. Теперь костюм дожидался чистки.

Но ведь мама говорила: только выбросить! Я сам, собственными ушами слышал! Не очень задумываясь над последствиями, я схватил отцовский костюм, рысью пробежал по коридору и отдал терпеливо ожидавшемуся под дверью нищему.

— Спаси Христос! — сказал старик. — Заругают тебя, ангел...

Это было непонятно и странно: я ангел?!

За самовольство мне, конечно, влетело. Но на этот раз обошлось без особых нравоучений. И я бы сказал, что выпороли меня скорее для порядка, чисто символически: щедрость в нашей семье поощрялась.

Образование мои родители имели весьма ограниченное, но с молодых лет прониклись почти мистическим уважением к науке. Думаю, не последнюю роль тут играло непоколебимое убеждение: грамотность — капитал! В понимании отца тот же врач был прежде всего состоятельным, хорошо материально обеспеченным человеком.

И еще один нюанс: страшнее жадности осуждались в нашем доме любая нечестность, воровство, прикарманивание, обман, жульничество и все прочие явления этого ряда. Так вот, отец считал: образование открывает путь к честному достатку, избавляя от соблазна хитрить, совершать махинации и прочие неблагоприятности. Прав или не вполне прав был мой старик — другой вопрос, но меня уже при рождении он приговорил к образованию.

Все великие утверждают: учиться надо весело! Образование должно быть радостным.

Увы, мой недолгий путь в науку отмечен слезами и резко отрицательными эмоциями. И вот почему: самое начало омрачило, во-первых, насилие: учись, учись, учись! И, во-вторых, недоверие: врешь, а ну, покажи... я проверю!..

При этом мне столько раз повторяли: лентяй, бездарь, балда, осел, дубина... что в конце концов я уже созрел, чтобы махнуть на себя рукой — ну, что делать, если головой не вышел? Не все же умными рождаются, не у каждого способности... И спас меня случай, может, и не совсем случай, но так или иначе мне повезло.

В нашей общей квартире жил человек, которого все считали не вполне нормальным. Между собой называли его Инженер. Почему — не знаю. Работал он то ночным сторожем, то на подхвате в магазине и объяснял, что ему нужно свободное время для изобретательской деятельности.

Было ли у него на самом деле высшее образование, понятия не имею. Странности, безусловно, были. По утрам, например, он имел обыкновение расхаживать по квартире в трусах и босиком. Ему пытались говорить, что так, мол, неприлично, неуважительно к окружающим. Он спрашивал:

— Почему? Предположим, мы на пляже. Трусы — те самые. И что?.. Проходят?! Условности, чепуха...

Что именно изобретал странный сосед, не знаю, но, как мне теперь кажется, он был одержим идеей бесколесного транспорта. Сегодня это вовсе не безумие, а тогда телега без колес абсолютному большинству людей представлялась полной несусветностью. Вот этому человеку я многим, очень многим обязан. А началось с пустяка.

Изгнанный из комнаты, я торчал на кухне. Жалел себя, едва не ревел... Почему? Пытался наточить ножницы, а они перестали резать. Мне сказали: «Ты безрукий, Колька. Что ни схватишь, то испортишь... И никто не просил! Разгильдяй, все равно чем заниматься, лишь бы не учиться... Уши оторвать надо... Балбес! Пошел вон, с глаз!»

И я оказался на кухне.

Вышел сосед. Долго мыл руки над раковиной, шуруя скрипучей щеткой. Неожиданно, не оборачиваясь, спросил:

— Причина в чем?

— Ножницы,—сказал и показал я,—резали, а теперь не режут.

Он молча взял из моих рук ножницы, пощелкал, провел пальцем по лезвиям и хмыкнул:

— А угол?

— Чего?—не понял я.

— Угол заточки? Не ведаешь—семьдесят два градуса?!—И он повел меня в свою холостяцкую берлогу, где научил точить ножницы.

При этом он говорил много и нескладно, но... удивительно, как ни странно, дельно.

— Спроси: почему? Пойми, потом работай. Ясно?... Не знаешь—узнай... Нет у кого... мозгу и пробуй. Не вышло—почему? Думай! Картошку чистить просто, а пол мыть, а дрова колоть, а лапти плести? Умеешь—просто, а нет—не дай бог!..

После истории с ножницами я стал заходить к соседу (родители этих посещений не одобряли). И должен признать, он не только многому научил меня, но, и это, пожалуй, главное, прочно заложил в мальчишескую голову убеждение: человек может все. Понять. Узнать. Решить. Может—сам.

Если очень захочет и если четко определит, чего ему надо и зачем.

Я вырослел, а сосед вроде не старился: отношения наши становились ближе, понимание росло. Он много раз помогал мне решать задачи по математике, случалось, и по физике...

Я вполне доверял Инженеру и не считал его ненормальным. Максимум—странноватым. Однажды признался:

— Хочу в авиацию идти.—Никому не признавался, а ему сказал.

— Форма нравится?—неприятно ощерился Инженер, показывая свои желтые кривые зубы.

По правде, я обозлился, пожалел, что разоткровенничался, и тоже ощерился:

— Нравится! А что—плохая форма?—И, выдержав паузу, добавил:—Но мне нравится не только форма. Где еще такое сочетание умственных и физических усилий, как в авиации?

— О-о-о! Разговор!—сразу изменившимся тоном откликнулся Инженер. — Искать гармонию—занятие. Для человека! Только не очертя голову!

— Почему очертя голову?—не сообразил я, что он имеет в виду.

— Обыкновенно: в военное училище метишь?

— Да-а.

— А в аэроклуб? Сначала! Понюхать... проверить взаимность?

— Чего проверить?

— Ты в авиацию хочешь, а она? Может не признать... Способности есть ли? Летный талант? Ты—не знаешь, я—не знаю... И никто не знает... Методом проб и ошибок осваиваем жизнь... А цена? Соображать надо: рубль вложил—два взял!

И он убедил меня.

Когда позже я уже собрался нести заявление в аэроклуб, сосед сказал посмеиваясь:

— Желаю тебе... отравиться!

— Что-о-о?—вытаращил я глаза.

— Авиацией отравиться... наповал... На всю жизнь! Иначе не стоит начинать.

* * *

По нержавеющей авиационной привычке я просыпаюсь без будильника. Глаза открываются в то самое время, какое я назначил, хотя открываться им не хочется.

Рань-раница необыкновенная. Улицы вымершие, машины только штучные, и асфальт еще прохладный, даже пылью почти не пахнет...

Собираюсь и выхожу на площадь Маяковского.

Начинаю точно с того места, с которого когда-то давным-давно мы начинали под водительством пионервожатой Лены,—со ступеней концертного зала Чайковского.

Да, я решил два раза в неделю—по вторникам и пятницам—проходить Садовым кольцом, полный круг...

Для чего? Чтобы не заплывать жиром, чтобы двигаться: нет надежнее средства против дряхления—и чтобы доказать самому себе: Абаза кое-что еще может!

Только не думайте, пожалуйста, будто я сильно стараюсь продлить пребывание здесь, ну-у... в вашем обществе, на земле. Знаю: от смерти не уйти, никому еще это не удалось... А вот сделать так, чтобы не болеть, я надеюсь и верю, в моих силах.

И какая вообще это глупость, связывать понятие молодости с числом прожитых лет! Разве в годах дело, разве не бывает двадцатилетних стариков и семидесятилетних юношей?

Инженер прочно заложил
в мою мальчишескую голову убеждение:
человек может все.
Понять. Узнать. Решить. Может сам.

Вся штука в потенциале души! В способности двигаться, удивляться, искать, радоваться, разочаровываться и не переставать надеяться. А потенциал рождает динамика.

С этим: «Да здравствует динамика, никакой статики!» — я и выхожу на старт.

Когда-то первый этап был у нас этапом молчания. Теперь все кольцо предстоит пройти в молчании: разговаривать не с кем.

Иду ровным, неспешным шагом, вглядываюсь в дома, припоминаю, какие были в годы моего детства, а какие — моложе меня.

Интересно, раньше в этом доме жили Фортунатовы.

За последние пятьдесят лет Митьку, то есть Дмитрия Валериановича, я встречал всего дважды.

Первый раз вскоре после войны. В школе устроили тогда вечер «Наши фронтовики». Увидел и не сразу узнал. Тощий он был, прихрамывал, звеня медалями. Вроде в войсках связи служил. Собирался учиться в институте, только в каком — не запомнил я.

А потом, лет через двадцать, он вдруг позвонил, заехал ко мне и сразу начал:

— Припадаю по дикому поводу к твоим стопам! Один сын у меня — Серега. Вздумал лезть в авиацию, недоумок. Только ты можешь его отговорить. Силой авторитета. Сделаешь — на всю жизнь должник...

Поглядел на Фортунатова. Стал он упитанным. Костюм хороший, ботинки по последней моде. И вообще — благополучие из него лучилось, спокойная уверенность в себе и своих связях. Едва ли терзали человека сомнения — вот только с сыном, Сережей, незадача вышла.

Никаких чувств к Фортунатову я в себе не обнаружил. Вообще, мне казалось, что пришел не Митька, а... его отец, тот, что был владельцем бывшей барской квартиры, с высокими лепными потолками, с дверьми, блестящими зеркальными стеклами, и неисчислимым множеством мебели в комнатах.

— Не сделаю, — сказал я. — Нет.

— Почему? Мы взрослые люди, Николай Николаевич, постарайся стать на мое место... Сережа — способный мальчик, но дурачок-романтик...

— Я понимаю и сочувствую, но не сделаю. Не сумею.

Интересно, а дом, между прочим, выглядит сегодня лучше, чем когда-то выглядел. Отремонтирован, перекрашен. Был серым, угрюмым, а теперь светленький, в желтизну отдает.

Мне навстречу, от площади Восстания, бежит седой человек в вылинявшем спортивном костюме, старых, растоптанных кедах. «Еще одна ранняя птичка», — отмечаю про себя.

У бегущего странное выражение лица: смущенное и надменное одновременно. Вроде и стесняется он раннего бега и вообще причастности к этому повальному увлечению, а с другой стороны, готов дать отпор любому, кто осудит...

Понимаю. Пока что ради здоровья и долголетия бегают много людей, но не большинство! А это всегда не просто — быть в меньшинстве. Когда все что-либо совершают или как-то одеты — в коротком ли, в длинном, — когда дружно высказывают

известные истины, хорошо накатанными словами, и мысли не возникает — как бы кто не покосился, не осудил, не осмеял... Где большинство — сила! И ты прикрыв...

Незаметно пересекаю Новый Арбат. Движение заметно прибавилось. Но людей еще немного: магазины закрыты и откроются не скоро.

Иду, как шел, не прибавляя шага и не делая остановок. Пятнадцать километров для здорового человека не так и много. На этот счет никакого сомнения.

Другой вопрос: как бы вдруг не плюнуть, не сбить себя какой-нибудь «вводной»: «А на черта мне вся эта физкультура?» Или: «Скажи-ка, кто судьбу свою перехитрил?!» А тогда недолго и на троллейбус вскочить или в метро нырнуть: «В конце концов я ни перед кем отчитываться не обязан. Шел, пока не надоело...» «Мое слово — мое: хочу — даю, хочу — забираю...»

Нет, по этому принципу я не стану действовать. Дойду.

Мои дети выросли при моем минимальном участии: полеты, командировки, странное чувство — еще успею... Как, однако, долго я был уверен — торопиться не следует, на все хватит времени. Скорее всего, такая уверенность даже хороша.

Но сегодня я во многом не смею упрекнуть ребят. Если один, на мой взгляд, бесхарактерный и мягкотелый, так чья это вина: его или моя? Положим, обоих, положим, его даже большая, но и я в ответе... Если другой эгоист, глухой к чужой жизни, так не потому ли, что и я болел этими же болячками?

Нет, нет, я не о наследственности думаю, не о генах, на которые так легко ссылаться: все и проще, и обиднее — я недополучаю сегодня то, чего недодал в свое время сам.

А дочь?... О ней лучше не думать...

И опять знакомый дом!

Здесь я был в гостях у Наташи. Во взрослости уже. С женой, с сыном пригласили. Наташка познакомила с мужем, показала двух мальчишек.

Больше Наташи, больше мальчишек мне понравился хозяин дома — муж и папа.

Был он здоровенного роста. Широкий и грузный. А ходил неслышно, и поворачивался легко, будто пританцовывая, и говорил не много, не мало — в меру. Не пылил пошленькими словами из развлекательного гарнитура, но сострить мог неожиданно и лихо.

Оказался Наташин муж работником цирка. Только не из тех, кого мы видим на арене. Он трудился в мастерских, делал всякое оборудование, снаряды, приспособления, словом, обеспечивал постановочную часть техникой. Талантливейшими руками наградила злодейка-судьба Наташкиного мужа. Все он умел сделать, и на каком уровне! Стоило приглядеться к их квартире, и все без слов становилось ясным, и прошибала легкой испариной зависть — мне бы так уметь...

Ну, вот и Москва-река подмигивает.

Над Парком культуры здоровнейшее торчит колесице: просто-таки космического масштаба. Не подумайте, что для катания, для смеха такое поста-

вили... За колесищем — постаревший Нескучный сад, где из меня когда-то так коварно выкатились монетки и где Галя объявила себя собакой...

Рано ее скосило. И не война — рак. Рассказал Коркия, можно сказать, между делом, случайно: «Слышал...» «Что ты говоришь!» «Да-да, так нелепо получилось... Бедняга...» — И мы разошлись, чтобы жить дальше, чтобы тут же забыть о Гале...

И вот всплыло.

Гале не повезло в жизни. В биологической лотерее не выиграла: унаследовала увесистость, топорные черты лица от папы и слабое здоровье — от мамы. Надолго не хватило. А человек она была со стержнем! Знала, чего хотела, и за что бралась, бралась крепко...

Моей бы дочери хоть малость от Галиной хватки, чтоб ее не раскачивало каждым порывом житейского ветра...

А Октябрьская площадь какая стала! Размах — аэродромный.

По совести если сказать, ноги нагрузку все-таки чувствуют, а в остальном — ничего. Сердце бьется. И за это я люблю мое сердце — умеет держаться в тени, не вылезать. Положено стучать, стучит, не мешая. Правда, лет пять назад пугануло оно меня. Но старый приятель, замечательный авиационный доктор, сказал тогда, послушав:

— Чего хочешь, тебе не двадцать. Слушаю и слышу — работает сердце пожилого человека... Конечно, немолодое сердце, однако здоровое. Так что давай, Коля, без паники.

Лекарство прописал. Как выразился тогда, вроде сердечного витамина.

Только для меня другое важнее оказалось, чем лекарство.

Без паники! Это вот правильно. Хоть пожар вспомнить... хоть войну. Кто контроль над собой не теряет, тот — пан.

Я шел и шел, не так, можно сказать, и много оставалось, когда близ Лермонтовской откуда-то, как мне показалось, с неба посыпались прямо под ноги желтенькие, пушистые комочки.

Господи! Утята! Живые, едва вылупившиеся, совсем крошечные, они отважно парашютировали с чердака одиннадцатизэтажного дома, растопырив коротенькие крылышки, вытягивая шейки, помогая себе перепончатыми лапками.

Ну-у, молодцы!

Утята благополучно приземлились на жесткий асфальт, выстроились в не слишком стройную колонну и медленно заковыляли в направлении Чистых прудов.

Тормозили машины, пропуская утиный выводок. Изумлялись редкие прохожие. И было чему: не каждый день встретишь диких уток в Москве. Да еще без ведущего.

Они шли своей дорогой — к воде.

Долго глядел я вслед малышам, и страшные мне виделись дали.

Потом повернулся и пошел.

И дошел.

И вам позвольте пожелать — дойти.

КОНЕЦ

Ким САРАНЧИН

Звездный путь

Памяти Юрия Гагарина

Я лечу среди звезд в ракете,
И земля мне видна едва,
Но родная моя планета,
Словно мамина голова,
Мне кивает с доброю лаской:
«Ты лети, мой сынок, не трусь!»
Как нужна земная подсказка,
Я за землю еще держусь!
Путь мой звездный очень далекий.
Как бы Землю опять обнять
Да погладить шар синеокий
И седую земную прядь...
И пусть светит мне негасимо
Среди ночи и даже дня
Прядка светлая — мать Россия,
Что взметнула к звездам меня...

Игорь МАЗНИН

Ожидание

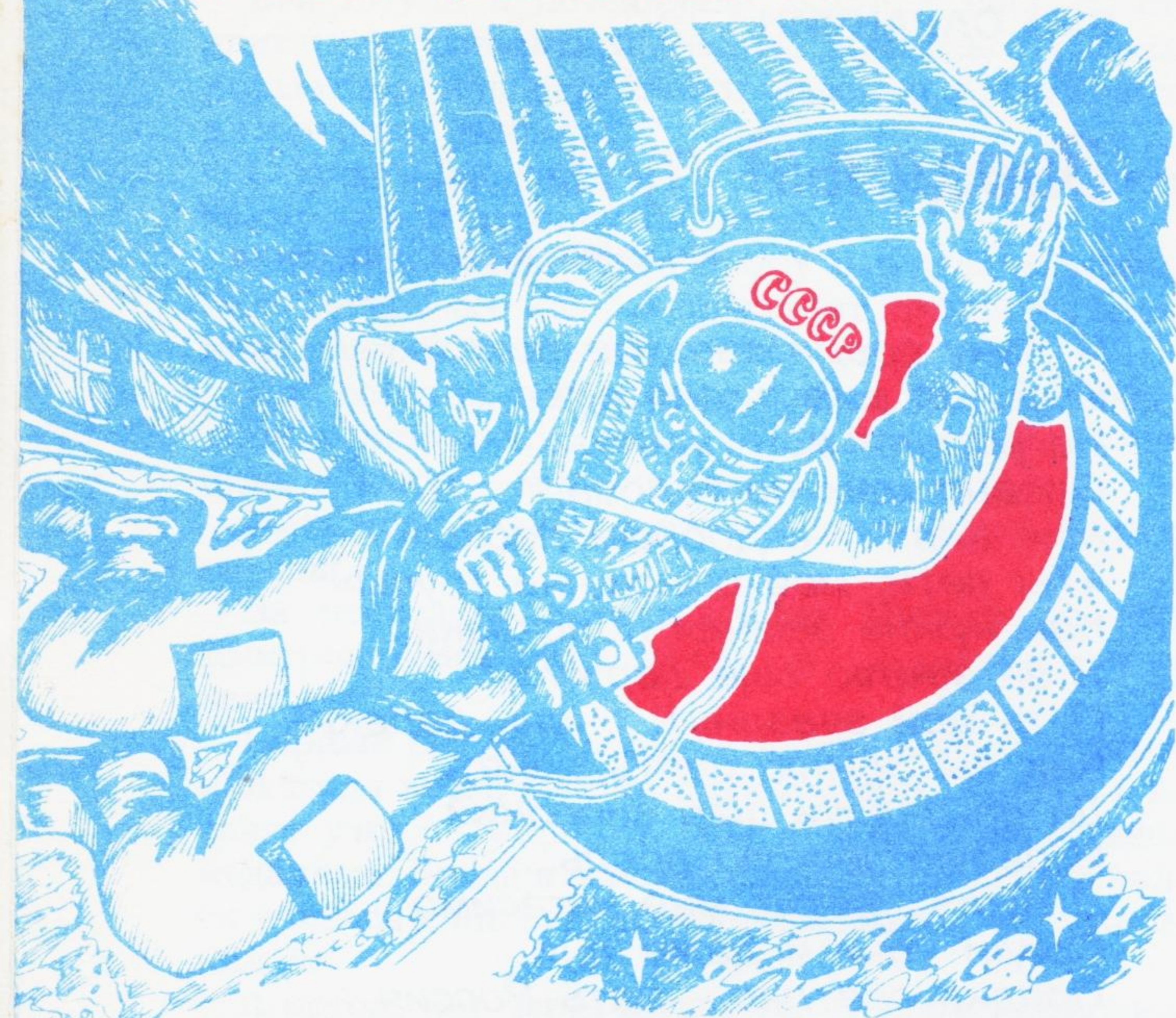
Засвистала, запела скворечня,
Заплескала волною река,
И, качнувшись, поплыли неспешно
Мимолетным путем облака.

И белы, и легки, и кудрявы,
Но лишь день или два погода
Потемнеют они, и на травы
Хлынут теплые струи дождя.

И поднимутся травы, и тихо
Запоют, зазвенят, зашуршат,
И воспрянет в лесу облепиха,
И утонет в цветении сад.

И опять в ожидании лета
Станет тесным от птиц небосвод,
И пробудится сердце от света,
И, ожив, от восторга замрет!

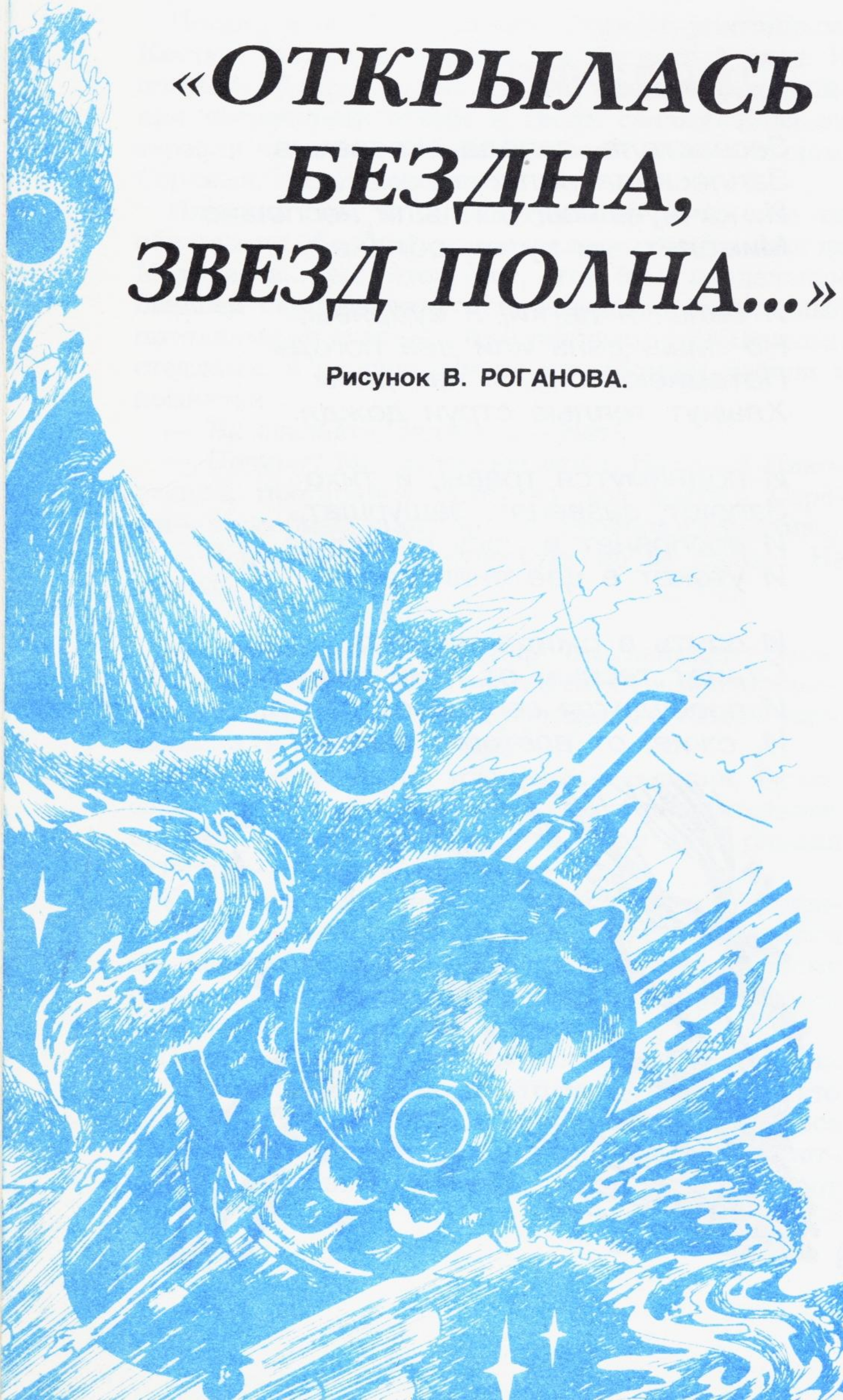

Владимир ГУБАРЕВ,
лауреат Государственной премии СССР
и премии Ленинского комсомола

«ОТКРЫЛАСЬ БЕЗДНА, ЗВЕЗД ПОЛНА...»

Рисунок В. РОГАНОВА.

Они открыли люк, и тотчас ударил внутрь станции яркий солнечный свет. Он ослеплял, будто вышли они из темных сеней на крыльцо дома, а вокруг земля была покрыта свежеснег, и небо было ясное, безоблачное...

Владимир Ляхов увидел огненные искорки — они стремительно вылетали из станции и исчезали в бездне. Он догадался, что это пылинки, которые космос, будто гигантский пылесос, вытягивал из «Салюта-7». Мимо поплыл карандаш, Александр Александров ловко ухватил его: этот карандаш они вчера искали повсюду, но так и не смогли обнаружить, а теперь он выплыл сам, но сбежать в космос ему не удалось.

— Все нормально, люк открыт, — доложил Ляхов Центру управления полетом.

— Осмотритесь и начинайте работать по графике, — разрешила «Земля».

Так начался один из самых сложных в истории отечественной космонавтики экспериментов — выход в открытый космос Владимира Ляхова и Александра Александрова, осуществленный во время их 150-суточной экспедиции на «Салюте-7». В общей сложности им пришлось дважды выбираться за пределы станции, чтобы выполнить монтажные работы — нарастить панели солнечных батарей. Около шести часов трудились советские космонавты в той бездне, которая полна звезд, как сказал поэт.

Дальняя дорога начинается с первого шага... И во время своих выходов за пределы станции Ляхов и Александров его сделали. Они пользовались специальными инструментами, лебедками, монтировали довольно сложную конструкцию дополнительной секции солнечной электростанции «Салюта-7», и ее мощность значительно увеличилась. Таким образом, в миниатюре космонавты осуществили те самые операции, которые потребуются при монтаже и сборке на околоземных орбитах больших орбитальных комплексов, промышленных цехов, исследовательских лабораторий. А такое мирное строительство в космосе не за горами, разработаны проекты своеобразных космических поселков и городов, и бесспорно, они появятся вокруг Земли в будущем столетии.

Уже стало привычным, что советские космонавты длительное время — многие месяцы — живут и работают на станциях «Салют». Они осуществляют разнообразные научные исследования, их результатами пользуются специалисты различных областей науки и народного хозяйства — от астрофизиков до пожарных. Более трехсот экспериментов и исследований в каждой длительной экспедиции проводят экипажи, а значит, многие десятки научных и производственных организаций многих стран мира используют их наблюдения. Но одно дело — быть внутри космического аппарата, совсем иное — работать вне его.

Первым в открытый космос вышел Алексей Леонов. Он вспоминает:

— Необычное ощущение охватывает человека, когда он видит перед собой мириады звезд, которые горят не мигая. А внизу летит твоя родная планета — красивы моря и материк: я пролетал как раз над Крымом, — но отсюда, из открытого космоса, они кажутся бесконечно далекими, гораздо более далекими, чем из корабля...

Следом за Леоновым многие советские космонавты побывали «наедине с космосом». И каждый раз они подтверждали, что самыми впечатляющими, неповторимыми были как раз эти минуты, ког-

да лишь тонкая нить фала связывала человека с его космическим домом — кораблем или станцией.

Чем же завораживает открытый космос?

— И вот пришло это мгновение — люк открыт! — рассказывает Валентин Лебедев. — Первое: Земля выглядит объемной, совсем иной, чем в иллюминаторе. Чувствуется, что она очень далеко. И видишь ее, будто на картине, — маленькая планета, и она вся перед тобой... Что меня поразило? Мелкая деталь при работе с телекамерой. Я снял крышку, хотел ее куда-нибудь прицепить, но ничего не нашел подходящего. Времени нельзя было терять, и я оставил крышку рядом с камерой. Отошел, начал работать с образцами, а затем взглянул в сторону телекамеры. И вдруг вижу крышку, висящую в пространстве неподвижно... С огромной скоростью летит комплекс, ее ощущаешь почти физически — стремительно меняется панорама Земли, а крышка висит над станцией.

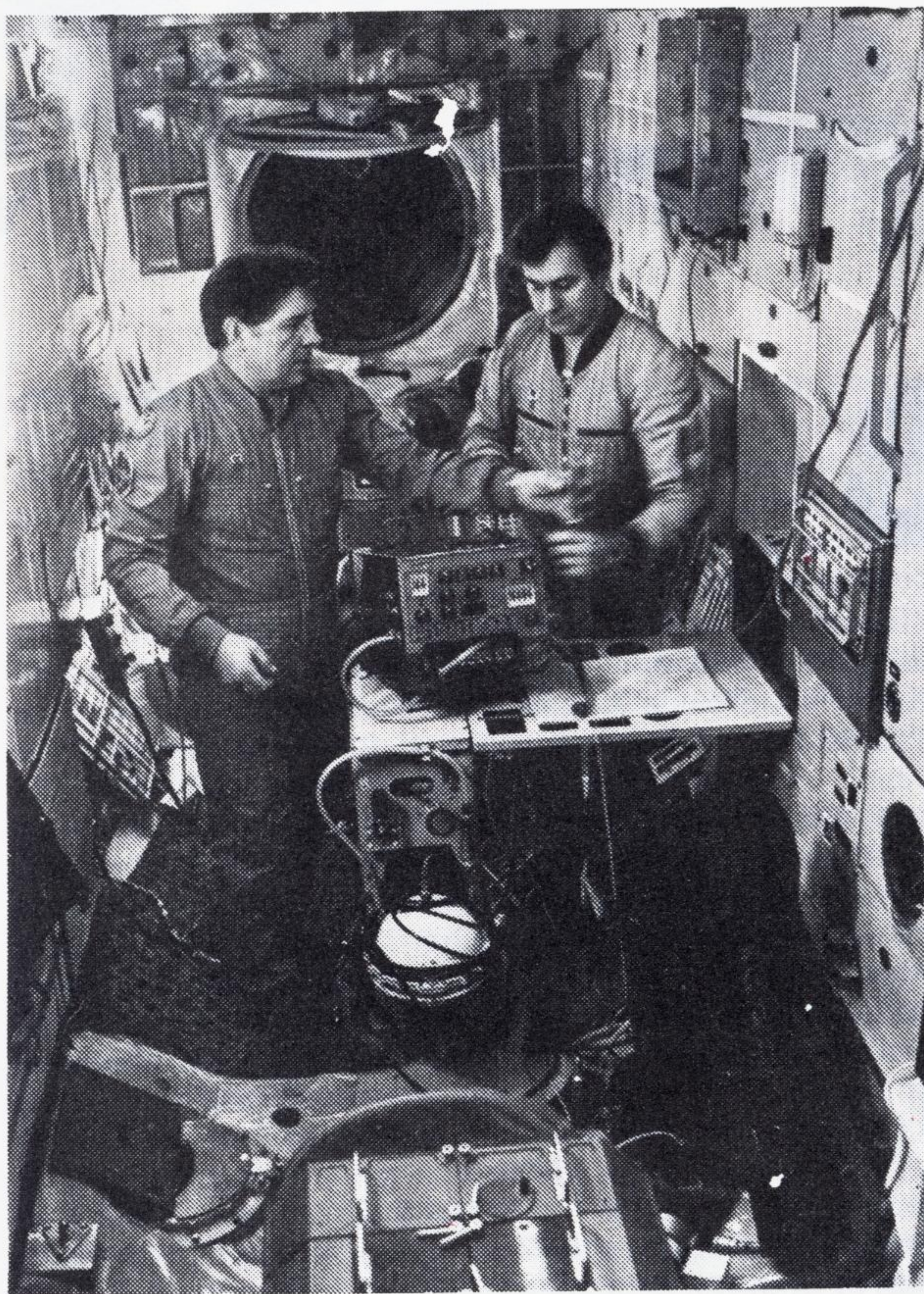
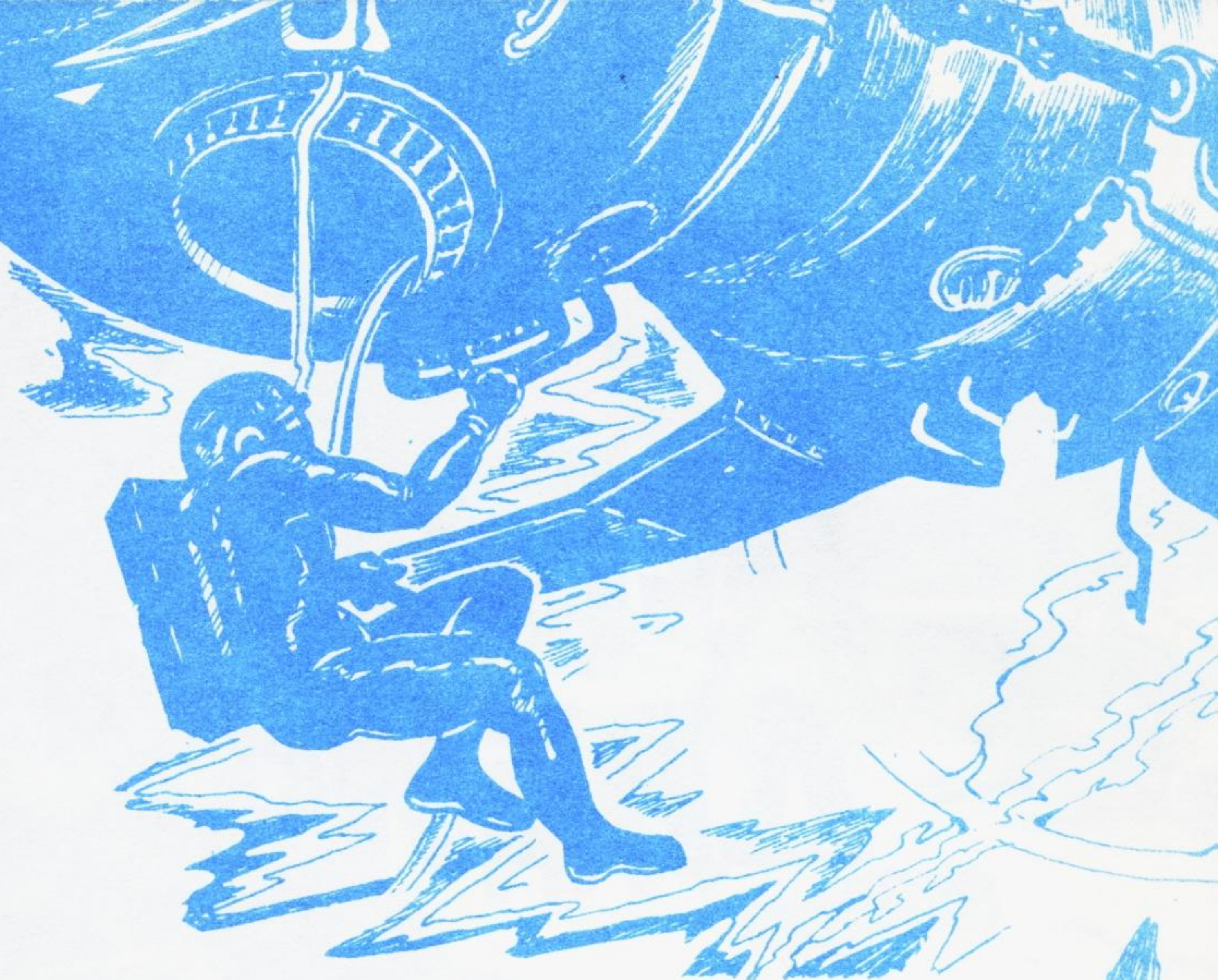
— Валентина удивила неподвижность крышки, — говорит Анатолий Березовой, — и какое-то величественное молчание космоса, а меня поразили «космический ветер», точнее, своеобразный «сквознячок», возникший сразу после открытия люка. Глубокий вакуум «отсасывал» остатки воздуха, и я ощущал этот ветерок. Обратил внимание на целлофановый кармашек, в котором были уложены разные инструкции. Он прикреплен к стенке. Этот кармашек вибрировал... Многие рассказывали товарищи об ощущениях, эмоциях, но, по-моему, их невозможно передать словами! Это нужно обязательно увидеть и почувствовать...

Анатолий Березовой и Валентин Лебедев первыми выходили за пределы «Салюта-7», а затем работу продолжили Владимир Ляхов и Александр Александров.

— Все космонавты убеждали, что Земля — маленькая планета, если смотреть на нее из космоса, — говорит Владимир Ляхов, — а мне она показалась очень большой. И величественной. Мы долго находились за пределами станции, кстати, работалось очень легко, видно, неплохо «впитали» мы опыт наших товарищей. Но когда комплекс входил в тень Земли, образовывалось «свободное время», и можно было оглядеться. Совершенно потрясающая картина: темная планета, а вокруг нее светящийся ореол, будто она лежит в какой-то огромной светлой чаше. Наверное, нечто подобное можно увидеть во время полного солнечного затмения... Наблюдаю за Сашей и вдруг вижу: он лег на спину и смотрит ввысь...

— Лежишь себе нога за ногу, отдыхаешь, а вокруг все необычно, фантастично, — говорит Александр Александров. — Внизу огни больших городов — мы как раз над материком пролетали, кое-где видны сполохи гроз, а над тобой — мириады звезд и Орион! Черный бархат космоса, и разбросаны на нем огоньки — одни горят ярче, другие — слабее, но все вместе рядом, совсем близко. Рукой дотянешься — такое ощущение. Представить, наверное, невозможно, потому что никогда такого не увидишь... И даже трудно предположить, что подобное зрелище возможно... Эмоциональный заряд огромен — навсегда останутся в памяти эти минуты.

...Два человека стоят на станции. Позади видны крылья солнечных батарей, придающие «Салюту-7» сходство со сказочной космической птицей. Она парит над планетой, вокруг медленно вращается звездный мир, и кажется, что это сюжет какого-то фантастического фильма. Но это реальность современной космонавтики.

Владимир Ляхов (слева) и Александр Александров во время предполетных занятий в Центре подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина.

А. НЕКРАСОВ

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ДРЕЙФ

Рисунки В. ДУДКИНА.

В конце двадцатых годов в Арктике началось чуть заметное потепление. И появилась надежда на то, что сквозной путь вдоль берегов Сибири, о котором столько лет мечтали моряки, превратится в регулярную морскую дорогу.

Правда, еще в XVI веке русские отыскивали морской путь в Сибирь. Шли «ринчарой» (чистой водой между берегом и льдом, отнесенным отливом) или разводьями. А где и волоком через «необходимые носы» (так называли полуострова, которые не удавалось обойти морем). Каждое лето ходили русские мореходы до енисейских мест в богатый город Мангазея. «Золотокипящей государевой казной» называл народ тот город. Туда, в царство льдов и драгоценных соболей, следом за русскими стремились англичане и голландцы, мечтавшие превратить наш Север в свою колонию. Так рьяно рвались иноземцы в Сибирь, что власти «заказали» русским ходить морем в Сибирь, опасаясь, что наши мореходы, не желая того, покажут путь иноземным захватчикам. Заглох «мангазейский ход», сгинула Мангазея, и еще триста лет богатейший Северный край оставался неосвоенной частью нашей Родины.

Напрасно дальновидные люди убеждали царское правительство планомерно и глубоко изучать Арктику, ставить полярные станции, строить порты и ледоколы. Станции и ледоколы строились, но на это выделялись гроши, и Северный морской путь был по-прежнему скован льдами...

Но вот пришел 1917 год. Новые хозяева страны понимали, что Россию придется перестраивать заново. А золота не хватало. Тогда-то и вспомнили о сибирском лесе. В тайге он зря пропадает, а в Европе ему цены нет. Но без морской дороги как доставишь сибирское «золото» в Европу? Началось наступление на Арктику. Ремонтировали ледокольный флот, какой был. Наблюдателей разместили на островах и на побережье. Они и заметили, что Арктика начала теплеть. Первыми воспользовались этим ученые. На боте «Книпович» они по «чистой» воде обошли Землю Франца-Иосифа, куда прежде не могли пробиться ледоколы.

В 1932 году выдающийся ученый, блестящий

организатор и беспредельно смелый человек Отто Юльевич Шмидт решил за одну навигацию пройти вдоль Сибири. И прошел! Великий Северный морской путь из мечты превратился в реальность.

12 декабря Шмидт вернулся в Москву и доложил правительству о победе. А уже 17 декабря Совет Народных Комиссаров принял решение о создании Главного управления Северного морского пути. Начальником Управления был назначен Шмидт.

И закипела работа. Размещались новые станции в Арктике, строились порты и базы. На помощь морякам пришли самолеты. Морская дорога к сибирскому лесу была разведана и благоустроена. До Енисея теперь доходили легко. А дальше? Восточная часть пути по-прежнему была заперта льдами. И у нас, и на Западе пошли разговоры, что поход Шмидта был случайной удачей, что ему всего лишь повезло.

Нужно было доказать всему миру, что у нашей страны хватит сил и умения справиться со льдами. Взвесив все «за» и «против», Шмидт решил еще раз пройти тем же путем. Идти, как и в прошлый раз, собирались на ледокольном пароходе. Но когда пришло время отправляться в путь, оказалось, что весь ледокольный флот уже в плавании. Единственное, что мог предложить Совторгфлот, был пароход «Лена», который достраивался в Копенгагене. Там строились корабли, которые славились своей надежностью. Уже в Ленинграде авторитетная комиссия осмотрела этот обычный сухогрузный пароход и признала его малопригодным для плавания во льдах Арктики.

Не поздно было отказаться от похода. Но не такой человек был Шмидт. Он отлично понимал, какой огромный риск ждет его в этом походе. Но понимал он и другое: откажись он сейчас от своей попытки — вера в победу над льдами угаснет, и на долгие годы Северный морской путь так и останется непроходимым. Ледовые прогнозы были благоприятны, и когда еще будут такие, никто не знал. А риск?.. И сам Шмидт и подобранные им люди привыкли рисковать. А потом они верили: что бы ни случилось, Родина, когда будет нужно, придет на помощь.

В июле 1933 года пароход получил новое имя. Его называли «Челюскин» в честь лейтенанта Челюскина, еще в XVIII веке открывшего самую северную точку Азии, которую и называли его именем. Имея на борту больше ста человек, «Челюскин» пошел штурмовать Арктику. Сотни миллионов людей с восторгом следили по радио за смелым походом. 31 августа капитан сделал запись в судовом журнале: «...у супругов Васильевых родился ребенок, девочка. Счислимая широта $75^{\circ} 46' 51''$ сев., долгота $91^{\circ} 06'$ вост. Глубина моря 52 метра». Девочку называли Кариной, в честь Карского моря, которое стало ее родиной. Эта весть сразу облетела весь мир. В тот год еще тысячи Карин появились на Земле. Это имя стало самым модным. Иногда так называли даже мальчиков.

А первого сентября новое необычайное событие поразило мир: у мыса Челюскина, который за все времена обогнули только девять судов, собрались сразу шесть советских пароходов. Тут даже малове-рам стало ясно: Северный морской путь набирает силу!

Когда «Челюскин» вошел в море Лаптевых, капитан начал нервничать. И немудрено! Был бы «Челюскин», как задумывали, ледокольным паро-ходом, он легко растолкал бы встречные льды. А так приходилось самому капитану летать на раз-ведку, выбирать путь по «чистой» воде. Но ее с каждым днем становилось меньше, и, наконец, окруженный со всех сторон льдами, «Челюскин» остановился в тридцати пяти километрах от берега. Зажатый со всех сторон, «Челюскин» стоял, впаян-ный в лед. Но устойчивый западный ветер медленно гнал ледяное поле, и корабль вместе со льдом продолжал путь на восток. Вошел в Берингов пролив и, наконец, 4 ноября вышел в Тихий океан. Всего несколько километров льда отделяло пароход от «чистой» воды. Но эти несколько километров оказались роковыми. Пытались взрывать ледовую перемычку. Но взрывчатка не справилась со льдом. Потом западный ветер стих, и течение погнало ледяное поле обратно на запад. «Челюскин» снова прошел Берингов пролив, и не нашлось силы, способной остановить корабль или вывести его из

льда. Ледорез «Литке», построенный в Америке, не справился со льдами, хотя и был совсем близко. Начался дрейф в тяжелых льдах. Теперь все могло случиться.

А мир по-прежнему с сочувственным вниманием следил за походом смельчаков. Восторженным хо-ром неслись в Москву приветствия «Челюскину». Но в этом восторженном хоре слышались порой и злорадные голоса западных «знатоков Арктики», утверждавших, что затея большевиков закончится грандиозной трагедией.

И вот случилось самое страшное: 13 февраля льды пришли в движение. Попробуйте представить себе, что это такое! Даже маленькое ледяное поле, километр на километр площадью в метр толщиной, весит около миллиона тонн! А вокруг «Челюскина» лежали многокилометровые поля толщиной до трех метров. Они, как орех, раздавили не приспособлен-ный к ледовому плаванию корабль. Но трагедии не произошло. Паники не было. Все «население» «Че-люскина» принялось спасать грузы. Работали в темноте. Машинное отделение залило, свет погас, и лебедки больше не работали. Но люди успели вынести все ценное. Даже самолет удалось спасти: когда палуба тонущего корабля на секунду сравня-лась с ледяным полем—его вынесли на руках. Почти в тот же миг все кончилось: «Челюскин» носом вперед нырнул на дно Чукотского моря.

В темноте сделали переключку. Погиб один чел-век—Борис Могилевич: его придавило покати-вшимся грузом. В темноте ставили первые палатки, налаживали связь. Когда наладили—мир ахнул: 104 человека, среди которых было десять женщин и две маленькие девочки, оказались на льду. «Мы же говорили»,—злорадствовали «знатоки». Но тогда они еще не знали, на что способны советские люди!

Потерпевшие не успели толком осмотреться на новом месте, а в Москве уже работала Правитель-ственная комиссия по спасению челюскинцев. Воз-главил эту комиссию Валериан Владимирович Куй-бышев. Рядом с первой телеграммой о гибели «Челюскина» на первых страницах «Правды» и «Известий» появилось постановление «Об органи-

зации помощи участникам экспедиции тов. Шмидта О. Ю. и команды погибшего судна «Челюскин». В те дни сотни миллионов людей, просыпаясь, первым делом торопились узнать, как там, в ледовом лагере Шмидта. А в лагере все было нормально. Челюскинцы обживали свою льдину: построили жилой барак, утеплили палатки, сделали кухню... На льдине, которая каждую минуту могла расколоться на куски, царили спокойствие и дисциплина. А на земле тысячи взволнованных людей предлагали свою помощь и готовы были на любой риск для спасения потерпевших. Множество проектов и предложений приходило в Комиссию со всех концов страны. Были дельные предложения, были и фантастические проекты. Кто-то предлагал спасти челюскинцев на подводной лодке, кто-то — на дирижабле. Предлагали объединить самолет с аэростатом, чтобы уменьшить риск посадки на лед, предлагали танк-амфибию, подъемник, который позволил бы брать людей со льда прямо в самолет... Все проекты, в том числе и самые фантастические, добросовестно рассматривались. На Чукотку, где решили сосредоточить все силы, стягивались самолеты, на собаках завозилось горючее на аэродромы, туда же на пароходе повезли дирижабль. Ледокол «Красин» спешно готовили в Ленинграде...

А в ледовом лагере по-прежнему все шло своим чередом. Даже собрания проводились и выходила стенгазета «Не сдадимся». Играли в домино и в шахматы, делал свои зарисовки молодой художник Ф. Решетников, которого скоро узнал весь мир. Даже белого медведя убили, когда любопытный зверь подошел слишком близко к лагерю. А «знатоки» Арктики не унимались. Немецкая газета «Фольксштимме» писала: «...никто не может помочь этой сотне людей... Если природа не придет на помощь, они погибнут».

Природа на помощь не пришла, но они не погибли. Первый проблеск надежды появился, когда, подняв свой израненный при выгрузке самолет, улетел из лагеря Михаил Бабушкин: на ремонт его самолета пошли даже английские булавки, «конфискованные» у женщин. Потом молодой летчик Анатолий Ляпидевский, «выбрав» погоду, вылетел из Уэлена, где базировался его тяжелый самолет,

отыскал среди льдов лагерь и за один рейс вывез на мыс Ванкарем всех женщин и двух маленьких девочек. Женщины упирались. Они не хотели улетать первыми. А самолеты тем временем стягивались к Чукотке. Одни прибыли на пароходе, другие прилетели «на своих крыльях» из Хабаровска. Слепнев и Леваневский прилетели с Аляски, где специально для спасения челюскинцев закупили американские самолеты. Многие летчики так и не успели добраться до лагеря. Только самые искусные и смелые одного за другим сняли со льдины всех потерпевших.

12 апреля 1934 года на льдине осталось всего шесть человек. Заболевший Шмидт улетел раньше, и этим шестерым пришлось спустить флаг лагеря. Ровно два месяца этот флаг развевался над льдиной, символизируя, что ледовый лагерь — кусочек Родины. В то время самолет летел из Ванкарема сюда полтора часа. Земля сообщила: «Ушли!» Их ждали. Час, полтора, два... Земля вновь сообщила: «Вернулись — не нашли. Разводите посадочный костер подымнее». В своих воспоминаниях радист Э. Кренкель пишет, как он на другой день своими руками бросил в костер два ящика дорогих папирос... Костер получился достаточно дымный. В апреле летчики забрали последних пассажиров, даже собак забрали всех до одной. Мир вздохнул с облегчением.

Очень скоро, 16 апреля, Советское правительство учредило новое почетное звание «Герой Советского Союза». Это звание первыми получили семь героев-летчиков, своим мужеством превратившие неминуемое, казалось, поражение в блестящую победу. Они вместе с челюскинцами еще шли на пароходе во Владивосток, а Москва уже готовилась к встрече. Все ждали их в гости. И в редакции «Пионера» побывали... не герои, правда, а семья летчика, Героя Советского Союза М. Водопьянова. Сам он еще ехал в Москву.

Сегодня, в век космоса, лазера, атомной энергии, никого не удивила бы такая операция, как спасение челюскинцев. Сегодня мы стали еще сильнее. Есть у нас атомные ледоколы, вертолеты, которые могут снять людей с любой льдины, есть Северный морской путь, который действует круглый год. Но в те годы мужество наших летчиков поразило мир!

Весна

Весна прикатила в зеленых санях.
Небо — как полог синий.
И с каждой проталины в белых снегах
Доносится гомон гусиный.

Осели, опали сугробы-дома,
Увяли, как лист осенний.
И клочьями снега слиняла зима,
Как шерсть с моего оленя.

Первым весенним коротким дождем
Жажду земля утолила.
И сторбленный тальник горячим лучом
Солнце уже распрямило.

Трещат, и крошатся, и бьют в берега
Тяжелые серые льдины,
Как будто олени скрестили рога
В безудержной сшибке звериной.

Тюленями льдины плывут в океан
И в черную воду ныряют.
За ними в санях, как охотник-долган,
На север весна поспешает.

Чу-кил-лик

Тундра весело запела:
Чу-кил-лик! Чу-кил-лик!
По весне к нам прилетела
Птица пестрая кулик.
Ноги — крючья. Нос длинней,
Чем олений прут хорей.

Ты умна и осторожна,
Птица чуткая кулик,
Как тебя увидеть можно?
Чу-кил-лик! Чу-кил-лик!
Твоего, кулик, гнезда
Я не видел никогда.

Ты на ягельном пригорке
Где-то рядышком сидишь
И за мною глазом зорким
Настороженно следишь,
Птица тайная кулик.
Чу-кил-лик! Чу-кил-лик!

Неподвижно, словно кочка,
Я замру и затаюсь.
Буду ждать и днем, и ночью
И тогда тебя дождусь.
Не хочу тебя обидеть,
А хочу тебя увидеть.

Чум

Скрестили шест
С другим шестом,
Потом
Еще с одним шестом,
Покрыв оленьей шкурой,
И вот готов высокий дом.
Мы чумом этот дом зовем,
Он дарит нас своим теплом
Зимой суровой, хмурой.
Вверху отверстие, сюда
Глядится белая звезда.

Сегодня вы у нас в гостях.
Пылает весело очаг.
В стаканах плещется чаек,
Горячий, крепкий, вязкий.
Тесней усядемся в кружок
И будем слушать сказки.
Их нам, уютно бормоча,
Расскажет бабушка Кыча.

Но вот уже и спать зовут.
А спать нам неохота.
— Мы посидим немного тут,
Пока мужчины не придут
Усталые с охоты!

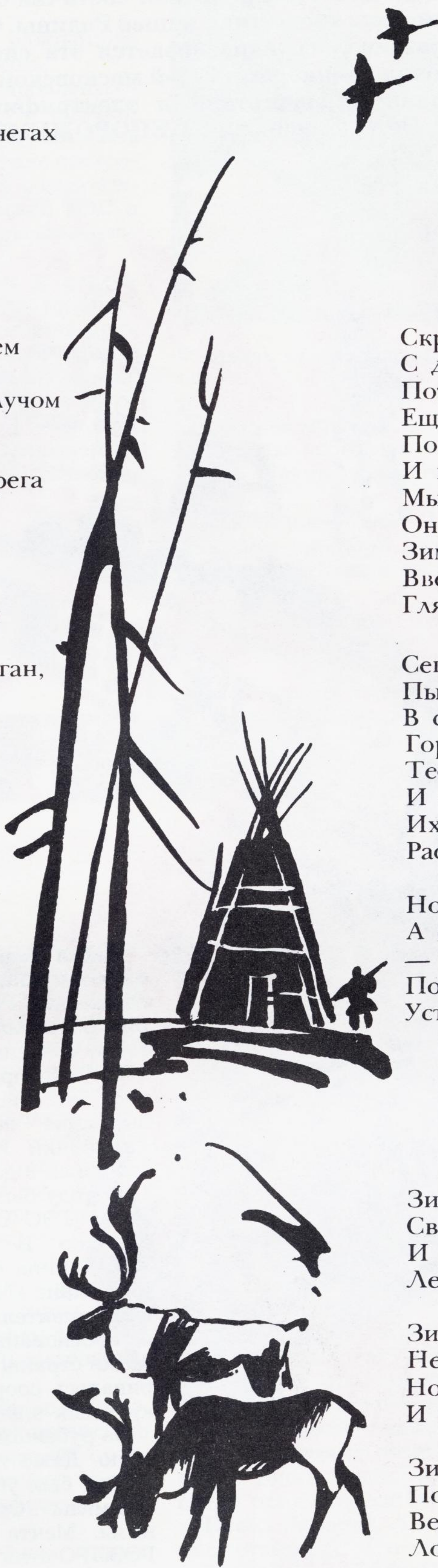
Апрель

Зимой на шапке меховой
Сверкал, искрился иней.
И снег на речке ледяной
Лежал дорогой синей.

Зимой Полярная звезда
Не расставалась с нами.
Но вот весна пришла сюда,
И снег поет ручьями.

Зима спешит уйти скорей
По тающему снегу.
Весна торопится за ней,
Ломая лед с разбегу.

Перевел с долганского
Леонид ЯХНИН.

Сегодня каждая электрическая лампочка в нашем доме — это крохотная частичка огромной системы энергетики нашей Родины. О том, как развивалась и развивается эта система, беседовал с юнкорами 212-й московской школы министр энергетики и электрификации СССР Петр Степанович НЕПОРОЖНИЙ.

...ПЛЮС

Павел Баранов. У вас в кабинете висит карта электрификации нашей страны. Ее интересно разглядывать. Расскажите, Петр Степанович, об истории развития энергетики в СССР. Ведь она очень тесно связана с историей нашей Родины.

П. С. Непорожний. Это ты верно сказал. Начну с того, что Владимир Ильич Ленин уделял огромное внимание вопросам электрификации. Первые «лампочки Ильича», как вы, очевидно, знаете, зажглись в деревне от малых гидростанций — их в 1919 году было построено около пятидесяти, в том числе ГЭС на реке Ламе в подмосковном селе Кашино. В феврале 1920 года по инициативе В. И. Ленина была создана Комиссия по составлению плана электрификации России — ГОЭЛРО. Это был удивительный документ — первый в мире научно обоснованный единый план хозяйственного развития страны на базе электрификации. Предусматривалось соорудить в течение 10—15 лет тридцать крупных электростанций.

За рубежом мало кто верил в Россию электрическую. Даже такой писатель-фантаст, как Герберт Уэллс, был убежден: России никогда не выбраться «из мглы». Смешно вспоминать эти мрачные прогнозы. Мечта Владимира Ильича сбылась: план ГОЭЛРО стал реальностью! Уже в 1926 году вошли в строй Волховская станция, Бозсуйская в Узбекистане, Ереванская в Армении... В 1935 году задания, намеченные планом ГОЭЛРО, были перевыполнены. К началу Великой Отечественной войны наши

электростанции вырабатывали энергии почти в 25 раз больше, чем электростанции дореволюционной России.

Павел Баранов. Но, наверно, больше всего сделано было после войны?

П. С. Непорожний. Да, назову лишь важнейшие стройки: обо всех просто не расскажешь.

На Ангаре построена Братская гидроэлектростанция, на Енисее — Красноярская. Это подлинные гиганты. Красноярская ГЭС в год пуска была самой крупной ГЭС в мире. В Таджикистане построена Нурекская ГЭС с плотиной высотой в стоэтажный дом. О громадной Саяно-Шушенской ГЭС в журнале «Пионер», помню, подробно рассказывалось.

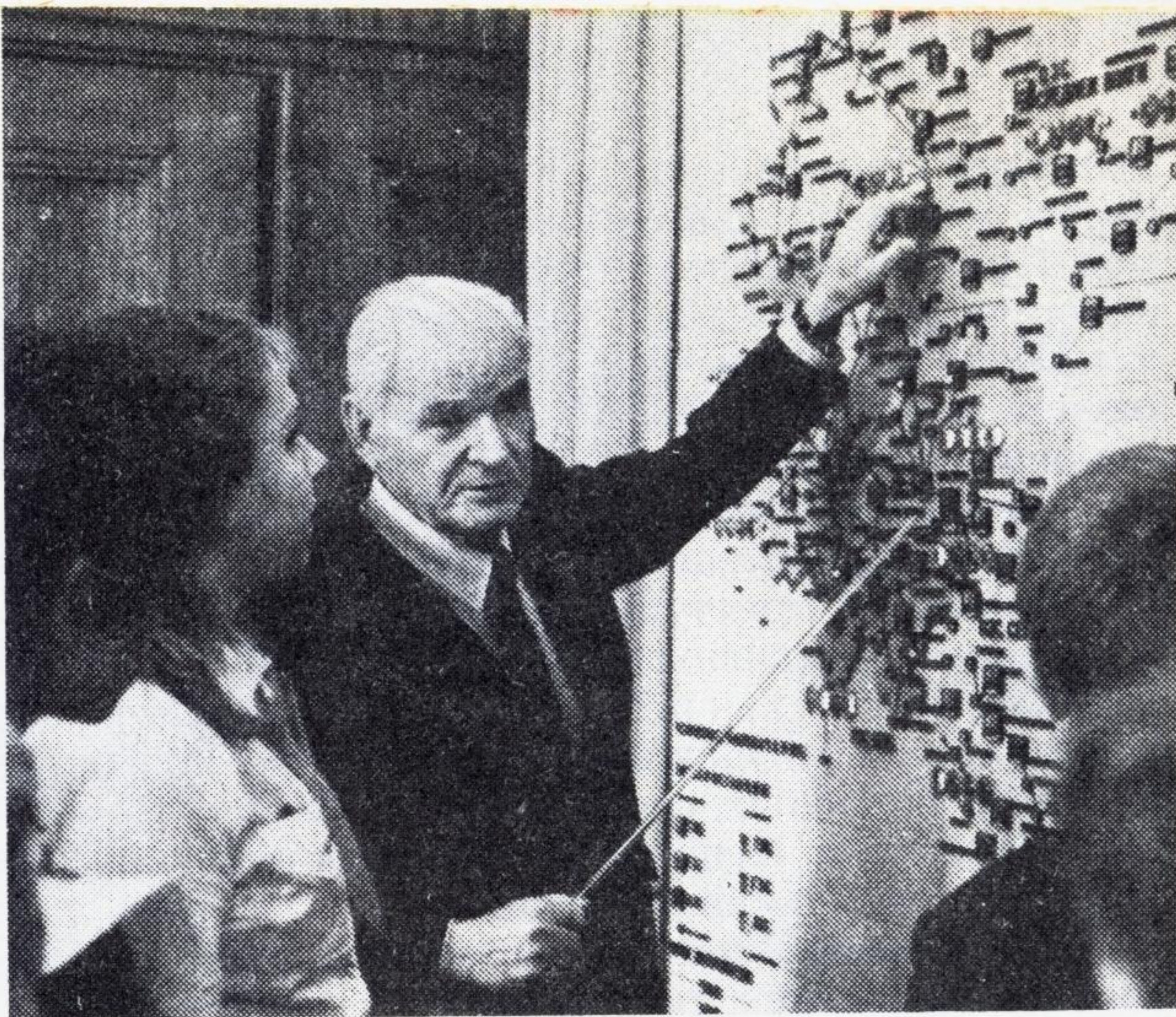
Но основную часть электроэнергии в стране вырабатывают тепловые электростанции, на которых сжигается большое количество топлива — угля, газа, мазута. Некоторые из них, расположенные в городах, дают и горячую воду для наших домов.

Сейчас очень быстро развивается атомная энергетика.

За XI пятилетку производство электроэнергии увеличится с 1294 до 1550—1600 миллиардов киловатт-часов. Дело идет на триллионы.

Коля Говорушкин. Многовато...

П. С. Непорожний. То-то и оно. А ничего удивительного. Вон как мы много строим: городов, заво-

У карты электрификации.

«Товарищ министр энергетики и электрификации, дайте нам побольше электроэнергии».

Ира Шевченко. И что бы вы, Петр Степанович, ответили?

П. С. Непорожний. Я бы сказал, что мы много работаем над этой задачей. Только за последние 30 лет потребление электроэнергии в промышлен-

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ

дов, железных дорог. Человек подчинил энергию ветра, воды, пара. Электричество совершило настоящую революцию во всем укладе жизни людей. Давайте от мощнейших гидростанций с плотинами, которые и глазом порой не охватишь, обратимся к обычному домашнему электросчетчику. Посмотрим в его стеклянный, никогда не дремлющий глазок. Бежит, торопится ленточка, изредка щелкают цифирьки. Вспомним вместе, что они сообщают: холодильник работает... Телевизор включен... Мама возится у стиральной машины... Свет горит...

Тепло и воду дало вашей квартире тоже электричество. Оно неустанно работает на каждого из нас. Уровень электрификации страны определяется тем, сколько электроэнергии приходится на одного человека — от младенца до глубокого старца. Этот показатель все время растет. В 1985 году он будет доведен до 5620 киловатт против 4870 киловатт в 1980 году. Видите, какой рост.

Вся наша промышленность, сельское хозяйство, строительство, все народное хозяйство пронизано электрическими сетями, как человеческий организм кровеносными сосудами. Перестанет поступать ток — любой завод сразу остановится. Все замрет...

Ира Шевченко. Тогда вместо станков станут работать роботы.

П. С. Непорожний. Нет, Ира, и робот не сможет работать без электричества. Ведь это тот же автомат. Он, если бы умел говорить, сразу потребовал:

ности возросло в 11 раз, а в сельском хозяйстве — в 70 раз.

Лена Лукьянова. Петр Степанович, но электричество дают не только гидростанции... Расскажите про то, как работает на всех нас атом.

П. С. Непорожний. Атомная энергетика... Началом ее в нашей стране считается 27 июня 1954 года, когда в городе Обнинске была пущена первая в мире атомная электростанция. Сейчас же их насчитывается свыше десяти. Что собой представляет атомная энергетика, над которой шефствует Ленинский комсомол? Каковы ее преимущества перед энергетикой обычной? Если коротко, отвечу так: теплотворная способность уранового топлива несравненно выше теплотворной способности угля — основного топлива современных теплоэлектростанций. Кроме того: ТЭС мощностью в 1 миллион киловатт потребляет в год 1500 эшелонов угля, а для АЭС при тех же условиях достаточно всего трех вагонов ядерного топлива. И еще об одной проблеме скажу. Теплоэлектростанции все-таки загрязняют воздух. Атомные же электростанции с точки зрения воздействия на окружающую среду практически безвредны.

Павел Баранов. А я слышал по радио о приливных станциях. Что это такое? Это фантастика?

П. С. Непорожний. Нет, не фантастика. Дело реальное, полезное. Океанский прилив наступает на берег со строгой закономерностью. В одних местах каждые 12 часов 25 минут, в других — 24 часа

50 минут. Прилив плавно поднимает уровень моря у берега — от нескольких сантиметров до многих метров. Приливная волна — это же чистейшая энергия, которую дарит нам море или океан. Заманчиво ее использовать. Конечно, отобрать эту энергию у океана не просто: много технических сложностей. Но первые попытки сделаны. На побережье Баренцева моря сооружена Кислогубская опытная приливная электростанция. Опыт оказался успешным. Он помог нам приступить к изучению и обоснованию таких приливных электростанций, как Лумбовская, Мезенская и Тугурская. Кстати, наш опыт пригодился и зарубежным энергетикам. Изучаются проекты подобных сооружений в Индии, Австралии, Аргентине. Использование приливной энергии предусмотрено и на будущее.

Коля Говорушкин. А солнечные электростанции — это тоже не фантазия?

П. С. Непорожний. Отнюдь. Люди давно ощущали могущество Солнца и всегда стремились взять от него возможно больше. У нас в республиках Средней Азии, в Южном Казахстане, Забайкалье, Кры-

Дима Синельников. Что такое Единая энергетическая система?

П. С. Непорожний. У нас в стране много электростанций, самых различных, как мы уже говорили. Так вот, Единая энергетическая система объединяет их линиями электропередач высокого напряжения. Словом, это комплекс электростанций и электросетей с единым управлением. К Единой энергосистеме подсоединяются все новые и новые районы страны.

Она охватывает сегодня территорию в 10 миллионов квадратных километров.

При различных чрезвычайных обстоятельствах мы теперь можем с диспетчерского пункта при нашем министерстве с помощью автоматики направлять «электрические реки» туда, куда надо в данный момент. Сами знаете, на реках бывают периоды многоводья, мелководья, и, значит, ГЭС не может работать на полную мощность. В тот район мы можем моментально направить избыточную энергию других станций. Делается это так же просто, как дома вы включаете лампочку.

Люба Майкова. Петр Степанович, расскажите о себе, как вы стали министром.

П. С. Непорожний. Я всю жизнь в энергетике проработал. Считаю, с малых лет. Родился в небольшом городке Яготине, под Киевом. Мальчишкой все на плотину бегал. Очень было любопытно смотреть на наливное колесо. Даже помогал на кузне клепать разные детали для него. Семилетку окончил, профтехшколу. Слесарил, токарил. По окончании Киевского гидротехникума послали меня в Среднюю Азию строить ирригационные системы: стране был нужен хлопок. Время нелегкое: конец двадцатых годов, басмачи мешали. На работу выезжал с винтовкой за спиной.

Потом поступил в Ленинградский институт путей сообщения, на водный факультет. Служил в армии. Опять проектировал и строил в Узбекистане различные гидротехнические сооружения. Тогда там возводился Чирчикский каскад.

Во время войны по заданию Государственного Комитета Оборона занимался эвакуацией энергетического оборудования в восточные районы страны. Потом работал на Свирьстрое, восстанавливал Днепрогэс, сооружал Каховский гидроузел. Все время учился. Защитил кандидатскую, затем докторскую диссертацию. Уже более двадцати лет возглавляю Министерство энергетики и электрификации СССР.

Коля Говорушкин. Скажите, пожалуйста, Петр Степанович, а какие профессии нужны в энергетике?

П. С. Непорожний. Через несколько лет многие из вас окончат школу или ПТУ. И очень хочется, чтобы вы пришли на наши предприятия. Професий у нас множество — все не перечислишь. Назову лишь некоторые. Очень нам нужны слесари-электромонтажники, электромонтеры, машинисты энергоблоков, электротехники-прибористы. На электростанциях, теплоэлектростанциях мы испытываем большую нужду в инженерах-энергетиках: специалистах по паровым котлам, турбинам, атомным реакторам, по эксплуатации электрогенераторов, трансформаторов, подстанций, теплотехниках, операторах ЭВМ.

Я постарался ответить на все ваши вопросы, дорогие ребята. Всего вам доброго. Желаю успеха в учебе. А если кто-то из вас захочет в будущем посвятить себя энергетике — милости просим. Энергетика ждет ваших молодых рук, она нуждается в творческой активности будущих специалистов.

му, Нижнем Поволжье, на Кавказе годовое число часов солнечного освещения составляет от двух до трех тысяч. В Крыму строится опытно-промышленная солнечная электростанция. Она будет сравнительно небольшой мощности. Одновременно ведутся разработки более крупных солнечных электростанций. Конечно, это дело будущего, но не столь отдаленного.

И еще о геотермальных электростанциях. В недрах Земли таятся огромные запасы теплоты — они поистине неисчерпаемы. Это очень дешевый и безвредный вид первичной энергии. В Советском Союзе — более шестидесяти геотермальных районов, содержащих горячие и перегретые воды, которые можно использовать в народном хозяйстве. Только на Камчатке более ста естественных выходов термальных вод, в том числе знаменитая Долина гейзеров. В 1967 году в долине реки Паужетка вблизи вулканов Кошелева и Камбального, неподалеку от побережья Охотского моря, была построена первая в СССР геотермальная тепловая электростанция.

Что лучше?

В соседнем дворе —
Боевые ребята:
Они нам вчера
Объявили
Войну...
А мы им сказали:
— Нам некогда,
Братцы,
Мы все — космонавты,
Летим на Луну!

Они — присмирели,
Они — загрустили,
Минут через десять
Войну отменили.
Пришли к нам во двор
И давай умолять:
— Возьмите и нас
В космонавтов играть!

Тепло

Во дворе
Стояла
Бочка.

Вдруг
Пустила
Бочка
Почку.

А за ней —
Другую
Почку.

А потом —
И третью
Почку.

И пошло,
Пошло,
Пошло!

Вот
Что сделало
Тепло!

Черемуха

Утром
Пчела
Разбудила
Осу:

— Белый дворец
Появился
В лесу!

Снизу и доверху
Полон сластей.

Мы —
Из числа
Приглашенных
Гостей!

Белый дворец!
Белый дворец!

Кто поторопится,
Тот — молодец!

Лошадь в кузницу пришла

Лошадь
В кузницу пришла,
Жеребенка привела.

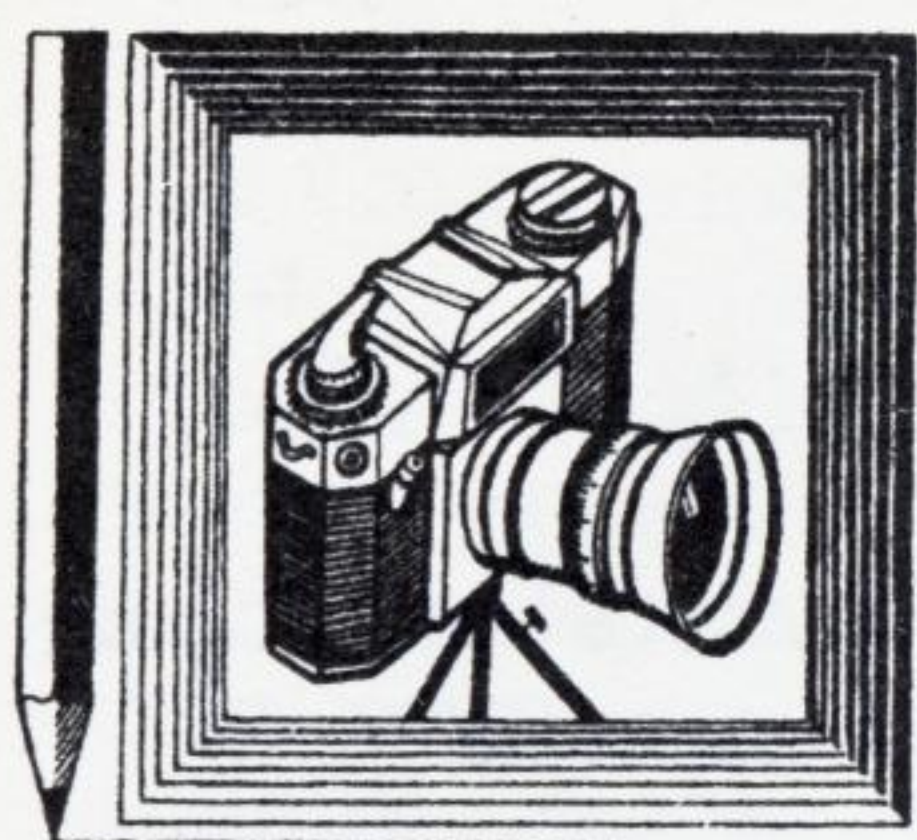
— Сын подрос, —
Она сказала. —
Хочет землю он
Пахать.
И поэтому,
Ребята,
Надо сына
Подковать!

Награда

Говорит цветку
Пчела:
— Я работать
Начала!

Говорит пчеле
Цветок:
— Если так —
Бери медок!

Рисунок Д. КРЫЛОВА.

БУДНИ АФГАНИСТАНА

30 апреля 1978 года в Афганистане победила революция. Афганские трудящиеся стали строить новую жизнь. Помогают им в этом Советский Союз и другие социалистические страны.

Много перемен произошло в Афганистане за шесть лет. Народная власть дала крестьянам землю, жилье и работу бездомным. У афганских ребят есть теперь пионерская организация.

Успехи в строительстве новой жизни были бы еще больше, если бы империалисты и недобитые контрреволюционеры не вели тайной войны против афганского народа. Они убивают мирных жителей, взрывают мечети, дороги, мосты, распускают ложные слухи.

Афганская народная армия дает решительный отпор контрреволюционерам. Афганским бойцам помогают советские воины, выполняющие интернациональный долг по защите дружественного нам народа.

Недавно из поездки по Афганистану вернулся заслуженный художник РСФСР, лауреат премии Союза журналистов СССР Ю. А. ЧЕРЕПАНОВ. Предлагаем его изорепортаж о сегодняшних днях этой страны.

Многие афганцы утверждают, что Кабул — ровесник древнего Вавилона. Сейчас столица Афганистана переживает вторую молодость. В центре города реконструируются старые здания, а в восточной части растут кабульские Черемушки — современный жилой микрорайон.

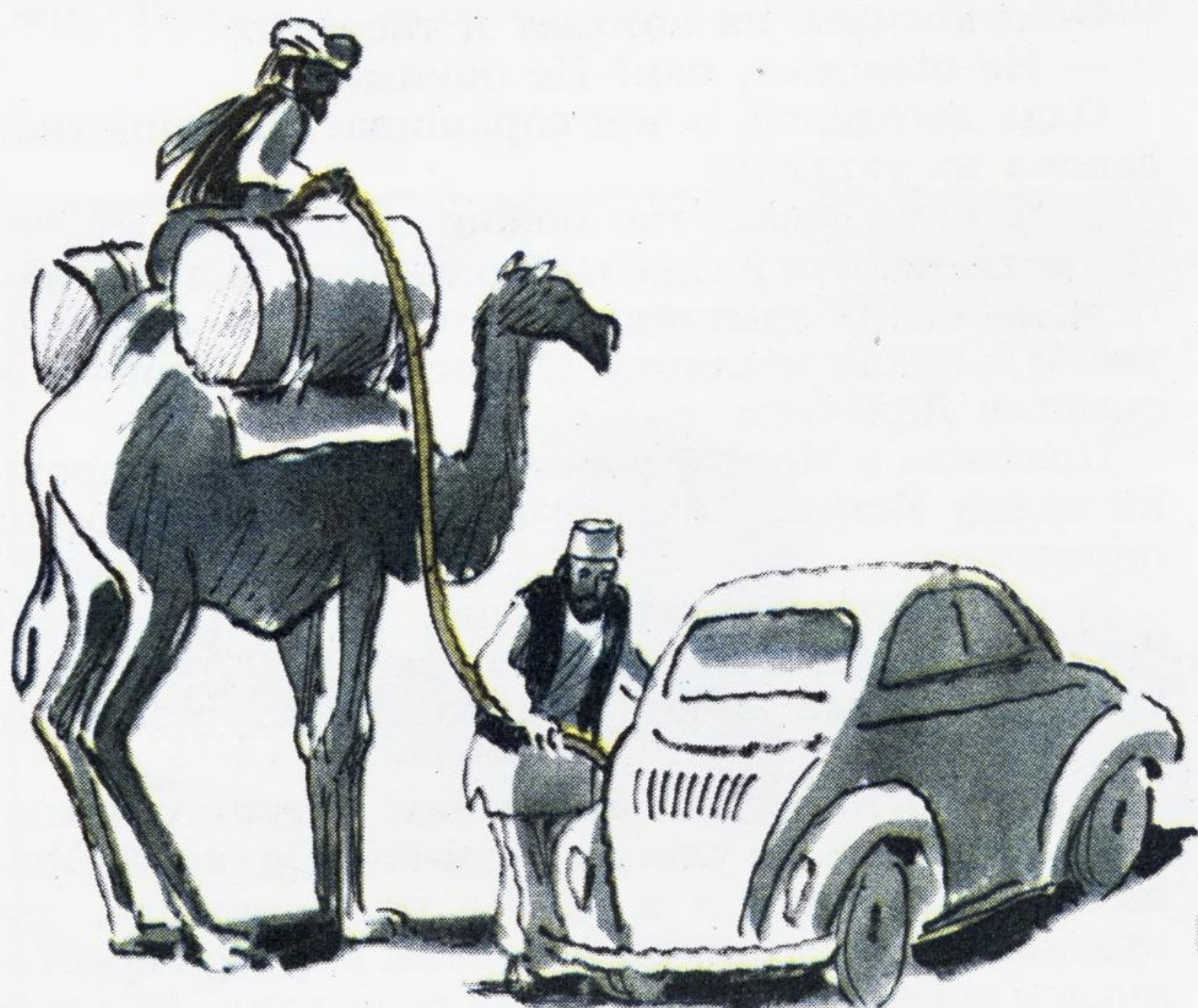
Этот крестьянин впервые взял в руки книгу. Пионеры помогают ему научиться читать и писать.

Уличные музыканты.

Каких только автомобилей не встретишь в Кабуле!
Но еще удивительнее, пожалуй,
увидеть вот такую бензозаправку...

Кабул просыпается рано.
Только отзвучали голоса муэдзинов
на минаретах — и город на ногах.
Раздались первые автомобильные гудки,
потянулись вереницы осликов и горожан
в старый город, к базару.
Впрочем, вся старая часть Кабула — базар.
На каждом углу, на каждом перекрестке
увидишь лотки с фруктами,
горы дынь и мандаринов,
мальчишек — торговцев водой и сладостями.

Апрельская революция дала крестьянам землю.
Теперь они готовы
защитить ее с оружием в руках.

МАЛЕНЬКИЙ СТРАЖ ОРЛИЦКОГО КРАЯ

Олда Долечек родился в семье лесника в Восточной Чехии. В годы войны вся семья Долечеков помогала партизанам. Олда стал разведчиком. Он проникал в гитлеровские гарнизоны и приносил партизанам ценные сведения. В марте 1943 года семья лесника была арестована гестаповцами. Отца расстреляли, мать и младшую сестру бросили в тюрьму, а Олду отправили в концлагерь. В его сопроводительных документах стояла пометка: «Возвращение нежелательно». Олда не вернулся...

Олда лежал на жесткой больничной койке. От малейшего движения поскрипывали пружины. Он давно привык к этой «скрипучей музыке». И к торопливым шагам нянечки в коридоре больничного барака давно привык. Не мог свыкнуться только с мыслью, что инвалид, что никогда уже не увидит родную Орлицу...

На улице с утра до вечера не умолкает громкоговоритель. В форточку врываются веселые песни, медное гремяние оркестров и нежный наигрыш скрипки — третий месяц ликуют люди, празднуя победу над фашизмом. А он, слепой, скованный страшным недугом, может только догадываться, что творится за окном. Лишь одна мысль согревает: ты тоже бил фашистов. Значит, праздник Победы — это и твой праздник!..

Не спеша несет меж холмов и перелесков сонные воды Орлица. Невелика река, но для Олды нет реки прекраснее. И край, названный в ее честь Орлицким, тоже самый прекрасный. Где еще сыщешь такие величественные дубы, густые, полные тайн леса, еловые рощицы на гребнях оврагов, зеленый холм Чигак, с которого, кажется, видно полмира...

Тихий летний вечер. Теплая пыльная дорога приятно греет ноги. Олда возвращается с уроков домой.

Неблизкий это путь. Шесть километров приходится отмахать от лесной сторожки до городского училища в Усти-над-Орлицей. Но Олда не думает об усталости: он «страж Орлицкого края», как прозвали сына лесника в округе. А страж должен иметь крепкие ноги.

Дома встретила встревоженная мать. «Беда, сынок! Гитлер напал на Россию!»

В комнате Олды висела географическая карта. Олда часто садился с сестрой Ганкой возле карты и рассматривал Советский Союз. В их богом забытый уголок все же доходили вести из Советской России, из страны, где люди свободны и равны, где нет капиталистов и где не надо все лето гнуть спину на помещичьих полях, чтобы к осени скопить денег на учебники... Олда с Ганкой часами вглядывались в незнакомые названия городов, рек, озер, мечтая когда-нибудь побывать в этой удивительной стране. И вот на Советскую Россию напали фашисты...

Однажды, возвращаясь с дальней просеки, Олда заметил в кустах орешника отца и незнакомого мужчину. Олда подкрался к орешнику.

— Я советский парашютист, — говорил незнакомец и показывал на небо. — Со мной мои товарищи. Скажите, далеко ли от вас оккупанты? И где можно укрыться?

Он был одет в комбинезон защитного цвета и вооружен автоматом. Говорил тихо и торопливо, перемежая русскую речь чешскими словами.

Отец косился на автомат и твердил:

— Не понимаю, пан! Не понимаю!

Олда догадался, о чем спрашивает парашютист, вышел из укрытия.

— Я знаю место, где можно спрятаться...

Два дня спустя на дне глубокого оврага, затянутого колючим боярышником и черемухой, парашютисты вырыли землянку. Строить и маскировать ее помогли Долечеки.

Полетели в Москву донесения. У лесной сторожки между Усти- и Брандис-над-Орлицей заработал передатчик.

К парашютистам потянулись люди, все, кто с оружием в руках хотел бороться с фашистами. В Орлицком крае начал действовать партизанский отряд.

Олда стал помогать партизанам. Часто его можно было встретить на улицах Усти-над-Орлицей. Вражеским патрулям и в голову не приходило, что худенький светловолосый паренек в грубой крестьянской рубаше — партизанский разведчик. А радист после «рейдов» Олды передавал:

В УСТИ-НАД-ОРЛИЦЕЙ ПРИБЫЛ МОТОПЕХОТНЫЙ ПОЛК СС... В ГРАДЕЦ-КРАЛОВЕ ПРОСЛЕДОВАЛА КОЛОННА ТАНКОВ... НАЧАТО СТРОИТЕЛЬСТВО ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ...

Чтобы незаметно подбираться к военным объектам, вести наблюдение за фашистами, партизанам приходилось переодеваться в крестьянскую одежду. Крестьяне вызывали у оккупантов меньше подозрений. Олда ходил по хуторам и менял на картошку и хлеб одежду. Дело это, с виду простое, оказалось совсем не простым. Однажды его жестоко избил патруль, заподозрив в маленьком бродяге вора. В другой раз Олда попал в облаву и только чудом ускользнул от полицаев.

Наступил март 1943 года. Советские войска разгромили фашистов под Сталинградом и погнало их к западной границе. Ободренные успехами Красной Армии, партизаны Орлицкого края усилили борьбу с фашистами. Шли под откос поезда, подорванные партизанскими минами, взлетали на воздух мосты и автомашины...

В мартовские дни прибавилось работы Олде. Дома он не бывал по два-три дня... Однажды,

вернувшись после задания, Олда забрался отсыпаться на чердак. Не успел задремать, как послышался рокот моторов. К дому лесника подъехали две машины с солдатами.

Из передней выскочил офицер в черной гестаповской форме.

— Окружить дом! — приказал гестаповец. — Взять всех живыми!

У Олды был припрятан револьвер, подарок партизан, — он рядом, протяни только руку. Восемь патронов в револьвере. «Семь — по фашистам, последний — себе!» — решил Олда. Но вспомнил Ганку, мать... и передумал. Если начнет отстреливаться, фашисты расстреляют всю семью на месте.

...Холодная тюремная камера, грязный тюремный двор, комната для допросов — вот его теперешний маршрут.

Он давно потерял счет дням и только по тому, как наливается соком и обрастает листьями тополь во дворе, догадывается: март на исходе.

— Где партизанская база? Кто командир? Кто участвовал в акции на железной дороге? Как имя радиста? Сколько человек в отряде?..

Вопросы, вопросы, вопросы... Им нет конца. Олда догадывается, что гестаповцы что-то вывелили о нем. Теперь, если сознается в связях с партизана-

ми, — подпишет себе смертный приговор. И он упрямо повторяет:

— Ничего не знаю, пан! Отпустите домой...

— Если будешь молчать, расстреляем тебя, как отца! — угрожает палач.

Олда глотает слезы. Отца расстреляли у него на глазах в первый же день ареста...

Ничего не добившись, гестаповцы отправили Олду в Германию в концлагерь Моринген-Солинг. Он попал в барак для особо опасных преступников.

1945 год узники лагеря встретили в приподнятом настроении. Фашистов громили на всех фронтах. Победа была близка.

— Закончится война, — говорил Олда своему другу из Праги Карелу, — и я разыщу нашего радиста Костю. Он живет в русском городе Смоленске. Костя обещал показать Смоленск... А еще обещал выучить на радиста...

— А какой он, Костя? — спрашивал Карел.

И Олда начинал рассказывать о своем любимце, радисте из Орлицкого отряда. Часами мог рассказывать...

Воспоминания отогревали сердце. Уже не казался таким страшным надсмотрщик Казимир, и не так саднило ноги, в кровь натертые деревянными арестантскими башмаками, и барак казался не

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

таким унылым, а лай овчарок за стеной — не таким грозным...

В лагере появились листовки. Их переписывали от руки на клочках бумаги и передавали по баракам. Подпольный лагерный комитет призывал узников готовиться к восстанию.

В барак, где жил Олда, пришли с обыском. Накануне Олде передали листовку подпольного комитета. Он не успел ее надежно спрятать и теперь со страхом наблюдал, как фашисты перетряхивали его тюфяк.

К Олде подскочил надсмотрщик Казимир.

— Откуда у тебя это? — Надсмотрщик совал в лицо листовку. — Кто дал?

Олду увели на допрос.

На допросе он ничего не сказал. Разъяренные фашисты избили его так, что сломали позвоночник. Три недели после этого Олда не приходил в себя. Все эти дни рядом был Карел...

Пришла победа и в Моринген-Солинг. Оставшиеся в живых узники отправлялись домой.

Уезжал и Карел в свою Прагу. Перед отъездом пришел проститься с Олдой.

Тяжелым было расставание. Олда долго не отпускал руку товарища, грустно нашептывал:

— Ничего, все будет хорошо... Я поправлюсь...

Карел плакал, говорил сквозь слезы:

— Я обязательно к тебе приеду. Мы еще покупаемся в Орлице...

Им не суждено было встретиться. Неделю спустя, 24 августа 1945 года, Олда умер.

Живет память о юном партизане Олде Долечеке. Каждой весной к лесной сторожке в местечке с романтическим названием На Лугу приходят пионеры Усти- и Брандис-над-Орлицей. К обелиску, воздвигнутому в честь Олды, ложатся цветы. Здесь принимают в пионеры. Здесь ребята в красных галстуках клянутся быть похожими на отважного стража Орлицкого края.

В. РЫБИН

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Сегодня в этой рубрике прозвучат голоса известных детских журналов Чехословакии — «Пионер» и «Огничек» («Огонек»).

Клятва

В Братиславе есть памятник советским воинам-освободителям. А неподалеку кладбище, где похоронено семь тысяч советских солдат и офицеров, погибших при освобождении города от фашистов. На кладбище всегда много цветов. Каждую весну пионеры высаживают на могилы героев розы, а 4 апреля, в день освобождения Братиславы, они приходят сюда на траурный митинг, чтобы почтить память советских воинов. Здесь мальчики и девочки дают пионерскую клятву: «Герои, прошедшие трудными дорогами войны, освободившие от фашизма народы Европы и не дожившие до светлого дня Победы! Вы навеки остались в памяти и сердцах нашего народа! Мы, пионеры, низко склоняем головы перед вашими могилами. Без вас не сияло бы над нашей прекрасной Родиной солнце свободы. Ваш пример мужества и отваги наполняет нас чувством патриотизма и глубокой любви к своей Родине. Мы всегда готовы стать на ее защиту и в этом клянемся!»

Пионерская почта

...так называется одна из рубрик журнала «Огничек». Вот две заметки из этой рубрики.

Очень интересно изучать народные обычаи, песни, танцы. В нашем городе уже двадцать лет работает детский фольклорный ансамбль. За эти годы ансамбль дал 214 концертов. На Чехословацком смотре фольклорных ансамблей в городе Прешове в 1982 году мы получили памятную медаль, а недавно ансамбль наградили медалью Центрального комитета Союза словацких женщин.

Члены фольклорного ансамбля из города Клукова.

Давно дружат пионеры города Русовце с воинами-пограничниками. Пограничники обучают ребят стрелять из автомата, ходить по компасу, маскироваться. Есть у нас соревнования за право носить значок «Молодой защитник Родины». Значок выдается пионерам, овладевшим военно-прикладными умениями. Дружба с пограничниками помогла нам стать ловкими и сильными. Сейчас в нашем классе все пионеры значкисты.

Квета Чернянска

Юные пожарные

Есть в Братиславе на Кулишковой улице школа, которую знают не только в столице Словакии, но и во всей стране.

Славится эта школа своей командой юных пожарных. Интересно, что пожарным делом увлекаются здесь не только мальчики, но и девочки. А некоторые упражнения пожарно-прикладного спорта они выполняют намного лучше мальчишек.

На Четвертых международных соревнованиях юных пожарных социалистических стран в городе Гавличкув Брод абсолютное первенство выиграли учащиеся школы на Кулишковой улице.

И можете себе представить, команда на этот раз была составлена только... из девочек!

Рапортуют кидовцы

В небольшом словацком городке Липтовска Лужна успешно работает клуб интернациональной дружбы. Одна из задач клуба — рассказывать о Советском Союзе, о друзьях чехословацких пионеров — советских ребятах. Недавно кидовцы организовали в клубе выставку советской книги. Каждый принес на эту выставку свои любимые книги советских писателей.

Самым интересным разделом стал раздел, посвященный космосу. Оказалось, что книги о космосе и космонавтах читают почти все ребята.

А еще кидовцы устроили вечер под названием «Русский чай», на котором пили чай из настоящего тульского самовара!

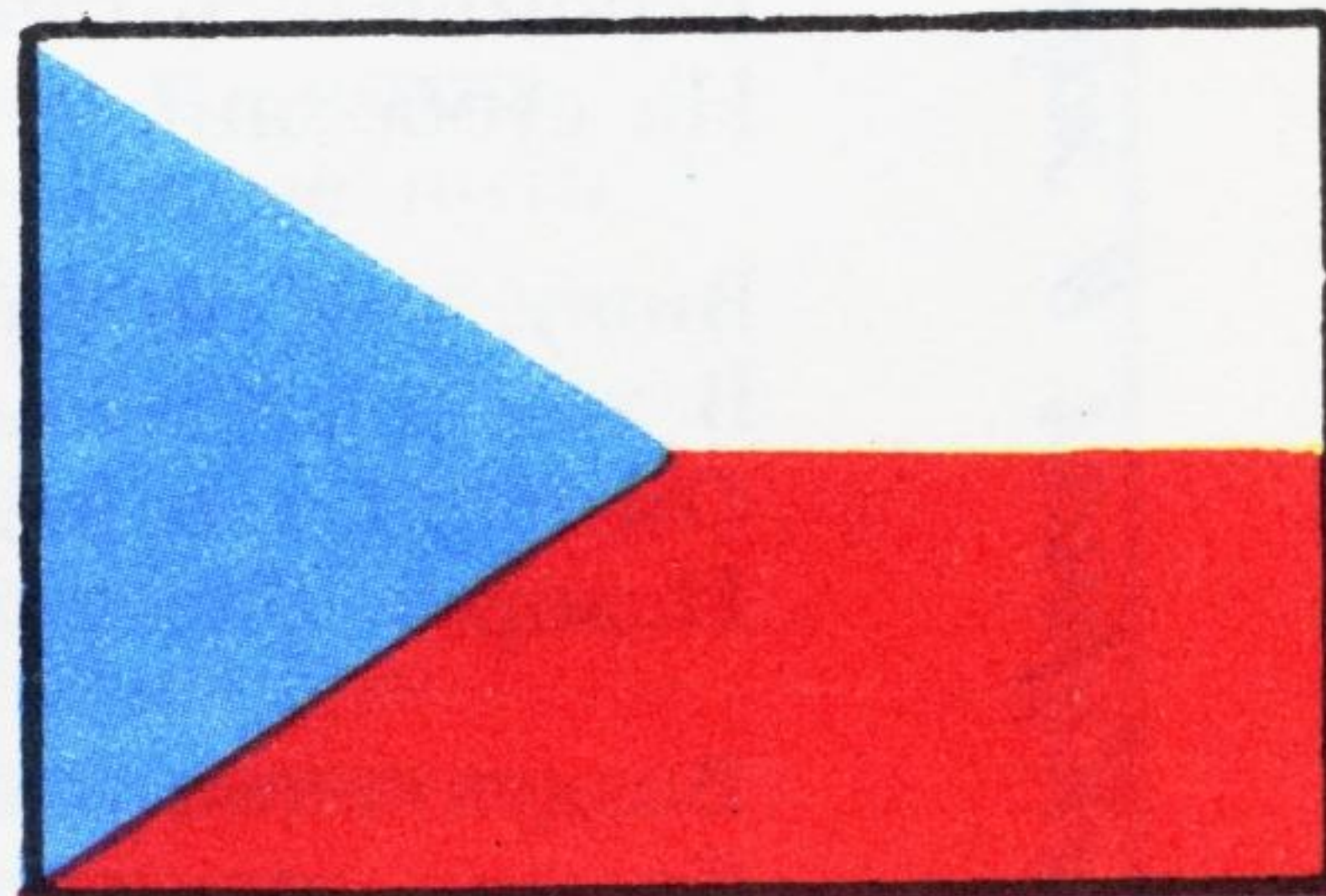

Подготовила Р. АНИСИМОВА

ГЕРБЫ И ФЛАГИ

ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Государственный флаг Чехословакии имеет три цвета: синий, белый и красный. История этих цветов уходит в древние времена.

В VII веке чешские земли входили в состав славянского государства Само. В IX—X веках они стали частью Великоморавской державы. У правителей державы на флагах и гербах были два цвета — белый и красный. Эти цвета появились и на чешских знаменах.

До 1918 года территория современной Чехословакии включалась в состав австро-венгерской монархии и делилась на две провинции: Богемию и Моравию. Богемия имела бело-красный флаг, а Моравия — желто-красный. В октябре 1918 года рухнула австро-венгерская империя. На карте Европы появилось самостоятельное государство — Чехословацкая Республика. Важную роль в его создании сыграла Великая Октябрьская социалистическая революция, давшая мощный толчок революционному и национально-освободительному движению чешского и словацкого народов.

Долго обсуждался вопрос о флаге для республики.

Многие художники предложили парламенту свои варианты флага. Рассмотрев их, парламент выбрал эскиз художника Ярослава Курса: в белое верхнее и красное нижнее полотна вклинивался идущий от древка синий равнобедренный треугольник. По мысли художника синий треугольник символизировал Словакию. Бело-красные цвета остались от древних знамен чехов и моравов. Равные стороны треугольника указывали на равноправие Чехии, Моравии и Словакии, составляющих чехословацкое государство.

Этот флаг сохранился и до наших дней. Только символика его цветов сегодня трактуется так: красный — кровь борцов за свободу и независимость Чехословакии, белый — чистота идеалов социализма, синий — цвет мирного неба, стремление Чехословакии жить в мире со всеми народами.

На гербе Чехословакии изображен лев с раздвоенным хвостом, несущий на груди щит. Лев олицетворяет свободолюбивый дух народа Чехословакии и готовность защищать завоевания революции.

И. КУРКОВ

Эти стихи ленинградка Тania СЛЕПОВА написала еще в 7-м классе. В этом году Тания кончает десятилетку. «Кораблик» провожает своего старого друга в большую взрослую жизнь и печатает ее стихотворение.

Субботник

В сквере шумно, в сквере весело,
Только не от птичьей кутерьмы.
Ведь звеня лопатами и песнями
На субботник нынче вышли мы.

Воздух теплый по-весеннему,
Тополь листья распустил.
Вспомнил сь мне, как товарищ Ленин
На субботник первый выходил.

Вижу, как по Красной площади
В том двадцатом, в майских днях,
Он шагает в ряд с рабочими,
Искорки блестят в его глазах.

Воздух теплый по-весеннему,
Солнце щурит свой глазок.
Словно слышу голос Ленин:
Среди звонких голосов.

Женя БЛИНОВА живет в Московской области, ей 11 лет.

Веселое солнышко

Выглянуло солнышко
И зовет играть.
Я беру скакалочку
И бегу гулять.

Солнышко попрыгало
Во дворе со мной,
Улыбнулось, спряталось.
Я пошла домой.

Но я точно знаю:
Завтра ведь опять
Постучит в окошко,
Позовет гулять.

Инна ГРИШИНА из деревни Швариха Горьковской области прислала в «Кораблик» весеннее стихотворение.

Подснежник

Первый подснежник под кочкой проснулся.
Талой водою ополоснулся.
Вот он головку чуть-чуть приподнял
И зазвенел,
И засиял!

Две картинки с изображением корабликов получил в подарок «Кораблик». Один рисунок — тот, где кораблик плывет один-одинешенек, — прислала семилетняя Оля ШИЛГАНОВА. Другой рисунок — работа девочки постарше, Тани КОСТЫРЕВОЙ, 10 лет.

Марина ДЖИОЕВА любит и рисовать и сочинять стихи. «Стихов у меня много, но я их не записываю — они у меня «в голове». Сочиняются стихи сами собой: я иду, а они сочиняются» — так написала нам Марина.

Первый теплый день

Кончились уроки, я иду из школы.
Мне летит навстречу воробей веселый.
Почему веселый этот воробей?
Потому что солнышко светит все теплей,
Потому что капает звонкая капель,
Потому что это — первый теплый день.
От его чириканья весело и мне.
Да и как не радоваться солнечной весне!

Веснушки

У меня веснушки.
Говорят ребята:
«Как весна, так снова
Маринка конопата!»
Что я не виновата,
Как им объяснить?
Всех не может солнышко,
Как меня,
Любить!

На борту «Кораблика» — стихи Тани МАТИНОЙ из Ленинграда.

Зоопарк

Я иду по зоопарку
И смотрю по сторонам.
Это львица,
Это птица,
А вот там —
Гиппопотам.

Вот жираф стоит, как вышка —
Все же очень он велик!
Вот веселая мартышка
Показала мне язык.

Здесь и ламы, здесь и пумы,
И верблюды, и слоны...
Со всего большого света
Эти звери свезены.

Но когда уйдут ребята,
То грустят они одни.
И поэтому прошу я:
К ним почаще приходи.

Аня РОДИОНОВА — шестиклассница из Уфы. Аня очень любит свою бабушку и о ней сочинила стихи.

Бабушка вяжет

Бабушка в подарок сумку вяжет,
И, хотя работа нелегка,
Кажется, из солнца эта пряжа,
А не просто — нитки из мотка.
Кажется, что в солнечные нити
Пух дыплячий бабушка вплела.
Вечером окончила вязанье:
Сумка, наконец, на стол легла.
Желтая, красивая такая!
Не простая это желтизна —
Кажется, что теплая, живая,
Самая пушистая она.
«Бабушка, свяжи мне сумку тоже!» —
Вязка начинается опять.
Как бы я хотела научиться
Хорошо, как бабушка, вязать!

Элина ОМЕЛЬЧЕНКО — семиклассница. Живет она в Житомирской области, в селе Середа.

Метели отшумели

Уже метели отшумели,
Зима закончилась везде.
Скворцы недавно прилетели
И гуси плавают в воде.

Поэт и прозаик Юрий Иосифович Коринец написал немало книг для ребят и взрослых. Хорошо известны его роман «Привет от Вернера», повести «Володины братья», «Самая умная лошадь». А его книга «Там вдали за рекой» по праву находится на «золотой полке» советской детской литературы.

Книги Ю. И. Коринца неоднократно переиздавались, они переведены на многие языки мира. Их знают читатели Франции, Италии, Англии, социалистических стран.

Юрий КОРИНЕЦ

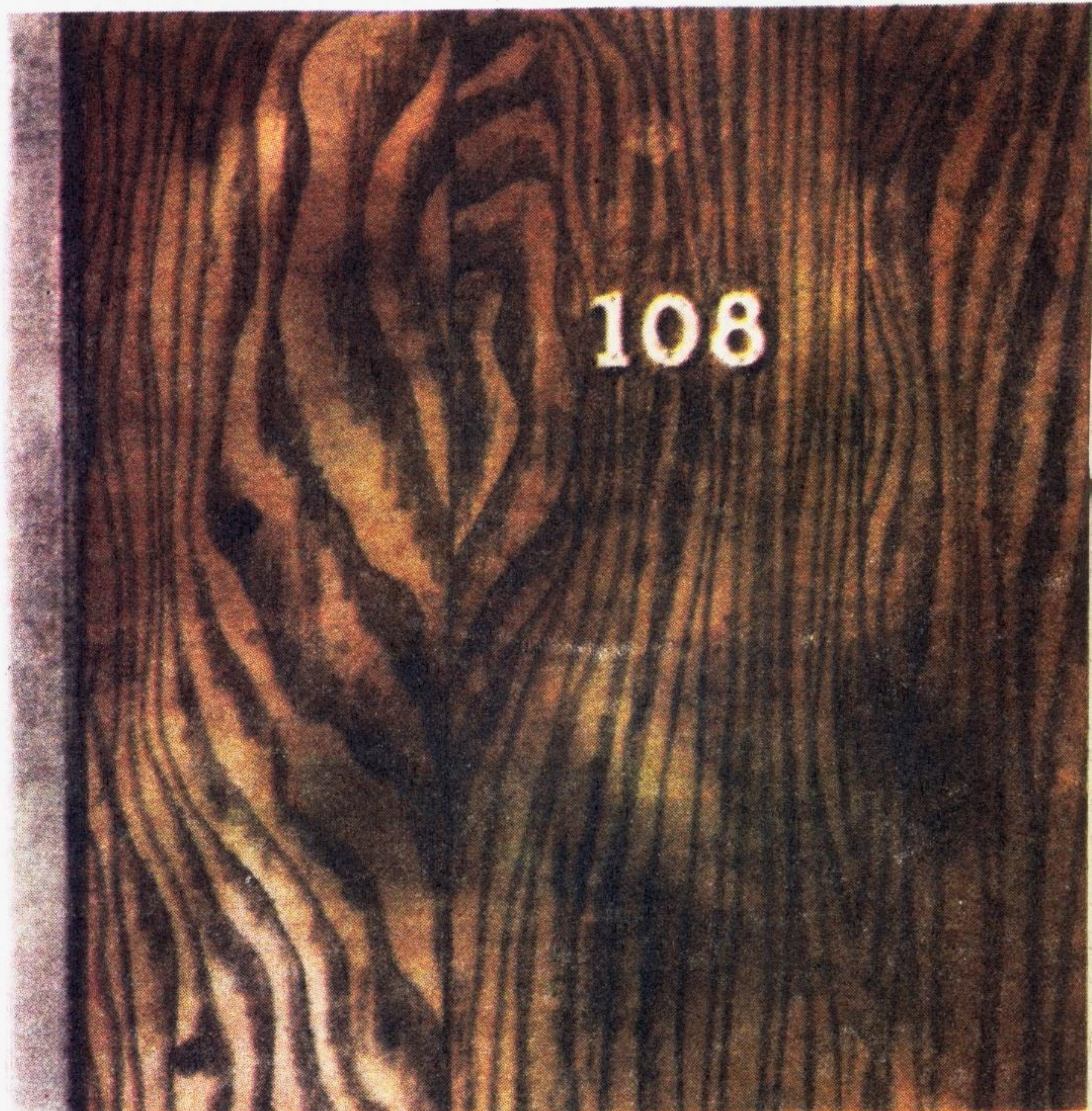

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

Квартира-108 и ее обитатели

Произошла эта удивительная история не где-нибудь на Луне, а неподалеку от меня, в Москве, в некоей квартире номер сто восемь. Улицу и номер дома я не буду вам называть, это вам все равно ничего не даст: все давно уже кончилось. Да и найти квартиру-108 — именно ту самую, в которой все приключилось, — не так-то просто. Даже если бы вы знали улицу и номер дома. Район у нас новый, все дома в нем совершенно одинаковые. И нумерованы они не по порядку, а как попало... Возьмите-ка одинаковые кубики, пронумеруйте их, положите в коробку, а потом высыпьте из коробки на пол — и получите точную копию нашего района. Теперь вам ясно, что найти квартиру-108 — не какую-нибудь, а именно ту самую — очень нелегко? Я сам искал ее много раз и часто попадал не туда. То есть сначала я вроде попадал куда надо, потому что улица, по которой я шел, казалась мне именно той самой, и попадал я в тот же двор, и в то же парадное, и в ту же дверь с тем же почтовым ящиком и замком, и люди, которые мне открывали, были вроде все те же ... и все-таки не те! Но дело не в этом. Дело в том, что я-то в этой квартире бывал, в ней живут мои друзья. И я наизусть знаю всю приключившуюся с ними историю, знаю ее от начала до конца. Началось все очень просто... Хотя минуточку: сначала я должен рассказать, кто живет в квартире-108 и кто соседи. Кстати, почему я все время подчеркиваю номер квартиры? А потому, что хочу ее как-то называть, хочу, чтобы у квартиры было имя. А как

ее еще называть, если не по номеру? Тем более что сейчас это модно. Ведь то и дело все называют по номерам: Олимпиада-80, рок-группа-70, песня-83 и так далее. Так что название «квартира-108» звучит весьма современно.

Итак, в квартире-108 живут: обыкновенный папа, обыкновенная мама и двое детей — мальчик и девочка. Вы заметили, что детей я обыкновенными не называю? Потому что дети всегда необыкновенны. Некоторые, становясь взрослыми, сохраняют эту необыкновенность до глубокой старости. Таких людей мы называем гениями. Но чаще всего люди эту детскую необыкновенность теряют... Так вот, необыкновенным детям во время этой истории было: мальчику Юре пять лет, а девочке Кате шесть. Обыкновенному папе было тридцать семь лет, а маме неизвестно сколько: она этого никому не говорит. Во всяком случае, мама в квартире-108 очень красива и всегда одета во все новое и яркое. Когда она выходит на улицу, она обувает туфли на шпильках или высокие красные сапоги и укрепляет на голове разные удивительные шляпы — с полями и без полей, — которые она мастерит сама, а зимой еще надевает скунсовую шубу и поверх, когда холодно, красный мохер — вроде одеяла. Но мохер — это, конечно, не одеяло, хотя он и очень похож на одеяло: это такой мохнатый и широкий шерстяной шарф, очень модная вещь. И хотя мама всегда одета по-разному, она во всем всегда одинаково красива... Но мамы всегда красивы, вы со мной согласны? Особенно те, которым неизвестно сколько лет. Они никогда не меняются.

Зато папа в квартире-108 меняется: он меняется сам по себе, независимо от одежды. И в этом виновата работа — картины, которые он пишет мас-

ляными красками. Хорошо пишется картина — папа веселый и деятельный, он тогда все время работает и поет, даже ночью, а если картина пишется плохо — тогда он мрачный, злой и не то что поет, а даже не разговаривает. А отчего картина пишется или не пишется — этого никто не знает, даже сам папа. Потому что живопись — тайна, которую надо все время разгадывать, в каждой новой картине. А иногда бывает так, что картина напишется хорошо и быстро, и папа несет ее в Союз художников — на выставку или в закупочную комиссию, — а там картину не берут. Говорят, что она плохая. И это тоже тайна. Ведь картина-то хорошая, это всем ясно: и папе, и маме, и Юре с Катей, и даже всем папиным друзьям и знакомым. Даже мне, а я очень строгий критик. А каким-то там дядям и тетям в приемной комиссии картина не нравится. И папа, мрачный, приносит ее обратно домой. И вид у него тогда такой, как будто ему не тридцать семь лет, а все шестьдесят. И глаза у него грустные, как у собаки. Он тогда сразу ложится спать, даже днем, и спит сутки напролет. Да что там сутки — он может тогда проспать целую неделю! Но, может быть, вы скажете, что тут нет никакой тайны, и картина действительно плохая, и что в семье все ошибаются, и все папины знакомые тоже ошибаются, и я ошибаюсь — просто надо эту картину выбросить или замазать и писать поверх нее другую? А вот и нет! Во всем этом действительно заключена тайна, потому что через какое-то время папа несет ту же самую картину в ту же самую закупочную комиссию, к тем же дядям и тетям — и картину покупают! Папе говорят: «Вот это совсем другое дело! Теперь картина прекрасна! Мы же говорили, что надо еще поработать...» Но все дело в том, что папа над ней больше не работал! Он поставил ее в кладовку, и картина там «созревала», как говорит папа, то есть пылилась и пылилась — месяц или два, — а потом папа вдруг вынимал ее и снова тащил в комиссию — и картину покупали! Так что живопись — это все-таки тайна.

Зато когда картину покупают, папа приходит домой молодой и веселый, он тогда весь нагружен подарками — и весь мир вокруг становится солнечным и веселым, и все в квартире-108 радостные, особенно дети...

Да, дети! Что вам сказать про детей? Дети растут! Они растут не по дням, а по часам. Так говорят все, кто их видит.

Взять, например, Юру. Совсем недавно он знал всего только четыре слова: «папа», «мама», «Катя» и «нет». А сейчас он уже знает столько слов, что сосчитать их не просто. Когда он успел запомнить столько слов, никто в семье не заметил. Более того, он уже научился читать и нетерпеливо собирается в школу, вслед за Катей. Ведь Катя собирается в школу через год, а там и Юрина очередь. Потому что время летит, его не остановишь, и особенно это заметно на детях. Они развиваются бурно, как электроника. В этом смысле можно сказать, что Юра — новейшая, полностью автоматическая модель самопрограммирующейся электронной машины с еще неясным направлением деятельности. Никогда нельзя предугадать, во что запрограммируется Юра в любой следующий момент. Ну, и Катя, конечно, тоже, хотя она машина более спокойная и в ней уже вырисовывается определенность жизненной программы: Катя все больше и лучше рисует, она программируется в папу и, наверное, будет художником. А кем будет Юра, предсказывать еще рано — в этом тоже заключена пока некая тайна...

Теперь несколько слов о доме, в котором находится квартира-108. Этот дом молодой — вот что в нем самое главное. Даже Юра, которому всего пять лет, старше своего дома на несколько месяцев — вот какой это молодой дом. Правда, с виду он не так уже молодо выглядит. Дом вроде папы: то он выглядит моложе, то старше. Например, летом в солнечную погоду и когда вокруг зеленеют деревья, дом выглядит молодым и прекрасным. И самое прекрасное в доме — его большие окна. А что может быть лучше окон? Ничего не может быть лучше окон! Так говорит папа. Окна — это глаза. Если у человека большие глаза — он красив. Даже если у этого человека нос картошкой. То же и дом. Если у дома большие окна, он тоже красив. И неважно, что кое-где обвалилась штукатурка и дождь залил

Необыкновенным детям во время этой истории было: мальчику Юре пять лет, а девочке Кате шесть.

А маме неизвестно сколько, она этого никому не говорит.

стены темными подтеками, зато окна! Они прекрасны! Они большие и светлые! И сияют небом!

Ну, а внутри дом прекрасен в любую погоду, потому что квартиры в нем замечательные: просторные и светлые, с высокими потолками, в них тепло и уютно. И самая лучшая квартира в доме — это квартира-108. В ней больше всего окон и меньше всего соседей, потому что она торцевая: с трех сторон ее окружает воздух, и только со стороны лестничной площадки с ней граничит еще одна квартира, в которой проживает одинокий старичок по фамилии Маркус, но которого все зовут Старик-Ключевик: почему, я объясню вам позже...

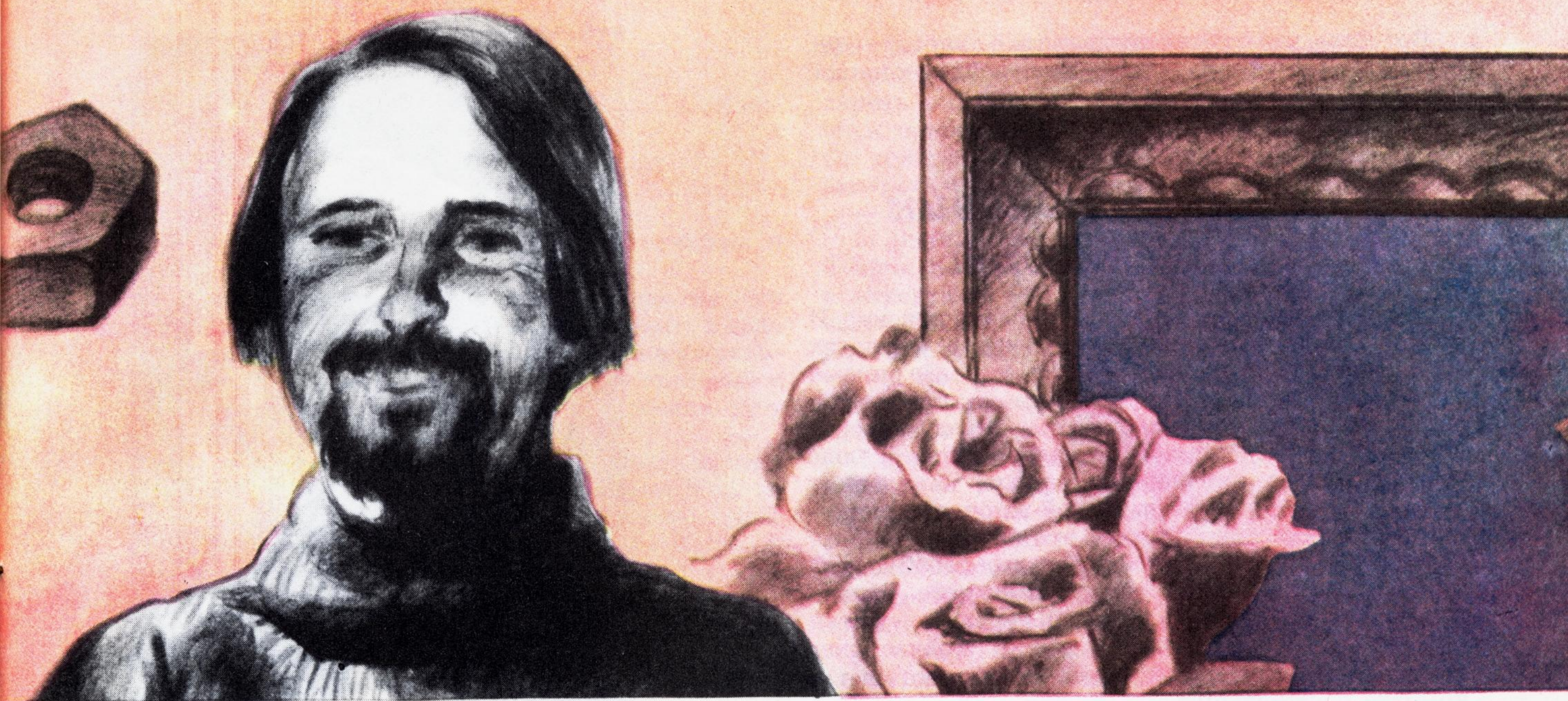
Так что жить в квартире-108 — это большое счастье. Чтобы ее получить, папе и маме пришлось приложить много энергии. Да и Кате с Юрой тоже: они-то в конце концов и сказали свое решающее слово.. Как? Очень просто! Дело в том, что когда-то — не так уж и давно — папа и мама жили далеко друг от друга. Папа жил в коммунальной квартире неподалеку отсюда, а мама — в деревне под Москвой. Жили они одиночками в беспокойном и шумном окружении бесчисленных соседей, не то что сейчас, в квартире-108. А потом папа и мама случайно познакомились, у кого-то в гостях. Они еще тогда не были ни папой, ни мамой, а просто молодыми людьми. А Кати и Юры еще и в помине не было, никто и не подозревал, что они когда-нибудь будут существовать. Вот ведь как интересно складываются людские судьбы! Но такова жизнь, как, я слышал, говорят французы, да что там французы! Мы тоже так говорим, потому что и сама жизнь полна тайн, она так же непредсказуема, как и папина живопись... Так вот, когда папа и мама познакомились и полюбили друг друга, им захотелось, конечно, жить вместе. Ибо что это за семья, любящие друг друга люди, если они живут в разных домах далеко друг от друга? И тогда они пошли в райисполком и попросили себе новую жилплощадь. Им сказали: «Даем вам однокомнатную квартиру!» «Почему однокомнатную?» — спросили папа и мама. «Потому что вас только двое». Другие, может быть, и смирились бы с таким ответом, но только не папа, пусть он даже и не был еще в то время настоящим папой. Он не растерялся и сказал: «Осенью нас будет трое!» Дело было весной, когда почти у всех, а не только у папы бывает бодрое настроение. Лето мама и папа провели вдвоем далеко на Севере — в палатке на берегу реки — и осенью пришли в райисполком уже втроем, потому что родилась Катя. В райисполкоме им сказали: «Даем вам двухкомнатную квартиру!» Но не такой человек папа, чтобы успокаиваться на малом. «А теперь нам нужна трехкомнатная!» — сказал он. — «Ведь я художник и работаю дома!» «Вот если бы вас было четверо!» — сказали ему. «В следующую осень нас будет четверо!» — рассердился папа. Он мысленно обратился к Юре, которого физически еще не существовало, но где-то там он уже был — в папиных мыслях, — и Юра папу услышал и родился. И осенью они пришли в райисполком уже вчетвером: и им сразу дали трехкомнатную квартиру... Так благодаря упорству райисполкома семья стала большой и солидной (тут я шучу, конечно!), а квартиру им дали самую лучшую в районе, потому что папа завоевал райисполкомское сердце (и тут я не шучу). Хотел было папа замахнуться на четырехкомнатную, но вдруг передумал. Откровенно говоря, он просто устал от всех этих хождений, рождений и переездов. Да и квартира-108 всех, в сущности, отлично устраивала. Но

теперь вы понимаете, почему решающее слово в этом вопросе принадлежало Кате и Юре...

К началу нашей удивительной истории все в семье со своей квартирой отлично освоились, им даже стало казаться, что живут они здесь уже целый век. Вместе с тем они не перестают удивляться и восхищаться. А восхищаться там есть чем.

Помимо трех прекрасных комнат с высокими потолками и большими окнами, в квартире-108 все удобства, огромная кухня, большая ванная и кладовка да еще два балкона с разных сторон — и один из них лоджия, то есть балкон с крышей. Самая маленькая комната, хотя она не такая уж и маленькая, мамина, средняя, с простым балконом, — детская, а самая большая, торцевая, — папина. В этой комнате одно окно выходит на улицу, а другое окно и лоджия — в сад: квартира-108 на первом этаже. Эта комната — центр жизни всей семьи, потому что в ней принимают гостей, слушают музыку, устанавливают новогоднюю елку и дети в основном играют именно здесь... Вы спросите, как же папа тогда в ней работает? А такой уж он человек! Он говорит, что ему мешает только посторонний шум, например, когда на улице перед домом тарахтят какие-нибудь машины. Этот шум на улице папе, конечно, мешает. Или шум за стеной, в соседней квартире, когда Старик-Ключевик играет на рояле. «Потому что это шумы посторонние, несемейные, чуждые моему внутреннему ритму», — говорит папа. И папа с ними борется: как только затарахтят на улице машины или забренчит за стеной Старик-Ключевик, папа сразу включает свою стереосистему и так регулирует громкость музыки, чтобы посторонних шумов не было слышно. Тогда он спокойно работает. Музыка создает вокруг папы звуковой барьер, такую звуковую занавеску, которая отгораживает его от всех посторонних шумов. За этой звукозанавеской папа спокойно работает, или думает, или спит. Некоторых это удивляет, они говорят, что при громкой музыке не могут ни работать, ни тем более спать. А папа может, такая уж у него способность. Он говорит, что сам выработал в себе эту способность — отгораживаться шумом от шума, — потому что другого выхода просто не было. «Клин всегда вышибают клином», — говорит папа. А семейный шум его не раздражает, даже наоборот — успокаивает. Потому-то папе и не мешает, что его комната является центром семейной жизни. Юра и Катя часто устраивают здесь разный тарарам: бегают, поют, кричат, гремят игрушками, — а папа в это время спокойно работает. Что касается Юры и Кати, то они обожают любой шум, даже посторонний. В тишине они долго не выдерживают. Если полдня нет никакого шума, они начинают тосковать и сами устраивают себе какой-нибудь шум. Так что Катя и Юра в вопросе шума заодно с папой. Зато мама в квартире-108 никакого шума просто не переносит: ни громкой музыки, ни падающих кастрюль, ни тарахтения машин за окнами — у нее от шума поднимается давление и болит голова. Это, наверное, потому, что мама много времени проводит в библиотеке, а там всегда очень тихо, только шуршат страницами книги, а если разговаривают люди, то шепотом. Мама привыкла к мудрой тишине библиотек. Она переводчик: переводит с английского на русский, и наоборот.

Еще несколько слов о соседях... Но их здесь почти нет, если не считать тех, кто выше этажом, но какие это соседи, если их месяцами не встречаешь! Настоящий «сосед через стенку» у жильцов квартиры-108 только один: Старик-Ключевик из квартиры-107. Почему его так зовут? Потому что он всегда

Хорошо пишется картина — папа веселый и деятельный, все время работает и поет, даже ночью.

носит на золотистой цепочке вокруг шеи ключ от английского замка. Его он носит вовсе не для украшения, а в силу необходимости: Старик-Ключевик страшно рассеян. Один раз, минувшим летом, он выскочил утром в одних трусах — вынести мусорное ведро, но забыл прихватить ключ от квартиры, дверь за ним захлопнулась, и он уже не мог попасть обратно. Тогда он, конечно, обратился за помощью в квартиру-108. Хорошо, что папа был дома. Пока он звонил в домоуправление, пока пришел слесарь и взломал дверь, Старик-Ключевик отсиживался в папиной комнате: в одних трусах и с мусорным ведром, которое он никак не хотел выпускать из рук. Он сидел и несколько смущенно улыбался. Ведь Старику-Ключевику девяносто лет — он мне сам говорил. И в это можно поверить! Он старый интеллигент, всю жизнь одевался «с иголочки» и никогда еще не показывался на люди в одних трусах и с мусорным ведром! После этого случая Старик-Ключевик стал носить ключ от квартиры на цепочке вокруг шеи; он теперь и спит с ключом на шее, и моется в ванне с ключом на шее — никогда с ним не расстанется. Вот с тех пор его и зовут «Старик-Ключевик». За глаза, конечно. В глаза же его продолжают звать, как и раньше: Аполлон Иванович... Но не думайте, что он похож на греческого бога Аполлона, нет: он среднего роста и сухонький, белые волосы на маленькой голове всегда аккуратно зачесаны на пробор.

Старик-Ключевик живет один в двухкомнатной квартире. Он пенсионер, но иногда ходит читать лекции в обществе «Знание» — по археологии. Он большой специалист в этой науке, занимающейся изучением древностей. Наверное, поэтому Старик-Ключевик все на свете знает и его уже ничем не удивишь. Он всегда говорит, что все, что нас удивляет, давно уже было... Представляете? Мне это трудно представить, но Старик-Ключевик в этом глубоко убежден. Более того: почти все он уже видел сам, а об остальном догадывается. Не знаю, но если это так, то удивляться, конечно, нечему...

Старик-Ключевик — очень тихий и хороший сосед. Он никогда никому не мешает, а помочь всегда готов — в этом вы скоро сами убедитесь. А то, что он бренчит иногда за стеной на рояле, так это не беда: я

же вам говорил, что папа отгораживается от этого брэнчания своей громкой стереосистемой... Да... Но Старику-Ключевику-то каково? Не беспокоит ли его папина система? Представьте: не беспокоит! И вовсе не потому, что он любит шум, он к любому шуму абсолютно равнодушен. Он на него просто не реагирует. Старик-Ключевик, конечно, немного глуховат, но не это главное. Главное в том, что он философ... Как это понимать? Очень просто! Дело в том, что он давно уже выработал в себе некое твердое равновесие, из которого его невозможно вывести. Вы думаете, что равновесие имеет только тот, кто ходит по проволоке? Старик-Ключевик никогда не ходил по проволоке, а равновесие у него есть: то подлинное жизненное равновесие, которое вырабатывается в переживании разных великих потрясений. Ведь прожил он очень долгую жизнь, начало которой теряется в тумане прошлого века, и потрясений за это время было хоть отбавляй. Старик-Ключевик насмотрелся их достаточно. Но вот что странно: он все еще относится к ним как к реальной окружающей действительности! А к реальной действительности он относится как к миражу. Естественно было бы наоборот, но что поделаешь. События окружающего мира его мало волнуют, разве что на голову ему упадет кастрюля — и то он не рассердится, а просто улыбнется. Что бы вокруг ни происходило, он всегда улыбается. Удивительно, что эта улыбка не покидает его даже ночью, во сне, хотя эту улыбку во сне никто никогда не видит, ведь Старик-Ключевик совершенно одинок. Может быть, именно потому он так тянется к жильцам квартиры-108. А в общем-то Старик-Ключевик всегда ровен и спокоен. Все тревобления, о которых речь пойдет впереди, покажутся ему смехотворными. И то не очень: ведь он не будет над ними хохотать, как не будет и плакать... Замечательный характер, не правда ли? Вот стукнет вам девяносто лет — да еще при наличии разных глобальных потрясений, — и вы тоже научитесь такому улыбочивому состоянию. Если, конечно, доживете. Тогда и вы станете таким же мудрым философом, как Старик-Ключевик...

Вот и все, что я хотел предварить о квартире-108, ее жильцах и соседях... А теперь перейдем к нашей истории...

Старик-Ключевик и телевизоры

Ранним утром квартира-108 особенно красива. И опять-таки из-за окон. Потому что в комнатах горит оранжевый свет, а окна еще синие. За окнами зима, там все в снегу: дома, деревья, асфальт. За окном папиной комнаты дремлют в саду запорошенные снегом большие корявые липы. Голые ветви деревьев наполовину черные, наполовину белые. Черно-белый узор ветвей загородил снаружи все папино окно, потому что квартира-108 на первом этаже. Узор ветвей загородил собой дымящий за садом завод и предрассветное небо. Только внизу, под мощными стволами деревьев, чистая полоса снега на садовой лужайке. Сейчас снег синий. И все синее. Еще синее оттого, что свет в комнате оранжевый!

Другие окна тоже красивы, но не так, как папино, потому что в них нет деревьев — в них просто улица: люди, машины, дома...

Постепенно окна светлеют, время идет к десяти. Папа давно уже уехал — сдавать картину на выставку. Дети проснулись и сидят в кроватях, а мама носится по всей квартире: в сапогах, в скунсовой шубе и мохере, — но все еще никак не может уйти. Она еще раз все проверяет и дает детям последние указания.

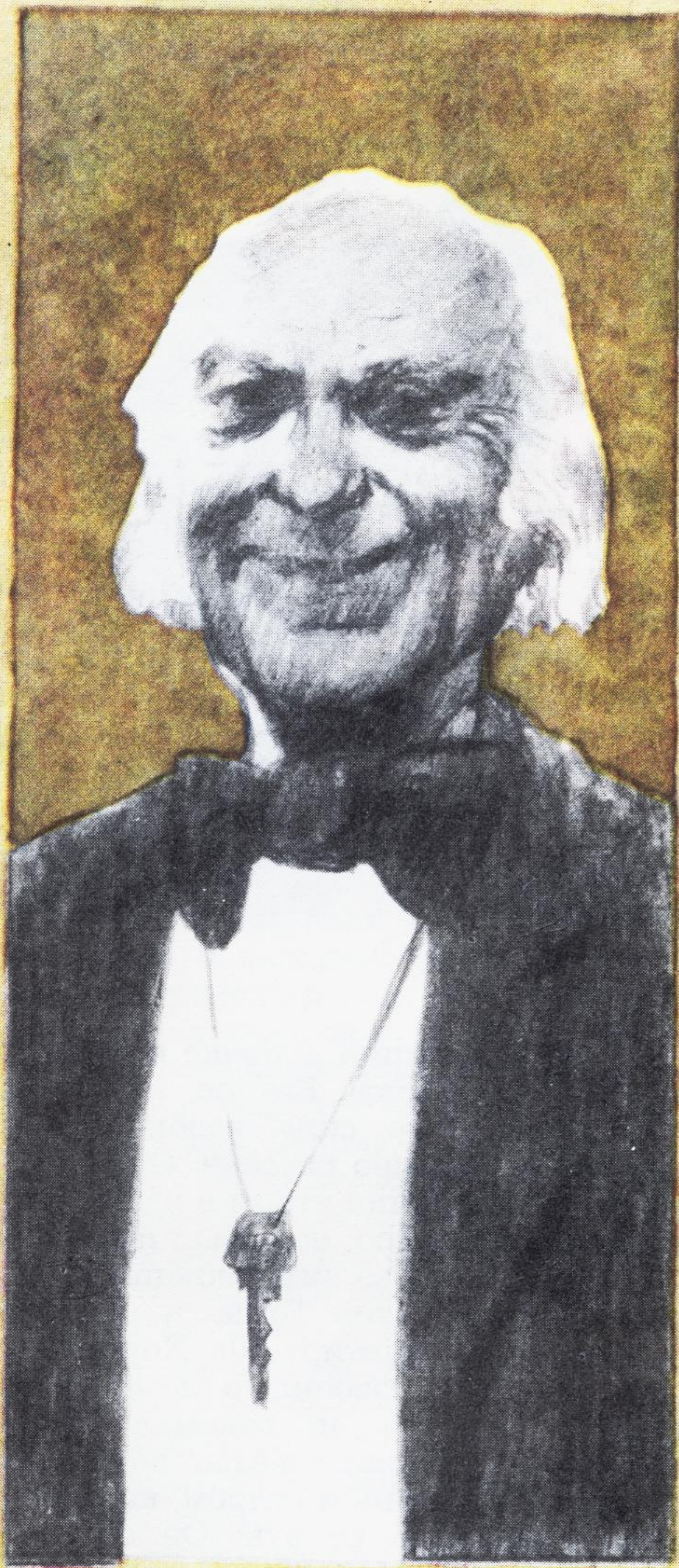
— Старик-Ключевик вас проведает, — говорит мама. — Белье для стирки я замочила, вы его не трогайте. Щи и каша на плите, сладкий творог в холодильнике... Старик-Ключевик его любит, угостите его. И пусть он вас покормит... Ну, кажется, все! Я вам буду звонить!

В квартире тишина... Но это затишье перед грозой!

Едва мама уходит, Юра с помощью Кати одевается, мчится в одном валенке в папину комнату — включать радиоприемник. Квартира оглашается грохотом джаза попеременно с каким-то космическим скрежетом и свистом. Юра с удовольствием включил бы стереосистему, но она заперта в шкафу — снаружи видны только боксы. Но и приемник звучит отлично, а главное, громко. Юра в полном восторге прыгает возле приемника на одной ноге, пока единственный валенок не сваливается на пол...

Тем временем Катя выезжает в коридор с санками. В санках сидят куклы, а Катя изображает лошадь. Конечно, в коридоре нет снега, но что поделаешь, если весь снег за окном! «В квартирах снегов не бывает», — думает Катя. Спросила бы она соседа — Старика-Ключевика, она бы узнала, что бывали в его жизни времена, когда и в дом задувал снег и замерзали окна. Кто знает, — может быть, именно об этом вспоминает сейчас за стеной Старик-Ключевик, возвращаясь от сна к действительности...

А Юра уже в ванной — там очень интересно! Ванна полна теплой воды, в которой мокнет белье: трусики, рубашки, полотенца... Юра смотрит на замоченное белье, и сердце его замирает от восторга: стирка — вот настоящее дело! Заняться бы этим хоть раз в жизни. Юра трогает рукой мокрые трусики... Восхитительное ощущение! Вот мама обрадуется, если он все это сейчас перестирывает!

Старик-Ключевик.

Если что-нибудь не так получится, то это же всегда можно исправить... «Не ошибается только тот, кто ничего не делает», — вспоминает Юра папины слова...

В это время раздается звонок в дверь.

— Юра! — кричит Катя. — Ключевик!

Когда Катя открыла дверь, она увидела на пороге квартиры-108 во всем великолепии Старика-Ключевика! Одет он был, как всегда, с иголочки: в черном костюме и белоснежной рубашке с черной бабочкой, а поверх всего болтался на золотистой цепочке вокруг шеи ключ от английского замка.

— Доброе утро, любезнейшая Катя, — поклонился Старик-Ключевик. — А где Юра?

— Он в ванной, — ответила Катя. — А зачем он вам?

— Ах, он, наверное, моется, — сказал Старик-Ключевик. — Извини...

— Почему моется? — удивилась Катя.

— Очень уж вода в ванной шумит.
— Разве шумит? — Катя прислушалась.
— Здорово шумит вода! — подтвердил Старик-Ключевик.

— Это Юра стирает, — объяснила Катя.

— Один?

— Один...

Старик-Ключевик понял, что дело неладно, и побежал в ванную...

Юра стоял в налитой до краев ванне посреди плавающего белья: открытые краны ревели, и вода уже перехлестывала через край ванны на кафельный пол. Часть воды уже вытекала в коридор, а Юра сосредоточенно и безмятежно полоскал одну из своих рубашек.

Старик-Ключевик бросился завертывать краны, а потом вместе с Катей вытащил мокрого Юру из ванны. Старик-Ключевик взял его на руки и понес в комнату переодеваться. С помощью Кати он раздел Юру, вытер его и натянул на него все сухое. Юра во время этой процедуры сидел надувшись. Ему не нравилось, что его вытащили из вожаделенной стихии.

— Разве можно так намочить! — качал головой Старик-Ключевик. — Ты же можешь простудиться... Лучше во что-нибудь поиграй...

— Я стирать хочу! — буркнул Юра: видно было, что он вот-вот заплачет.

— Стирать детям нельзя! — строго сказал Старик-Ключевик.

Юра уже было всхлипнул, но тут Старик-Ключевик хлопнул себя ладонью по лбу:

— Юра! Я совсем забыл! Я ведь пришел за тобой! У меня для тебя кое-что есть...

— Что есть? — недоверчиво переспросил Юра.

Он решил, что его просто отвлекают от стирки.

— Телевизор! — сказал Старик-Ключевик. — Я хочу его тебе подарить.

— Настоящий? — недоверчиво переспросил Юра.

— Настоящий большой телевизор!

Признаться, этого никто не ожидал. Катя и Юра уставились на Старика-Ключевика в немом восторге. Стирка была сразу же забыта.

— А вам не жалко? — вежливо спросила Катя.

— Не жалко, — улыбнулся Старик-Ключевик.

— Не жалко, не жалко! — закричал Юра. — Не жалко!

— Если только Юра обещает нам больше не стирать... и вообще... вообще не баловаться... обещаешь?

— Обещаю! — возбужденно крикнул Юра.

— Отныне у мамы больше не будет с вами забот, — сказал Старик-Ключевик. — Тишина и никаких шалостей — на долгое время, во всяком случае. Дело в том, что мой телевизор Юра может разбирать на части...

Юра радостно запрыгал на одной ноге.

— Вот, вот! — сказал Старик-Ключевик. — Я знаю, что ты интересуешься техникой. И вообще ты очень сообразительный и пытливый ребенок. Мой телевизор для тебя — целый клад. Ты просто не представляешь себе, сколько в нем разных деталей!

— Представляю! — закричал Юра. — Я представляю! Пошли скорей!

Старик-Ключевик засмеялся, взял Катю и Юру за руки и повел их к себе. Но каково же было удивление Кати и Юры, когда они увидели на большом письменном столе Старика-Ключевика три телевизора. В ответ на их удивление Старик-Ключевик объяснил:

— Видите ли, дело в том, что все эти три телевизора с дефектами. До вчерашнего дня у меня было

два: вот этот и этот. Но вчера вот этот — самый большой — окончательно сломался, и я решил подарить его тебе, Юра. Тем более что сегодня мой внук привез мне еще один — вот этот, маленький. Он тоже старый, но еще ничего. И теперь я буду смотреть и слушать эти два: средний и маленький...

— Сразу два? — удивился Юра. — Почему?

— Видишь ли, мой друг, — терпеливо объяснял Старик-Ключевик, — я же говорил, что они старые, с дефектами: один из них давно онемел, а другой ослеп. Их любезно предоставили мне в безвозмездное пользование мои родственники. Это очень выгодно: не надо покупать новый, ведь это дорого. Однако приходится смотреть и слушать программу сразу в двух телевизорах, вот так...

Старик-Ключевик включил сначала маленький телевизор: в нем зазвучал голос диктора, хотя экран оставался темным. Потом Старик-Ключевик включил средний телевизор: экран засветился, и на нем появилось изображение диктора на фоне какой-то стройки — диктор улыбался, двигал губами, но звука не было. Звук шел из маленького телевизора с темным, слепым экраном.

— Понятно? — спросил Старик-Ключевик.

Катя и Юра кивнули.

— Очень интересно! — сказала Катя. — И как вы это только додумались?

— Такой уж я сообразительный, — довольно улыбнулся Старик-Ключевик.

— Я теперь тоже буду смотреть два телевизора, — сказал Юра, — ваш и наш...

— Но у вас же есть прекрасный цветной телевизор! — рассмеялся Старик-Ключевик. — А мой уже вовсе не годный.

— И слепой, и глухой? — спросил Юра.

— Совершенно верно. Он годится только на то, чтобы его разбирать. И собирать из него что-нибудь другое...

— Что?

— Ну, это уж ты сам сообразишь, — сказал Старик-Ключевик. — Не мне тебя учить... Ведь так?

— Так! — важно сказал Юра.

Чаепитие на потолке

В этот день папа и мама решили встретиться днем возле кафе «Националь», что на углу улицы Горького и Манежной площади. Они всегда там встречались, когда это надо было, потому что кафе находится неподалеку от библиотеки Ленина, где занимается мама. Сегодня папа должен приехать туда после того, как сдаст картину в закупочную комиссию. Он даже хотел получить небольшой аванс. Папа был уверен, что все будет в порядке. И мама тоже на это надеялась.

Папа и мама решили зайти в кафе и выпить на радостях кофе с пирожными — отпраздновать, так сказать, успех, — а потом поехать домой на такси, купив по дороге разных подарков — Кате, Юре и Старика-Ключевика. Но никогда не говори «гоп!», пока не перепрыгнешь: уже полчаса стояла мама перед входом в кафе, а папы все не было. По улице мела поземка, ветер резал лицо, и мама очень замерзла. Наконец она увидела, как папа спускается вниз по улице Горького, держа под мышкой злополучную картину. Мама сразу все поняла, и на душе у нее стало тоскливо. Ни о каких кофе с пирожными не могло быть и речи... и вообще... Но мама постаралась взять себя в руки и встретить папу бодрой улыбкой. Конечно, ей это только так

казалось, что улыбка у нее бодрая. Папа же, увидев ее улыбку, подумал: «Бедняжка! Опять эта грустная улыбка... Вот-вот заплачет». Ведь папа давно изучил в мамином лице все тончайшие оттенки. Так же, как и мама в его лице.

— Ну, что там? — спросила мама.

— Все то же, — махнул папа рукой возможно безразличнее, но его выдавали глаза: они опять были грустные, как у собаки.

— Что они хоть сказали-то? — поинтересовалась мама.

— Говорят: работайте!.. Придется картине еще попылиться в кладовке. Хотя — кто знает — будет ли от этого толк? Ведь я сдаю ее уже во второй раз.

— Но что же делать?

— Надо будет над ней действительно поработать...

— Ну, что ж, — грустно откликнулась мама. — Но бюджет семьи... Он трещит по швам!

— Зайдем у Ключевика! — беспечно сказал папа.

— Ладно, пойдем домой, — вздохнула мама. — Надеюсь, что хоть там все в порядке... что Ключевик заходил.

— В этом я уверен! — сказал папа.

— Уверен, уверен! А если его вдруг куда-нибудь вызвали?

И они побежали на троллейбусную остановку, потому что денег на такси не было.

...Войдя в квартиру, папа и мама остановились пораженные: их оглушило безмолвие. Ни музыки из приемника, ни голосов детей или Старика-Ключевика — абсолютная тишина! Испуганно заглянули они в мамину комнату, в детскую, в ванную и на кухню — пусто! — потом открыли дверь в папину комнату: там тоже никого не было...

— А мы здесь! — раздался вдруг Юрин голос, вроде откуда-то сверху.

Папа и мама хотели было спросить: «Где ты?» — как всегда, когда дети играли с ними в прятки, но, взглянув вверх, вообще лишились дара речи.

То, что они увидели, описать не просто, но я все же попробую. На потолке вниз головами, скрестив ноги вокруг люстры, сидели Юра, Катя и еще кто-то совершенно непонятный, весь металлический, отливающий серебром, с четырьмя ногами, кубической головой и светящимися зелеными прямоугольными глазами... На его макушке колыхались две антенны... Вроде какой-то робот! Вокруг его головы, а также вокруг голов Юры и Кати сияли маленькие разноцветные радуги. Все сидели на потолке и пили чай! Да, да! Во всяком случае, они держали в руках чашки — вверх дном, — и над ними тоже светились полукруглые радуги.

В первое мгновение и папа, и мама подумали, что сошли с ума. Или что это им снится. Папа даже изо всей силы ущипнул себя за ухо.

Наконец мама растерянно прошептала:

— Вот что значит, когда дети без присмотра! Сумасшедший дом! Только откуда... откуда этот... этот робот?

— Это не робот! — ответила Катя. — Он живой!

— Его зовут Тарабам! — крикнул Юра. — И он...

— ...наш гость из космоса! — перебила Катя.

Странное существо кивнуло головой, качнув антеннами.

— И вы... хорошо себя чувствуете? — обратилась мама к Юре и Кате.

— Очень даже хорошо! — спокойно улыбнулась Катя и отпила из чашки глоток чаю.

Мама почувствовала, что, как ни странно, по-

немногу успокаивается. И все же это было выше ее понимания.

— Это Старик-Ключевик! — сказал Юра. — Он подарил мне телевизор! И я вызвал Тарабама!

— Все это прекрасно, — подытожил папа. — Давайте пить чай и рассказывать все по порядку. А то я толком ничего не пойму.

— И я, — кивнула мама.

Папа шагнул в комнату, за ним мама. Они сразу же помимо своей воли стали подниматься к потолку. Папа поддерживал маму за локоть: видно было, что ей не по себе. Поднявшись, они уселись на потолке, скрестив ноги.

Юра же оттолкнулся от потолка, грациозно подлетел к двери, оттолкнулся от нее и вылетел на кухню. Папа и мама с удивлением смотрели ему вслед. Через минуту Юра вернулся тем же путем с двумя чашками в руках, протянув их папе и маме. Потом он налил им чаю. И странно: чай вливался в чашки вверх ногами и обратно не вытекал!

— Черт знает что! — сказал папа.

Он отхлебнул глоток чаю, потом еще глоток и оглядел всех со смущенной улыбкой.

— А теперь рассказывайте, — сказал он, немного освоившись.

Катя и Юра сразу возбужденно заговорили, перебывая друг друга, и понять происшедшее было сперва совершенно невозможно. Но понемногу они успокоились, и тогда выяснилось следующее...

...Когда Старик-Ключевик принес в папину комнату свой испорченный телевизор, Юра взял у папы в шкафу молоток, разные отвертки и плоскогубцы, уселся возле телевизора на пол и стал его раскурочивать. Сначала он вынул из корпуса все внутренности — целиком — и потихоньку стал разбирать их на части. Что-то он там отвинтил, отсоединил, потом снова соединил, уже по-другому — Юра уже не помнит, что и как он разъединял и соединял. Потом Юра решил соединить полуразобранный телевизор с папиным приемником. Он отсоединил от телевизора кинескоп, включил провода кинескопа в приемник, а приемник соединил с телевизором. Получилась, по словам Юры, «замечательная суперсистема, даже лучше, чем папина». Тогда Юра решил соединить всю эту суперсистему с электросетью. Катя, которая сидела рядом, испугалась — она боялась, что произойдет какой-нибудь взрыв, — но Юра настоял на своем, и взрыв произошел: трам-тарабам! Оглушительный взрыв! «Настоящий тарабамный!» — сказал Юра. Когда желтый дым от взрыва рассеялся и оглушенные Юра и Катя пришли в себя, они увидели, что на балконе кто-то стоит. Кто-то металлический, механический и весьма симпатичный. Он шевелил в воздухе головными антеннами и стучал снаружи в окно сверкающими шарнирными пальцами, делая какие-то знаки. Катя и Юра поняли, что он хочет войти в квартиру. Тогда они открыли ему дверь...

— Он вошел! — сказал Юра.

— И стал с нами играть! — добавила Катя..

— Но почему вы зовете его «Тарабам»? — спросила мама.

— В честь взрыва! — сказала Катя. — Это Юра его так назвал, потому что он любит шум! Как мы.

— Все это весьма интересно, — сказал папа после некоторого молчания, во время которого все, кроме Тарабама, пили чай.

Тарабам сидел на потолке молча, скрестив ноги; его зеленые прямоугольные глаза — со шкалой, цифрами и стрелками в них — уютно светились, а внутри металлического туловища ровное, если прислушаться, приятное бархатное гудение.

— Его зовут Тарабам! — крикнул Юра.

— Извините, пожалуйста, — обратился к Тарабаму папа, — я хотел... если вы меня понимаете...

— Я вас понимаю, — произнес Тарабам, наклонив голову, и папа заметил, что голос незнакомца доносится откуда-то из его туловища, как, например, из приемника или из магнитофона.

— О! Вы прекрасно говорите по-русски! — оживился папа. — Без всякого акцента!

— Спасибо! — опять наклонил голову Тарабам. — Русский язык стыдно не знать.

— Спасибо, — в свою очередь, поклонился папа. — Так вот... я... я хочу узнать, как вас зовут в действительности, ведь имя Тарабам, как я понял, вам дали мои дети? И еще, кто вы — простите, все это так странно, — кто вы: человек, робот или... или инопланетянин?

— Я робот-инопланетянин, — спокойно произнес Тарабам. — А зовут меня 999 882/13 РОА...

— А я думал, ты живой, — огорчился Юра.

— Я и есть живой! Живой робот...

— Очень приятно! — сказал папа. — Но как вы, дорогой 999 882/13 РОА...

— Можете называть меня просто Тарабам, — прервал робот. — Это имя мне чрезвычайно нравится. Оно, как ни странно, полнее выражает мою суть — на вашем замечательном языке, разумеется... К тому же оно короче.

— О! Вы чрезвычайно любезны! — улыбнулся папа. — Но как, дорогой Тарабам, и это главный вопрос, как вы все-таки сюда попали? И почему именно к нам?

— А вот за это поблагодарите Юру, — сказал робот, и всем показалось, что он тоже улыбнулся, хотя никакой улыбки на его лице, конечно, не было. — Ваш Юра — обыкновенный гений!

— Этот «гений» чуть было не устроил в квартире пожар! — сердито сказала мама.

— При чем тут пожар? — удивился Тарабам. — Пожар — это неконтролируемый процесс горения, сопровождающийся уничтожением материальных ценностей и угрожающий жизни разумных

существ. Он возникает при наличии благоприятных для него условий. Юра же никаких благоприятных условий для пожара в данном случае не создавал. Он создал благоприятные условия для моего появления — и вот я, как видите, перед вами!

Папа и мама смотрели на Тарабама, раскрыв рты и растерянно хлопая глазами. Только Юра и Катя смотрели так, как будто сто лет знакомы с этим удивительным существом; они даже смотрели на него с некоторой гордостью, особенно Юра.

— Да, но... Какие он создал вам условия? — переспросил папа. — Своим взрывом, что ли?

— Совершенно верно! — кивнул Тарабам. — Хотя, конечно, не собственно взрывом — взрыв был необходимым побочным явлением. Дело в том, что Юра меня спас! Он... вызволил меня... ах! Это было ужасно! — воскликнул вдруг Тарабам.

Он схватился за голову. Его глаза стали накаляться все ярче и ярче, стрелки в них беспокойно забегали, ударяясь вправо.

— Извините, мне очень плохо! — пробормотал вдруг Тарабам и стал опускаться на пол.

И все посыпались на пол: Катя, Юра, папа и мама, — но падали они, слава богу, медленно, и поэтому никто не разбился.

Очутившись на полу, все сразу же подбежали к Тарабаму и склонились над ним — его глаза потухли... стрелки в них застыли на нулях. Тарабам лежал неподвижно, не подавая признаков жизни.

Ночные тревоги

Тревожной была эта ночь! В квартире-108 долго никто не спал. Катя и Юра тихонько плакали, уткнувшись в подушки, мама то и дело заходила к ним в детскую и успокаивала их как могла: и ласковыми уговорами, и строгими приказами немедленно спать, — но заснули они только в полночь.

Потом папа и мама еще долго пили чай в папиной комнате и о чем-то шептались, глядя на распростертого на полу таинственного робота... Один он был в ту ночь спокоен в квартире-108! Он был даже более чем спокоен: я уже говорил, что он не подавал никаких признаков жизни.

Сломался он или, может быть, лучше сказать, умер?

Или какие-то таинственные силы, руководившие им из космоса, приказали ему умереть или отключиться от жизни: вынули из него таинственную электронную душу? Да и были ли такие силы, которые командовали этим роботом-инопланетянином № 999 882/13 РОА? Папа и мама долго еще обсуждали эти вопросы, но что толку: ответов они не находили, и порой им все это казалось кошмарным сном. Но робот был, он поблескивал металлическими сочленениями, его можно было пощупать.

Иногда папа и мама смотрели на потолок. Ведь они только что пили чай там, возле люстры, скрестив на потолке ноги, держа перед собой чашки вверх дном, и чай из них не выливался! И это так же верно, как то, что вот он — их необычайный гость — лежит на полу, и никуда от него не денешься!

— Уж лучше бы мы взяли какую-нибудь собаку, чем этого приبلудного робота, — сказала мама. — Каюсь, дети давно хотели собаку, а я всегда была против... Но робот! Нет, уж лучше собака!

— Во-первых, робот хоть и приبلудный, как ты

выразилась, но сам к нам пришел, и выбирать тут не приходилось, — возразил папа. — А во-вторых, робот-инопланетянин намного интереснее собаки... и от него больше пользы.

— Не уверена, — сказала мама. — С собакой все-таки спокойней. А какая от робота польза — еще неизвестно. Пока что одни неприятности... бессонная ночь... и дети! Подумай о детях!

— Да что дети? Ничего с ними не станет.

— Вот ты всегда так говоришь! А посмотри, какие они бледные... и нервные... А теперь еще этот робот! Он им совершенно ни к чему!

— Да что ты все плачешь — робот, дети! Дети вполне нормальные, а робот уже умер... или... или не знаю, что там с ним случилось! Во всяком случае, он бездействует.

— Да, но куда теперь с ним? Для детей это травма.

— Возьмем собаку, и они успокоятся. Все забудут...

— Не забудут они!

— Ну, знаешь! Не нагнетай обстановку!

— Я просто с ума схожу! — Мама сдвинула ладонями виски. — Голова разламывается... Сейчас приму снотворного и лягу. Может быть, все-таки засну. Завтра суббота. И утро вечера мудренее...

— Утро вечера мудренее, — покорно повторил папа, и в его голосе послышалась надежда на лучшие времена, как в смысле этой истории с роботом, так и в смысле сдачи картин и благополучия в семейном бюджете.

Утро вечера мудренее

Поговорка о том, что «утро вечера мудреней» — действительно мудрая поговорка, и сейчас вы в этом сами убедитесь. Но буду рассказывать все по порядку.

Несмотря на субботу, проснулись все рано. Первым проснулся папа, когда окна еще синели, переходя в белизну, и деревья за ними маячили черными силуэтами. Папа сел на тахте, потянулся и стал, протирая глаза, смотреть на лежавшего поперек комнаты робота... Папа вспомнил вчерашний вечер до мельчайших подробностей. Да, все было именно так! Куда теперь с этим недвижимым роботом? Вряд ли ребята согласятся его просто так выкинуть. «Посмотрим», — пробормотал папа и пошел в ванную. Он всегда принимал ванну. Он вообще любил принимать ванну и плескаться в ней, как утка, поэтому он принимал ванну по несколько раз в день, благо, что работал дома. Он даже принимал иногда ванну, проснувшись среди ночи. «Ванна успокаивает нервы», — говорил папа. Итак, он пошел в ванную, полежал немного в горячей воде и, относительно успокоившись, пошел на кухню ставить чайник и заваривать чай.

Нужно сказать, что чаепитие играет в квартире-108 немаловажную роль. За чаепитием в квартире-108 обсуждают все важнейшие события: от мельчайших происшествий в семье до глобальных проблем международной жизни. Сейчас был именно тот случай — из семейной жизни, когда надо было все обсудить за чашкой чая. Более того, этот случай имел даже сверхглобальное значение, ибо связан был с пришельцем из космоса. Тут уж без крепкого чая никак не обойтись.

«Придется мне, видно, одному почаявничать. Мои бедняги еще спят», — подумал папа. Но когда он

вошел с чаем в свою комнату, то увидел, что Катя и Юра уже сидят в пижамах на полу возле робота.

— Сейчас пойду посмотрю, проснулась ли мама,— сказал папа.

Но едва он повернулся к двери, как мама уже входила в комнату, вид у нее был усталый.

— Почти не спала,— сказала она.— Несмотря на снотворное. Все думала об этом роботе. Сейчас — за чаем — мы примем решение, как с ним поступить... Дети! Что вы с ним делаете?

— Искусственное дыхание! — сказала Катя.

Она и Юра попеременно поднимали и опускали с двух сторон металлические руки робота — руки с тяжелым стуком опускались на пол.

— Это бесполезно,— сказал папа.— Робот не человек, легких у него нет...

— А может быть, он все-таки от этого оживет? — спросил Юра.

— Ничего он не оживет,— сказала мама; она уже сидела за столом и наливала чай.— Придется отнести его куда-нибудь в металлолом... Вместо него купим вам собаку... — Мама произнесла это с ободряющей улыбкой.

— Не нужно нам никакой собаки! — крикнул Юра.

На его глазах сразу навернулись слезы.

— Но вы же сами хотели собаку! — растерянно сказала мама.

— Нам нужен робот! — сказала Катя.— И не какой-нибудь, а вот этот — Тарабамчик.

— Садитесь-ка чай пить,— сказал папа.— Сейчас все обсудим.

— Ой, смотрите! — воскликнул Юра.— У него здесь под клапаном дырочки! Для электрической вилки! Его надо включить!

— А ну-ка.— Папа встал и подошел к роботу.— Действительно, розетка. Но какое у него напряжение?

— Уж, наверное, не меньше чем 220,— откликнулась мама.

— А может, этого мало? — сказала Катя.

— Давайте включим! — сказал Юра.— И посмотрим!

— Попробуем,— согласился папа.— Принеси-ка, Юра, удлинитель — ты знаешь, он в шкафу, в туалете...

Через несколько минут удлинитель был растянут по комнате: один его конец включили в стенную розетку, а другой конец — в розетку на боку робота... Все уселись вокруг робота на корточках, внимательно на него глядя.

Юра приложил ухо к груди робота. Несколько минут все напряженно молчали.

— Слышно! — прошептал вдруг Юра.

— Что слышно? — хором спросили Катя, папа и мама.

— Дышит! — сказал Юра.— Он дышит...

Папа тоже приложил ухо к груди робота и тоже услышал это так называемое дыхание — странно, но оно скорее напоминало то возникающий, то затихающий гул магнитофона, когда в нем нет музыки.

— А вон и глаза засветились! — сказала Катя.

— И нога! Шевелится! — удивилась мама.— Одна из четырех!

Не успели они это сказать, как робот оперся руками о пол, подобрал ноги и сел. Его глаза опять светились ровным зеленоватым светом, стрелки в них качнулись и остановились вертикально в середине шкалы. Все смотрели на него, раскрыв рты.

— ВУОАП! — громко сказал робот, потом кряк-

нул и после некоторого молчания произнес раздельно, по слогам, еще громче: — У-ЛИ! ВУ-О-АП!

— Не понял,— вежливо вмешался папа, глядя в глаза роботу.— Что вы изволили сказать?

Робот мигнул стрелками и уставился на папу.

— Ах! — воскликнул он.— Где я?

— Только не волнуйтесь! — ласково сказала мама.— Не хотите ли чашку чая?

— Ты у нас, Тарабамчик! — взволнованно крикнул Юра.

— В квартире-108! — сказала Катя.

— Вы на планете Земля, в квартире-108,— сказал папа.— Вчера с вами случилось что-то непонятное. Мы пили чай на потолке, и вы вдруг упали... в обморок. Надеюсь, вы не ушиблись?

— Вас понял,— прошептал Тарабам, а потом схватился за голову руками и запричитал, раскачиваясь из стороны в сторону: — О, бедный мальчик! Бедный мальчик!

Причитал он совсем по-детски, жалобным голоском.

— Это вы про Юру? — осторожно спросила мама.

— Я? — спросил Юра.— Почему я бедный?

— Это я бедный мальчик,— сказал Тарабам.— Ах, какой я бедный мальчик!

— Не понял,— сказал папа.— Почему вы бедный мальчик? И разве вы мальчик?

— Я мальчик! — ответил Тарабам и загадочно добавил: — По вашим расчетам, мне всего четырнадцать лет... О, я бедный мальчик!

— Пойдите! — встал папа.— Тут без чая не обойдешься! Кстати, он давно уже остыл, сейчас я его разогрею.— Папа взял чайник, чтобы отнести его на кухню.— А вы пока садитесь за стол...

— А на потолке можно? — спросил Юра Тарабам.— Как вчера?

— Отчего же? Можно и на потолке,— откликнулся Тарабам.— Это вполне в наших силах...

Когда папа вернулся с горячим чайником, все уже сидели на потолке. Войдя в комнату, папа тоже плавно поднялся вверх и уютно уселся вниз головой возле люстры, поставив чайник рядом с собой.

— Как вам удастся это сидение на потолке? — обратился он к Тарабаму.

— Очень просто: создаю микроклимат невесомости,— скромно ответил Тарабам.— С помощью Юриного кинескопа... Но не буду вдаваться в подробности, я и сам не могу всего толком объяснить. Просто заложена в меня такая способность...

— Прекрасная способность! — сказал папа.— Но расскажите-ка теперь о себе: что с вами вчера случилось? И как вы вообще к нам попали?

— Вы не выпьете чашечку? — улыбнулась мама Тарабаму.

— Спасибо, я не пью и не ем. Вы уже и так отлично насытили меня электрочадами... Благодарю вас!

— Это вы должны Юру благодарить,— сказал папа.

— Спасибо, Юра! — слегка поклонился Тарабам Юре.

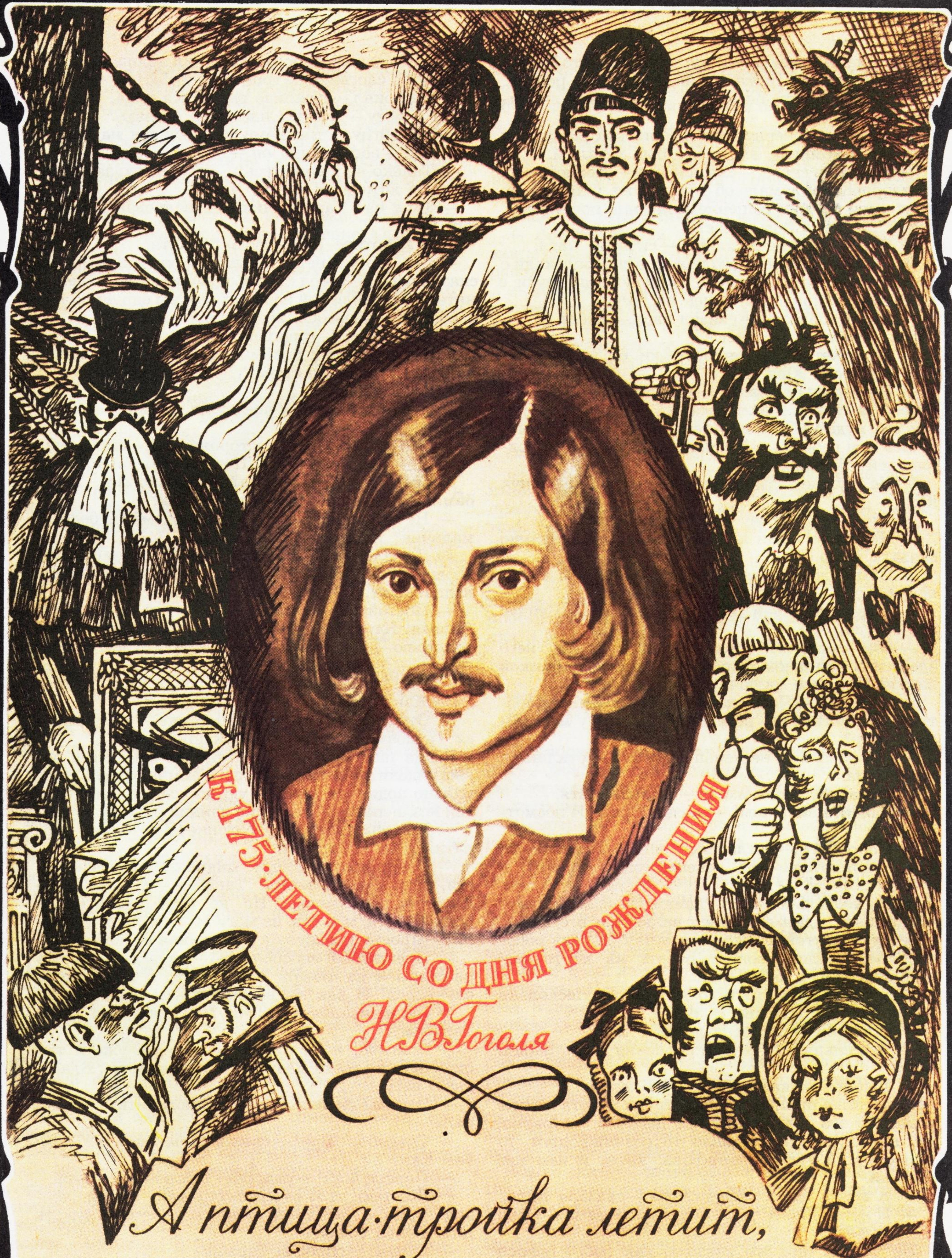
— Пожалуйста! — радостно откликнулся Юра.

— Все-таки утро вечера мудренее! — весело сказала мама.— Наш гость ожил! И не нужно думать ни о какой собаке!

— О чем? — спросил Тарабам.

— Да это так,— поспешно вмешался папа, укоризненно взглянув на маму.— Давайте к делу! Мы слушаем, Тарабам.— И папа разлил по чашкам чай.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Н.В.Гоголя

А птица-тройка летит,

или

КАКУЮ ПОГОДУ ЛЮБИЛ ГОГОЛЬ?

действительно — какую? Ясный, летний день, осенний дождик, туманные сумерки?

«Ясный жаркий день!» — ответит на этот вопрос читатель, влюбленный в «Тараса Бульбу». «Знаете ли вы украинскую ночь?» — процитирует другой. «Ветер дул на него со всех четырех сторон...» — вспомнит продрогшего Акакия Акакиевича третий...

И все трое будут правы. Речь идет о разных книгах. А в них разное настроение. Разная атмосфера. По-разному в каждой из них видит писатель окружающий мир. Так и получается, что в одной книге на героев непрерывно льется дождик, в другой — от жары даже мухи не летают, а в третьей...

Впрочем, не будем забегать вперед. О том, как и почему меняется погода в книгах Гоголя, мы и поговорим. Согласитесь: вопрос этот для настоящего внимательного читателя вовсе не праздный. За погодой, временем суток и года встает глубокий образ, настроение, мысль...

«У нас есть поверья в некоторых наших хуторах, разные повести, рассказываемые простолюдинами, в которых участвуют духи и нечистые. Сделайте милость, удружите меня которую-нибудь из них», — просит Гоголь в письме мать, Марию Ивановну. «А сказки, песни, происшествия можете посылать в письмах или небольших посылках», — это уже из письма сестре.

Письма относятся к тому времени, когда задумывалась и создавалась первая знаменитая гоголевская книга — «Вечера на хуторе близ Диканьки». Здесь «гоголевская» погода тесно связана с украинскими легендами, сказками, поверьями — тем, что стало основой книги.

...Ну а когда в сказках и легендах наступает время главных событий? Конечно, ночью.

«А как же «Сорочинская ярмарка», где все начинается днем?» — спросит меня недоверчивый читатель.

Все правильно. Но гоголевский украинский день — лишь прелюдия к гоголевской украинской ночи. Днем — шум, суета, смех, словом, ярмарка. День проходит чередой ярких и несколько бессвязных впечатлений, жаркий, дурманящий, веселый день. И среди этих впечатлений главные — те, что ведут нас к царству гоголевской ночи.

День у Гоголя задает загадки. Ночь их разгадывает.

«Гоголь — поэт ночи. «Ночь перед рождеством», «Майская ночь, или утопленница». На ночь падают фантастические события «Сорочинской ярмарки», ночью совершаются убийства в «Вечере накануне Ивана Купала», месть в «Страшной мести». По ночам морочат черти героев в «Пропавшей грамоте» и «Заколдованном месте» — так написал о «Вечерах на хуторе близ Диканьки» современный биограф Гоголя Игорь Золотусский.

Но это — не просто ночь. Ночь молодая, праздничная, волнующая. Ночь, полная чудес и приключений. И, конечно, это украинская ночь: летняя, теплая, роскошная. Или — морозная, сияющая, полная звезд. В ней, в ночи, все прекрасно.

Прекрасна не только природа. Прекрасны и люди. Красивые, молодые. Сильные. Настоящие богатыри.

Богатырский дух витает над страницами первых повестей Гоголя. Богатырское время притягивает его взор.

Гоголевское собрание «ночных» сказок, то грустных, то смешных, то чудесных, то страшных, где колдуны пьют кровь людскую, а черти летают до самых звезд, — это еще и картина мира, которую нарисовал нам юный Гоголь. Прекрасные люди побеждают злую силу. Все уродливое, темное умирает, съезживается, улечивается, проваливается сквозь землю перед лицом доброго, веселого, человеческого.

Да, человеческое для Гоголя — это и веселое. Люди веселы по природе своей. Они любят шутить и смеяться. Хохот рекой льется со страниц «диканьковских» повестей и рассказов. Веселье, доброта, сила, храбрость побеждают у Гоголя всегда.

Гоголь, выросший на Украине, писательскую свою работу начал уже в России, в Петербурге. Он ехал из своей малороссийской провинции в Петербург, полный честолюбивых планов. Как и всякий юноша, мечтал завоевать весь мир. Но одного желания мало. Мало одного честолюбия. И одного таланта — тоже.

Что взял он с собой в дорогу? Чем хотел удивить столицу? Что собрал в свой дорожный саквояж?

Теперь мы знаем. В саквояже оказалась украинская ночь, украинский фольклор и украинский юмор, сказки, легенды, песни, присказки, шутки.

Холодному петербургскому небу Гоголь противопоставил свой мир — мир украинской роскошной ночи и пестрого, солнечного украинского дня. И Петербург был поражен. Был завоеван. Произошло настоящее литературное чудо...

В литературном чуде первой книги Гоголя заключена великая мысль: корни личности человека, ключ к этой личности — в истории его народа, в его культуре.

В «Миргороде», второй книге Гоголя, — все та же любимая Украина, украинская природа. Пестрый, жаркий, солнечный день. Таинственная ночь... Она по-прежнему манит, пугает, чарует в миргородских повестях. Ночью пробирается Андрий, сын Тараса Бульбы, в осажденный казаками город. Ночью читает у смертного одра ведьмы церковную книгу герой «Вия».

Но эта ночь — уже не такая веселая и добрая, как раньше. Скорее она трагична. В ней больше настоящего (а не по-сказочному) страшного, темного, недоброго.

Впрочем, если мы внимательно пролистаем сборник «Миргород», то увидим — ночных эпизодов в нем не так много. Гораздо больше дня. Солнечного света. Жары. Духоты. Разморенной скуки.

Удушающий зной, сон до и после обеда, обжорство, лень, пустые разговоры. Вместо пестрого, радостного мелькания дневных впечатлений — мертвенный покой. Другая, совсем другая погода — и совсем другой мир. Другие люди. И юмор Гоголя — тоже другой...

Светлое, «свежее» (Гоголь очень любил это слово, определяя им не только природные явления, но и время человеческой жизни) мироощущение сменяется более трезвым, порою горьким взглядом на мир.

О героях «Миргорода» — старосветских помещиках, сварливых соседях Иване Ивановиче и Иване Никифоровиче — мы уже никак не можем сказать: «прекрасные люди». Они, кажется, только и делают, что постоянно жуют, сморкаются, кашляют, чихают, хвастаются, ссорятся по пустякам. Жизнь их вместо поступков наполнена одними лишь привычками. ПРИВЫЧКА — главное слово для этих гоголевских персонажей. И еще — скука.

Вглядываясь в картину, нарисованную писателем, мы замечаем: а ведь в живых, смешных этих портретах, в по-прежнему живой и прекрасной природе писатель находит новую краску. А значит, и новую мысль.

Жаркий гоголевский день, день «Старосветских помещиков» и «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», наводящий скуку, лень, истому, — день мертвенный, застывший. Такой же застывший и неподвижный, как и жизнь гоголевских украинских помещиков.

Гибель Тараса Бульбы кажется нам жестокой и бессмысленной. Но это героическая гибель! Гоголевские помещики умирают задолго до своей физической смерти. Они умирают медленно, словно бы застывают на наших глазах, превращаясь в восковые фигуры. Жутко смотреть, как лица превращаются в гримасы, а смешные привычки и словечки — в нелепую кукольную позу.

Духовное умирание человека. Столкновение живого, человеческого и бездушного, механического — вот тема миргородских повестей.

И вот разгадка иссушающего гоголевского дня...

В повести об Иване Ивановиче и его соседе на самой последней странице читаем: «Сырость меня проняла насквозь. Печальная застава с будкою, в которой инвалид чинил серые доспехи свои, медленно пронеслась мимо. Опять то же поле, местами изрытое, черное, местами зеленеющее, мокрые галки и вороны, однообразный дождь, слезливое без просвета небо».

Чувствуете — что-то опять происходит с гоголевской погодой? Это уже не роскошная летняя ночь или жаркий летний день, не определенные яркие краски, а неизвестно что: слякоть, где все перемешано, все слилось в дождливом мареве.

Петербург наложил свою печать на страницы «Миргорода» — словно холодный ветер подул сквозь яркость красок и теплоту гоголевского слова. Петербургская погода начала проникать на его солнечные страницы.

...Эпилог украинской повести Гоголя оказался прологом к петербургским его повестям.

В «Петербургских повестях» перед нами уже совсем иной Гоголь. Не просто большой писатель, философ, мастер литературы. Но еще и человек, ощутивший отчаяние и одиночество. И полный недобрых, страшных предчувствий.

В «Миргороде» мы смеемся над старосветскими помещиками... Да что там смеемся — покатываемся... Но и жалеем их. Порою остро жалеем, почти до слез. Потому что они — живые люди... В «Петер-

бургских повестях» мы то и дело встречаем людей, не имеющих человеческого лица. Навсегда его потерявших вместе со способностью самостоятельно думать, совершать поступки, говорить.

Лихо отплясывает на балу поручик Пирогов. Отплясывает через несколько часов после того, как его выпороли немецкие сапожники. Поразительный человек! Кажется, ему вовсе не знакомо чувство стыда, боли, отчаяния. Пожалуй, не «кажется», а так и есть...

Пирогов — человек-кукла. Удивительно похож на него и майор Ковалев, владелец пропавшего носа. Носа, который неизвестным образом бесследно исчез, а затем объявился... важным чиновником, разъезжающим в карете, одетым в роскошный мундир.

Об этом невероятном сюжете исследователи — да и рядовые читатели — спорили затем целое столетие. «В чем же разгадка?» — мучились они.

В начале «Невского проспекта» есть знаменитое место: рассказчик вглядывается в лица людей и видит вместо лиц — усы, носы, бакенбарды, шляпки. Человек, лишенный характера и индивидуальности, человек, лишенный человеческого, словно бы распадается по частям.

Почему же у такого «распадающегося» человека не может отделиться... ну, скажем, нос и зажить самостоятельной жизнью?

Они, эти люди без лица, не миражи, не плод разгоряченной писательской фантазии, не «шаржи». Они типичны. Они нормальны для петербургского уклада жизни — казенного, лицемерного, бездушного.

Фантазия Гоголя в «Петербургских повестях» — фантазия прежде всего философская. И еще — остросоциальная. Писатель показывает нам суть петербургской жизни. А суть эта в обезличивании человека, в распадении его личности на части, на внешнее, на службу и привычки, на помыслы о деньгах и карьере, на отношения рабства и зависимости.

Даже природа в «Петербургских повестях» враждебна человеку. Она олицетворяет собой ту бездушную, нечеловеческую силу, которая губит и унижает людей.

Поэтому так важны петербургский пейзаж, погода, время дня. Холод, поземка, вьюга, лютая стужа, сковывающая Акакия Акакиевича, слякотный петербургский туман, дождливые сумерки, в которых бежит по Невскому проспекту художник Пискарев, пишет свои безумные записки Поприщин. «Деловое» петербургское утро — ясное, но остекленевшее, в котором спешат на службу люди, не замечая один другого.

Таким увидел Петербург Гоголь. Таким он описал его.

Но пора уже было снова собираться в дорогу...

Гоголь пишет «Ревизора». Пишет великий пролог к «Мертвым душам».

Почему «пролог»? Разве «Ревизор» — не гениальное произведение само по себе?

Конечно, гениальное. Конечно, Хлестаков непохож на Чичикова. Конечно, нельзя сравнивать несравнимое: комедию и прозаическую поэму.

И все-таки — пролог.

Хлестаков въезжает в уездный город на дорожной коляске. И уезжает на ней же. Этот городишко — лишь случайная остановка на его пути. Что это за путь, мы можем лишь предполагать. А предполагая, так и видим перед собой бесконечные дорожные описания «Мертвых душ», поездки и возвращения Чичикова, его Петрушку и Селифана. Гоголь не брезгует обществом Хлестакова и Чичикова. Он садится рядом, в ту самую дорожную коляску. Садится, чтобы наблюдать.

Это следующий этап его пути. Позади остались украинские повести и повести петербургские. Гоголь пишет «обо всей России».

Как изменилась гоголевская погода в «Мертвых душах»? И что означает это изменение?

Прежде всего — изменился сам угол зрения.

Гоголевская украинская ночь. Гоголевский иссушающий, мертвенный полдень. Гоголевские петербургские сумерки — дождливые, туманные, вьюжные. При всей разнице — есть что-то общее во всем этом. Но что?

Домашний, уютный мир «Вечеров» — так и видишь перед собой украинскую мазанку, где хитрый пасечник рассказывает детишкам бесконечные свои истории. Затхлый, замкнутый мир маленькой усадьбы «Старосветских помещиков». Теснота Невского проспекта, где так легко задеть кого-то локтем, а обернувшись, увидеть до того страшное лицо, что захочется скорей убежать, но бежать некуда.

И вдруг — простор!.. Тот простор, который открывается только из дорожной коляски. Российская дорога с редкими деревеньками на холмах, верстовыми столбами, перелесками.

До «Мертвых душ» такое ощущение простора, размаха, необъятного пространства читатель испытывал лишь однажды — в повести «Тарас Бульба». Собрав своих сыновей в Запорожскую сечь, Тарас ехал с ними по безбрежной степи навстречу подвигам и гибели. И эта степь слилась воедино в нашем сознании с богатырским духом Тараса, с героическим прошлым Украины.

Ну а здесь, в «Мертвых душах»?

Разве Чичиков богатырь? Смешно и думать...

Тогда откуда же это ощущение чистоты и свежести? Почему так богата природа в «Мертвых душах»? Тут и проливной, очищающий ливень, и свежий ветерок, и солнце, но главное — воздух. Простор. Ширь. Даль. Российская природа гоголевской поэмы словно бы вобрала в себя все, что было накоплено в прежних его книгах, — и сказочную прелесть ночи, и жаркую тяжесть дня, и тревожные звуки сумерек, и дождь, и снег...

«Мертвые души» — приговор царской России. Гоголевский смех здесь страшен и беспощаден. Он с невиданной силой обличает бездуховность, пустоту.

Но с не меньшей силой Гоголь воспекает российскую ширь, российский простор. Он надеется на богатство русской души, способной исторгнуть из себя все темное и злое. «Расколдоваться», сбросить тяжелые путы невежества и тоски.

Поэтому люди в «Мертвых душах» — Собакевич, Плюшкин, Манилов, Коробочка — страшно неподвижны, тяжелы на подъем, накрепко прикованы к своим помещичьим «гнездам».

А «птица-тройка» летит...

Таков был итог гоголевской жизни. Итог его многолетних раздумий о судьбе России. Гоголь не нашел в тогдашней России человека, способного жизнью доказать его великую мысль об «очищении души», героя, способного на славный, «богатырский» поступок...

...Ну а для чего все же нам понимать, что такое «гоголевская погода»? Для чего нам знать, как она менялась? Для чего уметь различать «гоголевскую ночь», «гоголевский день», «гоголевские сумерки»?

Как и всякий великий писатель, Гоголь — «учитель жизни».

Но еще и «учитель литературы». Как говорили раньше: «словесник». И главный урок, преподанный Гоголем-словесником, — это отношение к СЛОВУ. Не любя гоголевское яркое, выпуклое, живое СЛОВО, не поймешь и не полюбишь его книги. Читая Гоголя, нельзя пропускать описаний природы, пролистывать страницы (как это часто делает неопытный читатель, споткнувшись о «длинную» фразу). Иначе...

Иначе никогда не бродить вам под гоголевскими звездами.

Не кутаться от гоголевского дождливого тумана, замирая от недобрых предчувствий.

Не смотреть, прищурившись, в гоголевскую даль.

Б. МИНАЕВ

Рисунки М. ПЕТРОВА.

Сказки ЧАБУА АМИРЭДЖИБИ

Свои сказки Чабуа АМИРЭДЖИБИ, известный грузинский писатель, автор знаменитого романа «Дата Туташхиа», никогда не пишет специально. Он придумывает их для своих детей и внуков, для ребят, которые так часто окружают его и, конечно же, просят рассказать сказку. Писатели Юрий Анохин и Геннадий Снегирев записали однажды эти сказки и пересказали их на русском языке.

ЖАДНЫЕ ПЧЕЛЫ

У царя муравьев был день рождения. Пчелы со своей царицей пришли к муравьям с поздравлением.

Царь муравьев принял гостей с великим почетом. Потчевал печеным и жареным, фруктами и чурчхелами¹.

Царице пчел кинжал на серебряном поясе пожаловал.

Всю ночь пировали пчелы с муравьями.

Когда на утро пир кончился, муравьиный царь приказал сто муравьев нагрузить корзинами с самыми вкусными, самыми сладкими подарками.

По дороге домой увидели пчелы виноградные поля муравьев и подумали: «Прихватим-ка по виноградине!...»

Муравьи сказали пчелам:

— Этот виноград, что вы с наших полей сорвали, оставьте здесь и уходите.

Пчелы удивились:

— Как же так, вы нас всласть печеным да жареным потчевали, нашу царицу серебряным поясом с кинжалом опоясали, а по одной виноградине каждой пчеле пожалели!

Муравьи ответили:

— То мы сами вам поднесли, а это вы не спросясь взяли. Попросили бы вы нас, мы вам весь виноград собрали бы и до вашего дома донесли. А без спросу и по одной виноградине унести не дадим.

Устыдилась царица пчел:

— Что же нас такая жадность одолела?!

Молча положила на землю серебряный пояс с кинжалом и полетела домой. И все пчелы оставили корзины с подарками и улетели домой пристыженные.

¹ Чурчхела — орехи, нанизанные на нитку и покрытые застывшим виноградным соком.

Сорока —

Лиса, осел и кукушка привели на суд ко льву сороку.

Лев зевнул, надел очки и сказал:

— В чем провинилась сорока?

Лиса сказала:

— Сорока распустила про меня слух, что я бесхвостая. Я подумала: задеру-ка хвост повыше, все увидят, что хвост у меня есть, и не станут больше надо мной смеяться. С тех пор я так и привыкла ходить. Охотники меня издалека видят.

Лиса положила на стол перед львом хвост, весь подпаленный и пробитый дробью. Лев поправил очки, внимательно осмотрел его, вздохнул и сказал:

— Какой был пышный хвост! Такого, как у лисы, хвоста ни у одного зверя не было!

Лев повернулся к сороке и спросил:

— Ты зачем лгала?

— Откуда я знала, что у нее такой пышный хвост? Ошиблась я, простите меня! — ответила сорока.

— Говорить то, чего точно не знаешь, — значит сплетничать! — сказал лев.

Осел пожаловался льву:

— Сорока оклеветала меня: сказала, будто я безголосый. Я подумал: буду реветь погромче да почаще, пусть все знают, какой у меня громкий и

Злой человек

СПЛЕТНИЦА

прекрасный голос. Я реву, реву, а хозяин на меня сердится и палкой бьет! А каково мне это терпеть, уважаемый судья, посудите сами!

Лев поправил очки, оглядел ослиные бока и сказал сороке:

— Когда осел в деревне ревет, меня в лесу дрожь пробирает! Зачем ты клеветешь?

— Мне сказали, что осел безголосый. Ошиблась я, простите меня! — ответила сорока.

— Мало ли что говорят, — заревел лев, — сама не слышала — молчи! Сплетница!

— А чем тебя сорока обидела? — спросил лев кукушку. Заплакала кукушка:

— Она выдумала, что я ни одного яйца не могу снести! И с тех пор каждую весну я кладу в чужие гнезда свои яйца, чтобы птицы знали, что сорока лжет. И как же мне, несчастной, живется с тех пор?.. Мои дети по чужим гнездам растут, и песен я с горя давно не пою, только плачу: Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

Рассердился лев на сороку:

— Ах ты, клеветница! Житья от твоих сплетен никому нет!! Вытянуть ее короткий хвостик, да подлиннее, тогда все звери и птицы, как увидят длинный сорочий хвост, так сразу и вспомнят, что она сплетница.

Но все равно это не помогло: летает сорока по лесу, стрекочет, сплетничает...

Жил на свете злой человек.

Однажды вышел он из своего дома и пошел по дороге.

Идет, идет злой человек, под ноги не глядит.

Вдруг слышит чью-то мольбу:

— Человек! Человек! Помоги мне!

Злой человек остановился, видит — зеленый росток тянется к солнцу.

— Толкни ногой этот камень — он мне расти не дает!

— А ты кто такой? — спросил у зеленого ростка злой человек

— Фрукт я!

— Фрукт? Не горийский ли ты персик¹? — засмеялся злой человек.

— Я не горийский персик, я — простая груша! — ответил зеленый росток. — Убери этот камень, я вырасту, стану большим деревом. Ты или другой человек пройдете по этой дороге, и я вас угощу сладкими, сочными плодами!

— Чтоб я для тебя камни перекачивал? — закричал злой человек. Пнул ногой зеленый росток и затоптал его.

Пошел дальше злой человек, видит на лесной поляне муравейник.

— Вы зачем здесь такую кучу земли навалили? — закричал он на муравьев.

— Добрый человек, это наш дом, — вежливо сказали муравьи. — Мы его по веточке, по хвоинке собирали! Будьте осторожны, не повредите наше жилье!

Злой человек громко засмеялся, наступил ногой на муравейник, растоптал его и пошел дальше.

Догнал злой человек седую старушку. Она была такая старая, что еле-еле шла по дороге, неся в руке корзинку с лепешками.

— Эй ты, старуха! Что там у тебя в корзинке? — закричал злой человек.

— Это, сынок, лепешки. Не хочешь ли поесть, пока они горячие?

Злой человек и слушать не стал старушку: выхватил у нее корзинку и пошел дальше.

Только не знал злой человек, что старушка была волшебница.

«Доброе животное лучше злого человека!» — подумала старушка и сказала вслед злому человеку:

— Вьюки чужие будешь носить, а пот — свой проливать!

И злой человек вмиг превратился в осла.

С тех пор чужие вьюки носит, а пот свой проливает.

¹ Горийские персики издавна славились своим вкусом и ароматом.

РИСОВАЛ В. ДУДКИН

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

Учитель. Чем отличались первобытные люди от современных?

Ученик. Первобытные люди ходили табунами, а современные — семьями.

Ира Ватбольская,
пос. Ударный,
Мордовская АССР.

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учительница. Что такое айсберг?

Ученик. Это кусок засохшего льда.

Толик Синявин,
г. Феодосия.

НА УРОКЕ МУЗЫКИ

Учительница. Что такое музыка?

Ученик. Музыка — это такое понятие, которое звенит во всех ушах.

Инна Доценко,
г. Ярославль.

НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ

Учительница. Кто такой Микла Селянинович?

Ученик. Колхозник.

Катя Неволлина
и Света Нуйкина,
г. Челябинск.

* * *

Учительница. Что вы знаете о Крылове?

Ученик. Крылов писал басни и принимал людей за животных.

Галя Сухова,
Волгоградская обл.

НА УРОКЕ ЗООЛОГИИ

Учительница. Приведи пример безусловного рефлекса.

Ученица. Если до лягушки дотронуться палочкой, она убежит.

Ирма Х.,
Московская обл.

НА УРОКАХ БОТАНИКИ

Учительница. Какого цвета арбуз?

Ученик. Полосатого.

Алексей Евсеев,
г. Киев.

* * *

Учитель. Кто первый стал использовать капусту как продукт питания?

Ученик. Дикие римляне.

Яша Козель,
Киргизская ССР, г. Токмак.

Из школьных сочинений

«Дождик капал прямо ветру в бок».

«Пятки исчезли — это была голова».

«У моего друга громкий смех и сломанный велосипед».

«Позади шел пожилой человек лет восемнадцати».

«Заяц спал сладко, но он видел морковь».

«Костя ходил в красных ботинках, и только глаза у него были зеленые».

«Сначала у него вспотел лоб, а потом только показалась шишка».

«Я взял кота Ваську, когда был еще котенком».

«Я быстро стоял на одном месте».

За серьезное и несерьезное поведение
детей и взрослых на «Переменках»
отвечает В. АЛЁНИН.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

КЛУБ «ВРАТАРЬ»

РАССКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА...

Мне нравится игра вратарей Чановых — Виктора и Вячеслава. Я знаю, что раньше вратарем был и Виктор Гаврилович Чанов, их отец. Расскажите, пожалуйста, об этой вратарской династии.

Роман ЩЕРБИНА, Одесская область.

Нередко бывает так, что дети выбирают для себя увлечения или профессию родителей. Семей, в которых несколько поколений занимаются одним делом, — немало. Только каждую ли такую семью можно назвать «династией»? Что главное в этом понятии? Сегодняшний разговор об ОТНОШЕНИИ К ДЕЛУ.

Заседание клуба ведет мастер спорта международного класса Вячеслав ЧАНОВ.

ПРАВО БЫТЬ ВРАТАРЁМ

О тебе расскажет дело

Сколько раз в детстве мы рассказывали друг другу о своих родителях. То и дело слышалось: «Мой папа — шофер, а мой — геолог!» Я стеснялся говорить, что мой отец — вратарь. Все и так знали вратаря донецкой команды «Шахтер» Виктора Гавриловича Чанова. А рассказать о том, как он юношей ушел на фронт, закончил войну на Одере и там сыграл первый после Победы матч за команду своего полка, я не мог. Сам тогда этого не знал.

О себе отец рассказывать не любил и до сих пор считает, что о человеке лучше всего говорит его дело. Из полковой команды вратаря Чанова пригласили в знаменитую команду ЦДКА. Он стал дублером замечательного голкипера Владимира Никанорова. Отец восхищался его мастерством. Каким вратарем был он сам, я узнал позже, на домашних уроках вратарского искусства.

Как только мама отлучалась из дома, комната превращалась в футбольное поле. Шкаф — левая штанга, спинка кровати — правая: вот вам и ворота. В этих воротах отец начал обучать меня вратарской азбуке. А в ней главное — уметь ловить мяч.

Рос я быстро и был долговязым. Поэтому ловить мячи внизу мне было трудно. Прежде всего отец и учил меня этому. Подмечал каждую ошибку. Например, когда мяч летит в угол ворот, неопытные вратари отталкиваются той ногой, которая ближе к мячу. Мяч неизменно влетает в ворота, потому что бросок получается коротким и неловким. А чтобы мяч поймать, надо отталкиваться другой ногой. Отец не раз мне показывал, как это делают, но мне не хватало терпения вникнуть в его совет, я повторял все ту же ошибку. Отец, потирая очередной ушиб, сказал: «Чтобы стоять в воротах, надо выстрадать это право». И стал объяснять все заново.

На футбол — «за ручку»

Не подумайте, что мама была против спорта. Отец уважительно называл ее «наш старший тренер», а я теперь добавил бы «председатель тренерского совета».

Она водила меня «за руку» сперва в бассейн, потом — в гимнастический зал. Однажды мама привела меня в футбольную школу «Шахтер». Ох, и хитрая мама: знала, что занятия гимнастикой помогли мне стать ловким, я научился хорошо управлять своим телом, умел и не боялся падать. И тренер Георгий Васильевич Бикезин (он когда-то играл с отцом в одной команде) определил меня в ворота. Но довольно скоро разуверился в моих способностях. Не было у меня того, что называют спортивной злостью. Мешал характер, а точнее, его отсутствие. Так и не получился бы из меня спортсмен, если бы... Нечаянно я услышал, как Георгий Васильевич грустно сказал маме: «Не выйдет ничего из твоего парня... Не в отца удался...» Тут-то я и решил: или научусь играть, как отец, или перестану себя уважать.

Очень мне помогли домашние тренировки. Иные думают: «Зачем вратарю много бегать? Его дело в воротах стоять». Ан нет! Чтобы играть по всей штрафной площади, чтобы не ошибаться на выходах и всегда быть первым у мяча, надо бегать быстрее нападающих. Ноги должны быть, как пружина. Надо ежедневно укреплять мышцы. Для этого вовсе не обязательно заниматься на стадионе. Тот, кто поставил перед собой цель и решил во что бы то ни стало ее добиться, не станет объяснять свое безделье неподходящими условиями. По совету отца я не ходил по лестнице шагом, а прыгал со ступеньки на ступеньку — и вверх, и вниз. Подолгу занимался на тренировках прыжками с весом. Например, с легкой штангой выпрыгивал по многу раз с корточек. То же делал и с мячом: садился на корточки или прямо на землю, подбрасывал мяч и

старался поймать его, когда он был на самой высокой точке полета.

Вот тогда я до конца, кажется, понял смысл отцовских слов о том, что право быть вратарем надо выстрадать. Понял, что труд не сразу приносит радость и удовлетворение. Сначала он проверяет человека на прочность: хватит ли у него сил, терпения, чтобы довести начатое до конца. В спорте это особенно проявляется. Не хочется вставать на тренировку, а надо, от усталости уже с ног валишься, а отдыхать еще рано: не все сделал. И если не сделаешь сегодня, завтра уже не успеешь, потому что у каждого дня свои дела.

Никаких «если»

Успехи пришли не сразу и не вдруг. Но пришли, потому что труд всегда отблагодарит того, кто его не боится. Нас с братом учили работать так, чтобы быть первыми. Но не думайте, что быть первым просто. С первого и спрос больше. Только плохо, когда человек ждет, пока с него спросят.

На чемпионате Европы в 1978 году юношеская сборная СССР, в которой, как и я когда-то, мой брат был вратарем, заняла третье место. Как всегда после соревнований, мы всей семьей обсуждали успехи и промахи наших футболистов. Виктор считал, что его вины в пропущенных мячах нет. Ох, и досталось же ему на орехи от меня и от мамы. Но от отца, конечно, больше всего. Он долго не мог успокоиться: неужели уроки, которые он давал нам еще в детстве, не пошли впровод?

Мальчишками мы не один раз слышали от него, что вратарь в ответе за каждый мяч, который ему приходится вынимать из сетки ворот. Для вратаря не может быть никаких «если» — если, конечно, он настоящий вратарь.

В родительский дом мы теперь съезжаемся редко. Чаще встречаемся на футбольном поле — как соперники. Я защищаю ворота московского «Торпедо», а Виктор — киевского «Динамо». Что мы

тогда чувствуем, родные братья? Как-то раз Виктор сказал: «Будто двойная нагрузка выпала. За себя переживал и за тебя». А мне всегда хочется, чтобы выиграла моя команда, но чтобы брат мог сказать: «Моей вины нет...» И еще я мечтаю о том, чтобы мой сын продолжил семейную традицию.

Слава Чанов — вратарь детской футбольной команды «Торпедо». О том, почему Слава решил стать вратарем, рассказывает он сам.

— Почему я хочу быть вратарем? Ну, не только потому, что футбол нравится. Корабли, например, я люблю не меньше, строю модели парусников. Просто дедушка был вратарем, дядя Витя — вратарь, мама и бабушка очень серьезно относятся к спорту. В общем, семейное дело. Но главное, конечно, как к этому относится папа. Для него футбол — вся жизнь. Я вижу, какая радость для него победа команды, как он переживает неудачи. Он любит свое дело и работает, не жалея ни сил, ни времени. Мне кажется, самое большое счастье, как папа, выходить на зеленое футбольное поле во вратарском свитере, на котором герб и буквы «СССР».

Записал В. БЕРЕЗОВСКИЙ.

Заколдованный вратарь

Это случилось двадцать один год назад. В 1963 году. Огромная чаша римского стадиона то и дело взрывалась от восторженных оваций и криков десятков тысяч любителей футбола. Шел отборочный матч на Кубок Европы между сборными командами Советского Союза и Италии. Соревнования сборных за европейский футбольный кубок организованы были совсем недавно. Всем хотелось завоевать почетный приз. Первая встреча в Москве оказалась неудачной для итальянцев: они проиграли ноль-два. Теперь, у себя дома,

знаменитые мастера футбола стремились взять реванш и выйти в следующий этап розыгрыша.

...Итальянцы атаковали. Команду вел в бой великолепный Сандро Маццола. Стремительные прорывы по флангам заканчивались короткими кинжальными прострелами в нашу штрафную площадь. Хозяевам поля для победы обязательно надо было забить не меньше трех «сухих» голов. И они могли их забить.

Футболисты в голубых майках (из-за них итальянскую сборную и прозвали «Скуад-

ра Адзурра» — «Голубая сборная») били с тридцати, с двадцати, с десяти метров. Били почти в упор, в броске, головой. Ну, вот сейчас!..

Но в последний момент советский вратарь Лев Яшин «брал» мяч.

Итальянские нападающие недоумевали: «Может, он заколдован, этот Яшин? Любой другой пропустил бы уже несколько мячей!» Они постепенно теряли веру в свои силы, в свое великолепное мастерство. И медленно приближались к поражению...

Но вдруг... советский футбо-

лист нарушил правила. Пенальти!

Итальянцы вздохнули облегченно. Наконец-то! Сейчас будет долгожданный гол, и после него оборона русских развалится.

К мячу вышел великий Маццола. Настало время его удара. Яшин стоял, чуть сутулясь, и внимательно, хмуро смотрел на соперника. Совсем его не боялся, спокойно стоял.

Маццола специально сделал разбег побольше и вложил в удар всю силу. Оператор кинохроники успел запечатлеть этот удар. Пулей рванулось к огромным воротам светлое пятно мяча. Но еще быстрее

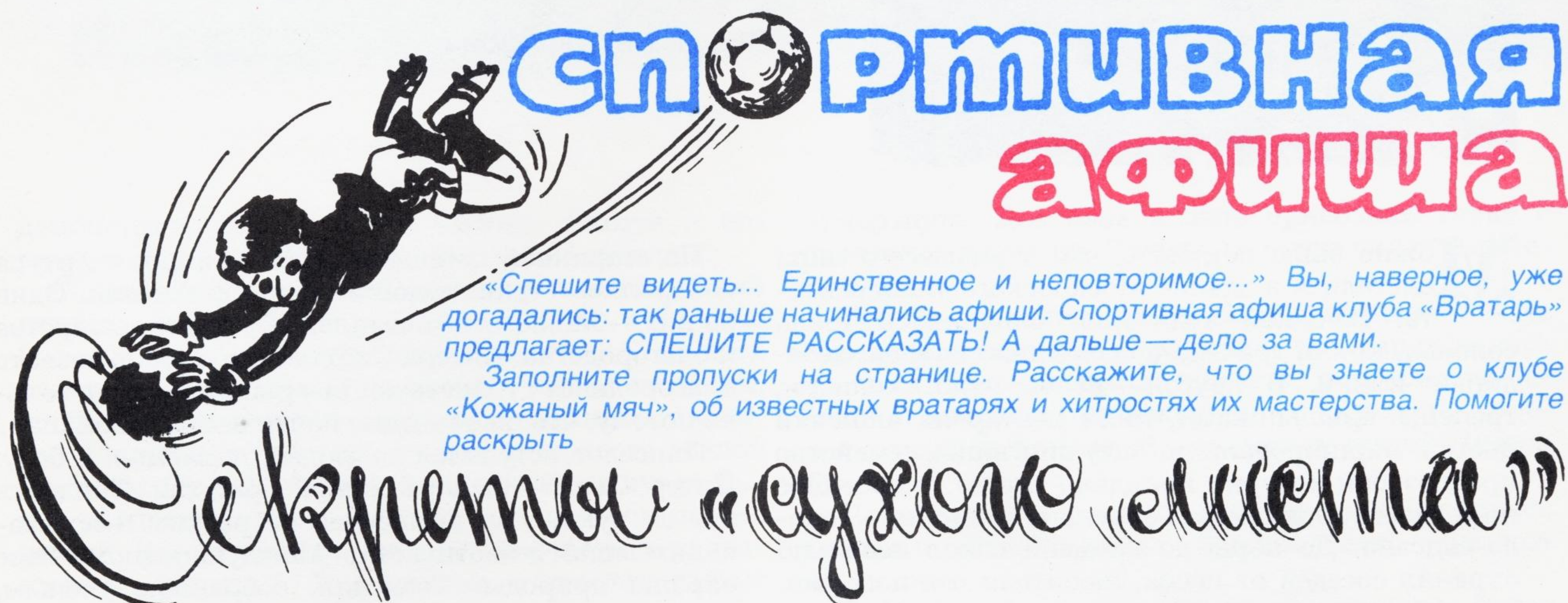
метнулся наперерез вратарь...

Стадион молчал. Безжизненно висела сетка на воротах. Мяча в ней не было. Лев Яшин взял его чисто, «мертвой» хваткой, разбив вдребезги последнюю надежду итальянцев.

Маццола понял, что его команда проиграла. Повернулся и, опустив голову, медленно пошел к центру поля...

Кубок Европы 1963 года завоевала советская команда. А наш знаменитый вратарь был признан лучшим футболистом континента и получил в награду специальный приз — «Золотой мяч».

Л. НЕФЕДОВА.

«Спешите видеть... Единственное и неповторимое...» Вы, наверное, уже догадались: так раньше начинались афиши. Спортивная афиша клуба «Вратарь» предлагает: СПЕШИТЕ РАССКАЗАТЬ! А дальше — дело за вами.

Заполните пропуски на странице. Расскажите, что вы знаете о клубе «Кожаный мяч», об известных вратарях и хитростях их мастерства. Помогите раскрыть

Секреты «сухого листа»

Узнали?! Ну, конечно, это эмблема клуба «Кожаный мяч». Клубу в этом году исполняется **ДВАДЦАТЬ ЛЕТ**. Возраст вполне солидный. Но мальчишка, изображенный на эмблеме, не меняется. Так нарисовал его в году большой любитель футбола художник Таким он и остался: озорной, веселый, в любую непогоду готовый выйти на футбольное поле, чтобы «погонять» мяч. Просто так, для удовольствия и, конечно, чтобы поддержать «марку» своей команды на соревнованиях. Тем более в международной встрече.

Впервые такая международная встреча в клубе «Кожаный мяч» состоялась в году. На поле вышли команда «.....» из города и команда города Матч закончился со счетом Юные вратари оказались на высоте. Они старались хоть чуть-чуть походить на своих кумиров, известных вратарей.

Конечно, побить рекорд «непробиваемости», который в году установил советский вратарь, им не удалось. Да и немудрено: не так просто в матчах всего мячей пропустить! Такое под силу лишь настоящим мастерам. Правда, мальчишки не унывают, у них все еще впереди.

Известные советские вратари, и не только футбольные, тоже когда-то играли в дворовых и школьных командах на состязаниях клуба «Кожаный мяч». А теперь

..... — всеми признанные мастера. Им не страшны даже «резаные удары», когда мяч неожиданно меняет направление и запросто может застать вратаря врасплох. «Сухой лист», так называют еще этот удар, особенно хорошо умел парировать вратарь А вы умеете? Кстати, в какую сторону отклоняется мяч?

И еще один вопрос вы можете задать сами. Один вопрос — любимому вратарю. Спрашивайте! Только быстрее, чтобы успеть получить ответ на юбилейном, двадцатом турнире клуба «Кожаный мяч».

Ждем ваших писем! На конверте сделайте пометку «Клуб «ВРАТАРЬ».

Рисунки
Д. БАРАБАША.

Фотографии
А. БОЧИННИНА.

Н. НАДЕЖДИНА

СЭР ПИТЕР СКОТТ И ЕГО ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО

Рисунок В. ФЕДОРОВА.

Можно было подумать, что птицы всего мира слетелись в здание Московского университета. В одной аудитории слышались трель соловья, крики грачей, пересмешки скворца, лебединые клики. В другой — новое чудо: колибри, трепеща крыльшками, пили нектар из чашечки цветка, маршировали по льду пингвины, семейство краснозобой казарки покидало гнездо, устроенное по соседству с жилищем опасного хищника — сокола-сапсана. До поры до времени сокол невольно охранял соседей от песка, любителя птичьих яиц. Но когда птенцы подросли, сокол сам стал им опасен: сапсан бьет птиц на лету, — и мать поспешила увести их из гнезда.

Объяснялись все эти чудеса просто: в Московском университете в августе 1982 года проходил Международный конгресс орнитологов. Эмблемой конгресса стала краснозобая казарка. Эта птица водится только в СССР, но изображена она была на фоне земного шара. Выдавая мне пропуск с такой эмблемой, сотрудница пресс-центра сказала:

— Знаете, кто нарисовал казарку? Сэр Питер Скотт.

Когда я слышала эту фамилию, мне представилась затерянная во льдах палатка, где был найден мертвым исследователь Антарктиды капитан Роберт Скотт... Семьдесят три года назад он решил проложить путь в неведомое, достичь той точки земного шара, на которую еще не ступала нога человека, — Южного полюса. На обратном пути с полюса Скотт погиб... Сохранился путевой дневник капитана Скотта — скупой рассказ о человеческом мужестве и отваге. Читать его без волнения нельзя.

Последние строки, написанные Скоттом, — обращение к родине, к Англии с просьбой позаботиться об оставленной семье — жене и двухлетнем сыне Питере...

У Питера Скотта — сына капитана — своя добрая и заслуженная слава.

По старинной легенде при дворе короля Артура собирались странствующие рыцари Англии. Один из них — Ланселот — считался образцом рыцарства и благородства. Питера Скотта тоже можно назвать благородным странствующим рыцарем. И не только потому, что он объездил почти весь земной шар.

Ланселот вступался за людей, попавших в беду. Питер Скотт — рыцарь живой природы. Тридцать лет он руководил комиссией по редким и исчезающим видам животных при Международном союзе охраны природы. Сведения, собранные ученым, были угрожающими: сотни видов животных исчезнут с лица земли, если не позаботиться о них. Как ни велико могущество науки, она не в силах возродить исчезнувший вид. За миллионы лет в природе установилось равновесие, и неизвестно, какие будут последствия, если из цепочки жизни выпадет хотя бы малое звено. Да и можно ли отнять у будущих поколений радость общения с живым — радость увидеть в небе журавлиный клин, услышать голоса пролетающих лебедей, принять, как подарок, доверие аиста, построившего гнездо по соседству с домом человека.

Так родилась особая книга. В нее вошел список ставших редкими видов животных — тех, которых люди берутся спасти. Отныне страна, на земле которой они обитали, отвечала за их судьбу перед всем человечеством.

Питер Скотт предложил назвать эту книгу «Красной». Красный цвет и зовет, и будит тревогу. Тревогу за настоящее и за будущее.

Этот сигнал тревоги прозвучал на весь мир. Вслед за международной Красной книгой были созданы свои Красные книги в большинстве государств и у нас в СССР. И во всех этих странах знают Питера Скотта, с уважением говорят о его преданности делу защиты живой природы.

Узнав, что Питер Скотт на конгрессе, я постаралась увидеться с ним. Мы встретились у стенда, где

демонстрировалась работа Питера Скотта и его дочери Дафилы о малых тундровых лебедях.

С чего началась наша беседа? С воспоминаний детства. Питер Скотт рассказывал, что в их доме бывали видные натуралисты Англии. С полюса капитан Роберт Скотт написал о своем желании, чтобы его сын интересовался естественными науками. Маленького Питера увлекала красота живой природы. Он видел ее и в сверкающей чешуе рыбы, и в расцветке крыла бабочки, и в плавном полете птицы. Все увиденное старался передать карандашом и красками. У мальчика открылся талант художника.

Питер Скотт и сейчас не расстается с кистью — и во время путешествий, и дома, в Слимбридже, иллюстрирует свои книги.

На обложке одной из книг я увидела фотографию его дома, похожего из-за высокой башни на рыцарский замок. В нижнем этаже — мастерская Скотта-художника. Окна мастерской выходят на Лебединое озеро...

В парке вокруг усадьбы сверкают зеркала множества озер и прудов. И весь Слимбридж — шумное многоголосое птичье царство, зимняя резиденция диких уток, гусей, лебедей. О птицах здесь заботится особая организация — Трест водоплавающих птиц. Трест арендует земли вокруг усадьбы, ведет изучение птиц. Председатель треста — Питер Скотт...

Лебеди прилетают в Слимбридж в ноябре. Для маленькой Дафилы их белоснежное оперение всегда было цветом наступающей зимы. А как ослепительно сверкало это оперение вечером при свете прожекторов, установленных на берегу Лебединого озера!

Первый малый тундровый лебедь опустился на воду в Слимбридже осенью 1964 года. Через неделю к нему присоединились еще 24 лебедя. Подводные насосы, постоянно прокачивая воду, не давали ей

замерзнуть. Два раза в день привозили тачку с пшеницей для птиц. С каждым годом число новоселов росло.

Лебедям давались имена. Каждому из них была отведена в журнале страничка, где записывалось его имя, возраст, сроки прилета, подробности семейной жизни с приложением «портретов» — превосходных фотографий, сделанных женой Питера Скотта.

По утрам за птичьим завтраком проводилась проверка: Лимон здесь, Фрогги здесь, Джипси здесь...

В 1970 году было зарегистрировано уже более тысячи лебедей. Но Дафила и другая сотрудница треста, Мери Эванс, знали всех — каждого лебедя могли назвать по имени, опознать «в лицо». Тут им помогла наблюдательность Скотта-художника.

Известно, что на земном шаре нет двух человек с одинаковыми отпечатками пальцев. Зорким глазом художника Питер Скотт заметил, что нет и двух лебедей с одинаковым рисунком на клюве. На клюве у Фаззи желтый и черный цвета чередуются иначе, чем у его подруги Маззи, у Даниэля иначе, чем у Дарби.

Десятилетней девочкой начинала свои наблюдения над лебедями Дафила Скотт. Теперь она молодой орнитолог. Многолетнее знакомство с каждым лебедем позволило выявить многие особенности этих птиц — уловить, когда молодняк становится самостоятельным, сколько времени родители живут с птенцами, почему не бросают их во время длительных перелетов. Неоднократно убеждались ученые в легендарной супружеской верности лебедей.

Один из ветеранов Слимбриджа — лебедь с рыцарским именем Ланселот — прославился на всю Англию. Двадцать раз он возвращался в Слимбридж на зимовку. В последние годы его уже ждали. В дождливые осенние дни взрослые и дети радостно сообщали друг другу: «Слышали, по радио

передавали, опять Ланселот прилетел! А вечером его покажут по телевизору».

Куда улетают зимовщики с Лебединого озера весной, где они вяют гнезда, где выводят птенцов? Надо было узнать и это. И весной 1970 года Дафила отправилась в Голландию. Там она встретила шесть знакомых лебедей, в том числе и свою знакомую пару — Пезанта и его подругу Джипси. В бинокль Дафила разглядела у них на лапах кольца собственной конструкции: черный крупный номер на высоком белом пластмассовом кольце.

Вести об окольцованных в Слимбридже лебедях поступали и из других стран — из Дании, Ирландии, Советского Союза. Весенняя птичья дорога тянулась все дальше на восток — к берегам Карского моря. И по лебединому маршруту Питер Скотт с семьей отправился на Ямал, в СССР.

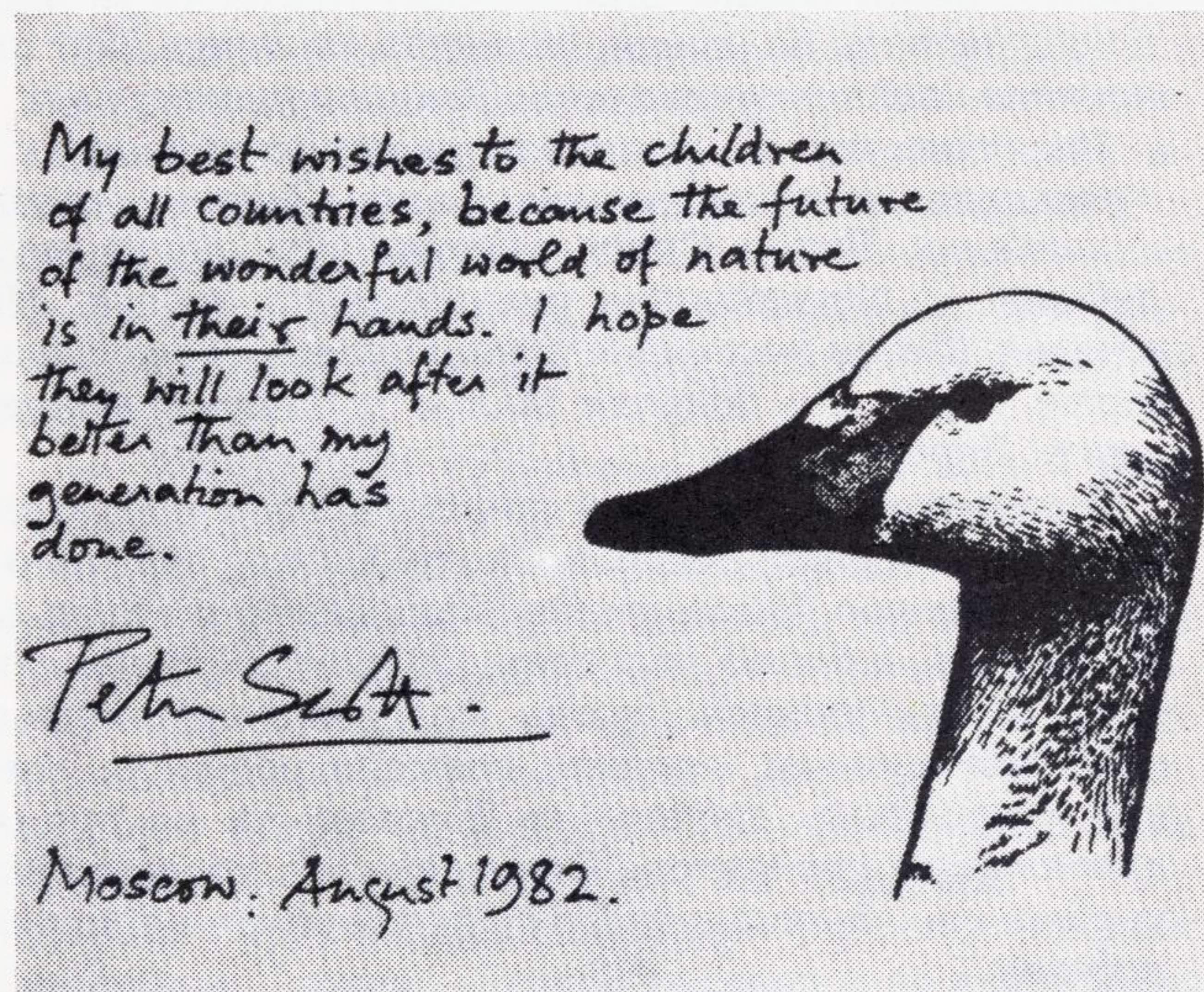
Питер Скотт в сибирской тундре был впервые. Он бродил по ней часами, рисовал, собирал гербарий. Все надеялся встретить лебедя с черным номером на широком кольце. Но не встретил — на этот раз не встретил. Значит, впереди новые дороги и поиски. И надежды на письма друзей...

Друзей у Питера Скотта много. Он получает письма из Африки и Заполярья, из Антарктиды, из тропиков, с Гавайских островов...

История гавайской казарки — птицы из семейства утиных — еще один пример преданности Питера Скотта живой природе.

В 1950 году в Слимбридж были привезены три гавайские казарки: самец и две самки. Питер Скотт считает: мало записать в Красную книгу исчезающий вид, надо сделать все возможное, чтобы его спасти. Через тридцать лет в Слимбридже перебирали клювом перышки уже 230 гавайских казарок. Вымирающие птицы настолько размножились, что стало возможным вернуть часть на родные Гавайские острова.

В конце беседы я рассказала о всесоюзной Красной тетрадке журнала «Пионер», о ребятах — защитниках животных и растений. И попросила сэра Питера Скотта написать несколько слов.

Вот что он написал:

«Наилучшие пожелания детям всех континентов. Поскольку будущее нашего замечательного мира природы в их руках, я надеюсь, что они будут заботиться о ней лучше, чем люди моего поколения. Питер Скотт. Москва. Август 1982 г.»

В СТРАНЕ ШАХА —
ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ
И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ

Пионерская шахматная школа

Каждый из вас, ребята, знает, что ферзь сильнее коня, а ладью не сравнить по силе со слоном. Чем же определяется сила каждой фигуры?

Нетрудно сообразить, что сила фигуры — это ее способность держать под своим контролем определенный участок шахматной доски. Ферзь, например, обладает богатырской силой потому, что действует по диагоналям и по горизонталям.

Теоретики провели математические расчеты и составили таблицу, которая показывает, чего стоит каждая фигура.

Когда вы будете рассматривать эту таблицу, учтите два важных обстоятельства:

1. Оценка силы короля не проставлена потому, что мат королю — цель борьбы и с его гибелью игра заканчивается.

2. Расчеты силы фигур сделаны на пустой доске. На практике эти расчеты часто не оправдываются. Можно, к примеру, так «законопатить» своего ферзя, что он не двадцать одно, а только три-четыре поля будет держать под контролем. Для того, чтобы полностью проявилась сила фигур, надо расположить их так, чтобы они имели оперативный простор и могли активно поддерживать друг друга.

(Диаграмма № 1)

У черных на доске все фигуры и пешка. У белых только один конь. Но черные так неуклюже разместили свои боевые силы, что белым удастся избежать поражения. Их юркий конь дает вечный шах черному королю: 1. Kd5—e7+ Kpg8—g7 2. Ke7—f5+ Kpg7—g6 3. Kf5—h4+ Kpg6—g5 4. Kh4—f3+ Kpg5—g6 5. Kf3—h4+. Ничья.

А теперь наше второе задание. Попробуйте разобраться в этой интересной позиции.

(Диаграмма № 2)

На первый взгляд она кажется

очень хорошей для белых, тем более что сейчас их ход. Но если вы подумаете, то поймете, что у черных есть очень опасные угрозы из-за того, что белый король заперт в тесной клетке.

Белым предстоит немало поработать, чтобы найти спасение, а в финале привычное представление о силе фигур снова нарушается. Почему?

Ждем ваших решений.

Мемориал Олега Кошевого

В четвертый раз проводился недавно пионерский турнир памяти Героя Советского Союза

Участников соревнований приветствовали Центральный Комитет комсомола Украины, председатель шахматной федерации СССР дважды Герой Советского Союза В. И. Севастьянов, чемпион мира А. Карпов. Елена Николаевна Кошечкина прислала ребятам письмо. Вот что она написала:

«Мой сын Олег, его боевые товарищи-молодогвардейцы и все, кто в борьбе с фашизмом ушел из жизни, твердо верили, что поколение будущего сделает жизнь еще красивее, ярче, богаче. Мы, старшее поколение, убеждаемся, что вы, наша молодежь, способна на великие и светлые подвиги...

Желаю вам честных побед в

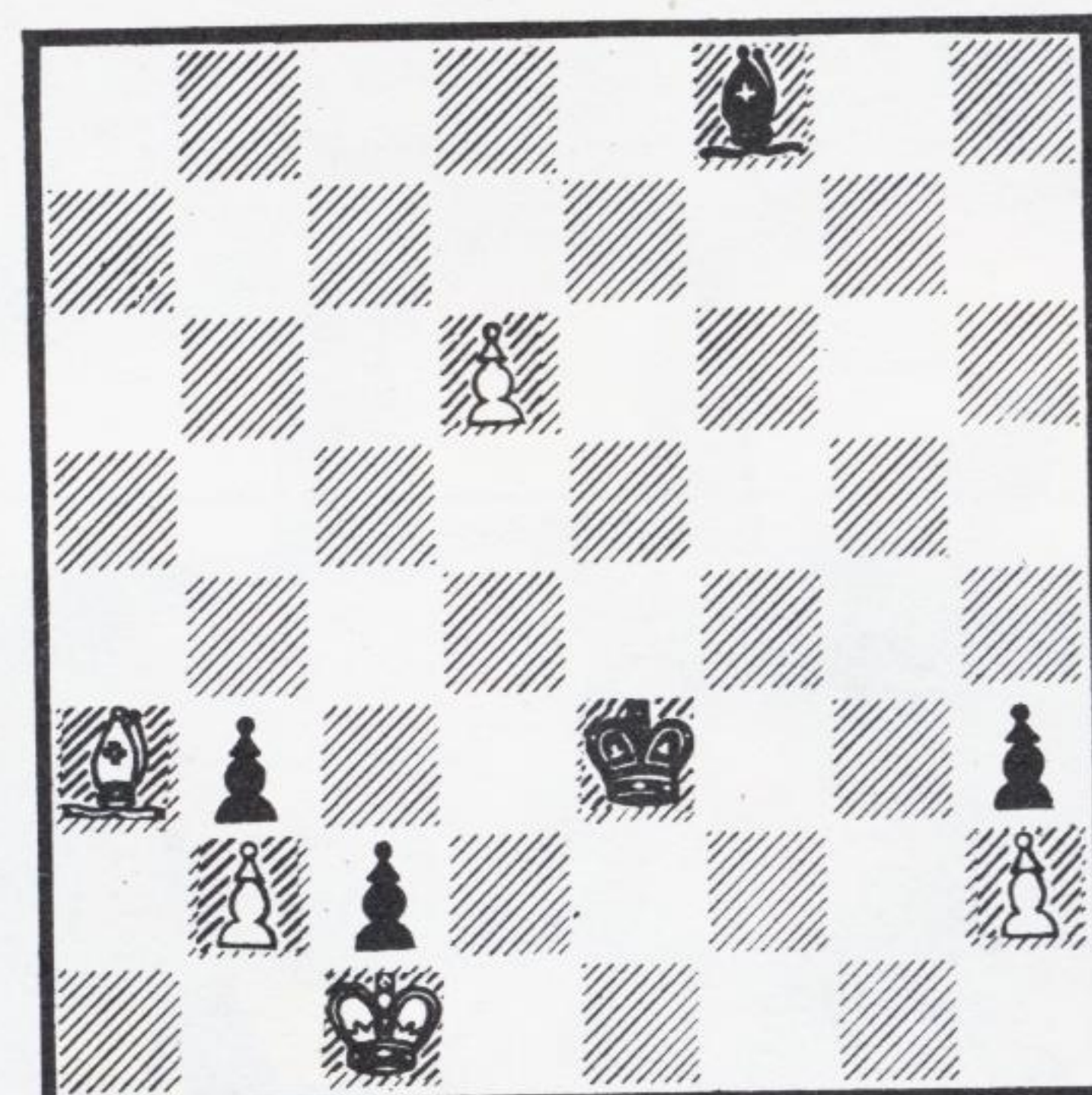

Диаграмма № 2

Кажется, что дела белых плохи, но Женя нашел остроумное спасение.

Название фигуры	Наибольшее количество полей под ударом	Наименьшее количество полей под ударом	Оценка силы фигуры
Король	8	3	
Ферзь	27	21	9
Ладья	14	14	5
Слон	13	7	3
Конь	8	2	3
Пешка	2	1	1

Олега Кошевого. Двадцать восемь команд дворцов пионеров и детских спортивных школ съехались в город Прилуки (Черниговская область), где родился и провел детство герой Краснодонского подполья.

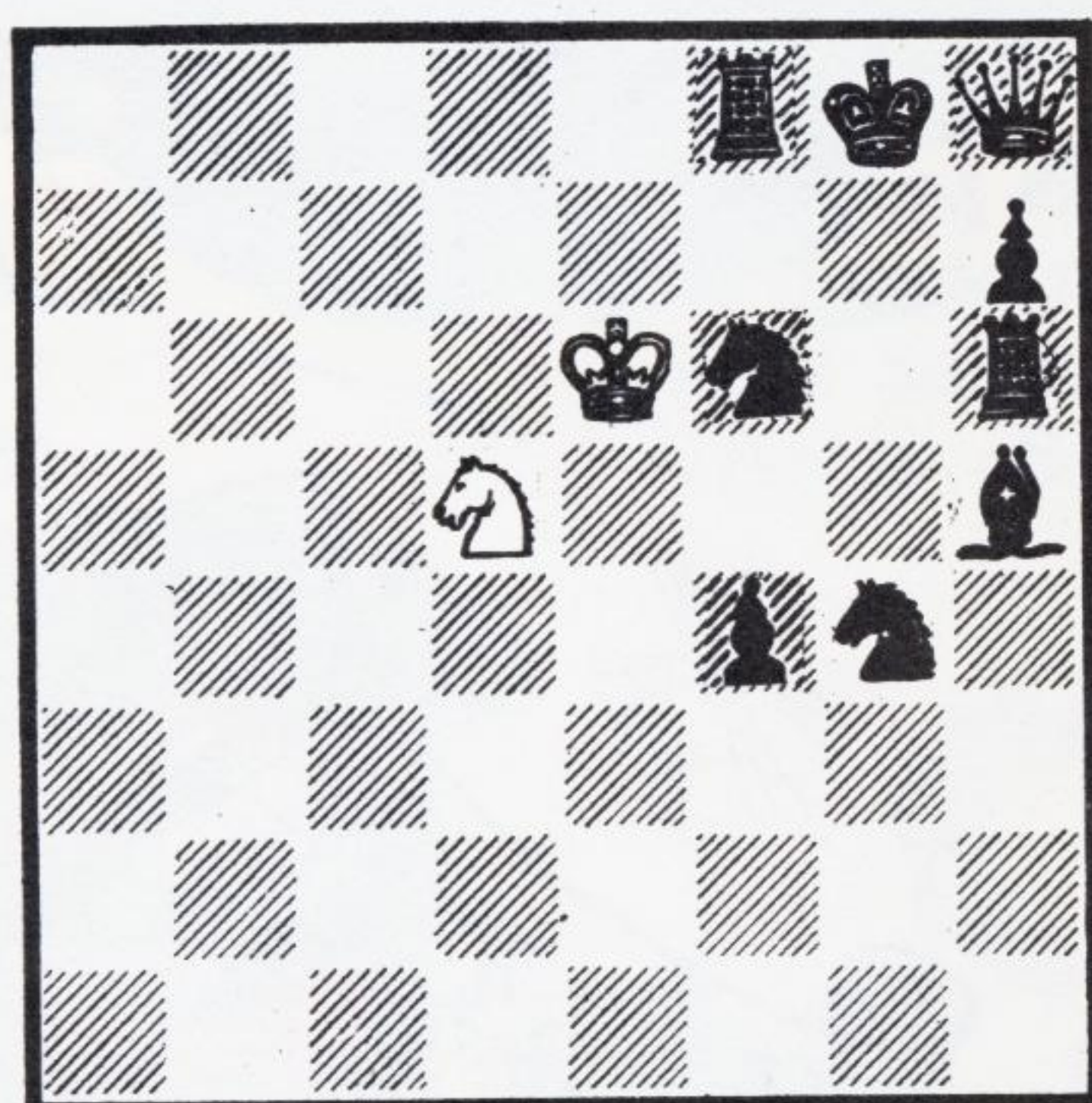

Диаграмма № 1

ваших шахматных соревнованиях, счастья, радости, отличной учебы».

После упорной борьбы победила команда Душанбе, на второе место вышла команда Ворошиловграда, третье заняли ребята из Перовского района Москвы. В личном зачете первенствовали Александр Размыслов (г. Белая Церковь) и Ирина Закревская (Киев).

Интересные комбинации возникли в партии, которую играли Геннадий Жуковский (Житомир) и Евгений Андреев (Брянск).

(Диаграмма № 3)

Игра продолжалась так: 1... Лс8:с3! 2. b2:с3 (черных устраивает вариант 2. Ф:с3 Ф:с3+ 3. bc К:e4 4. Cd4 К:с3) 2... Кf6:e4 3. f3:e4 Сg7:с3.

4. Лh1—h8+! Кpg8:h8 5. Се3—d4+ Сс3:d4 6. Фd2:a5 Cd4:a1.

Теперь у белых небольшое преимущество, но черным благодаря четкой защите удалось добиться ничьей.

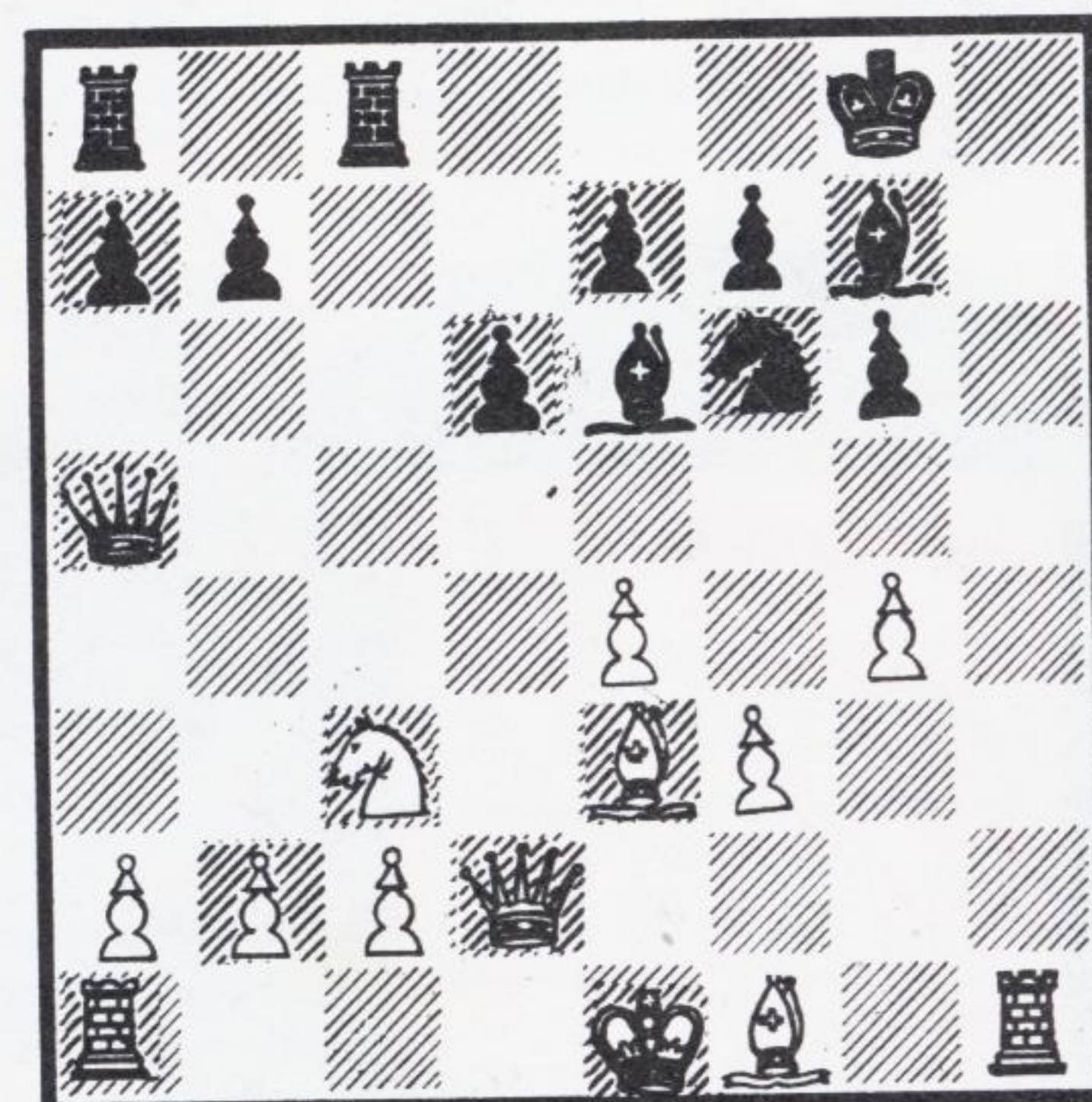

Диаграмма № 3

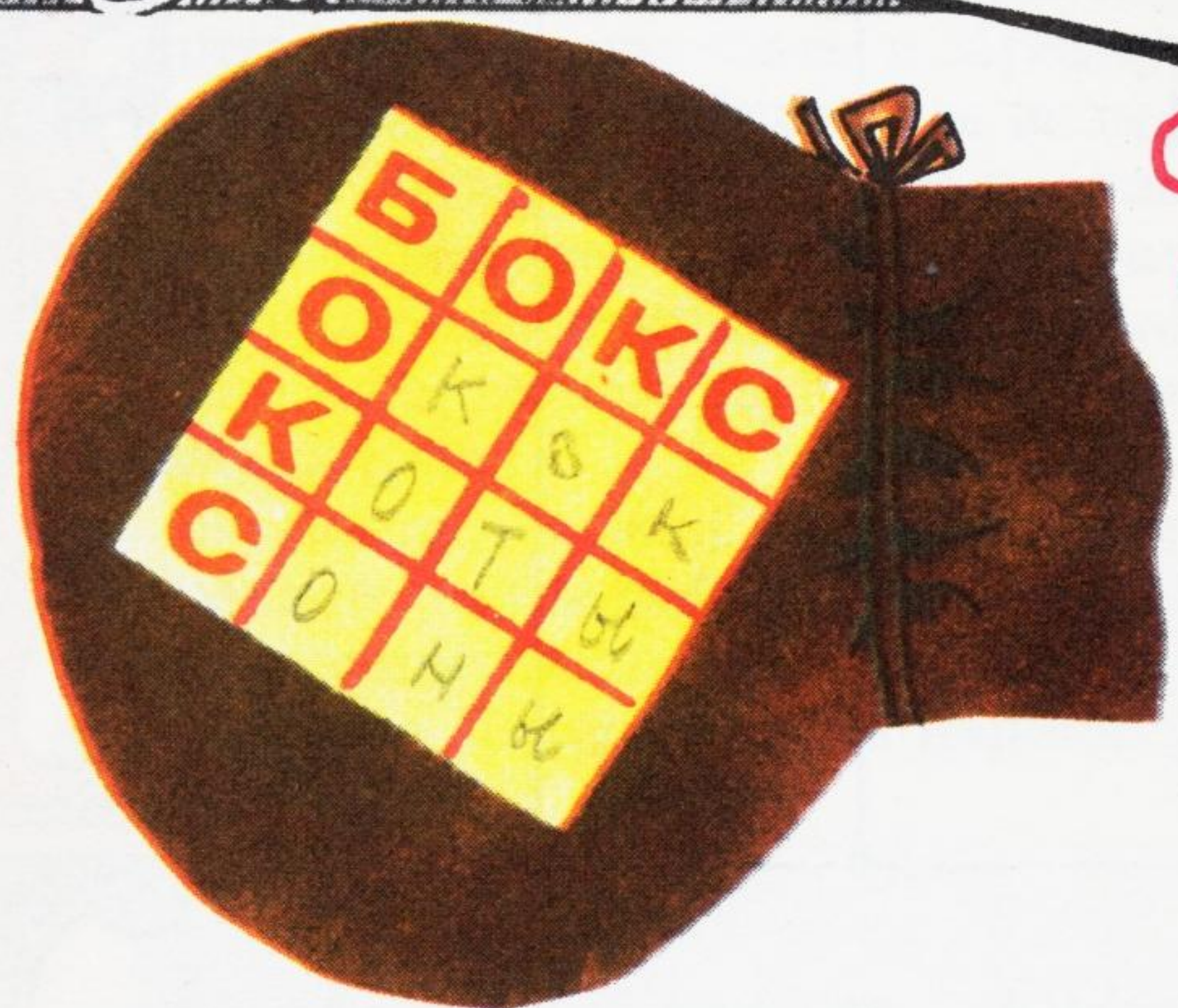

УМА

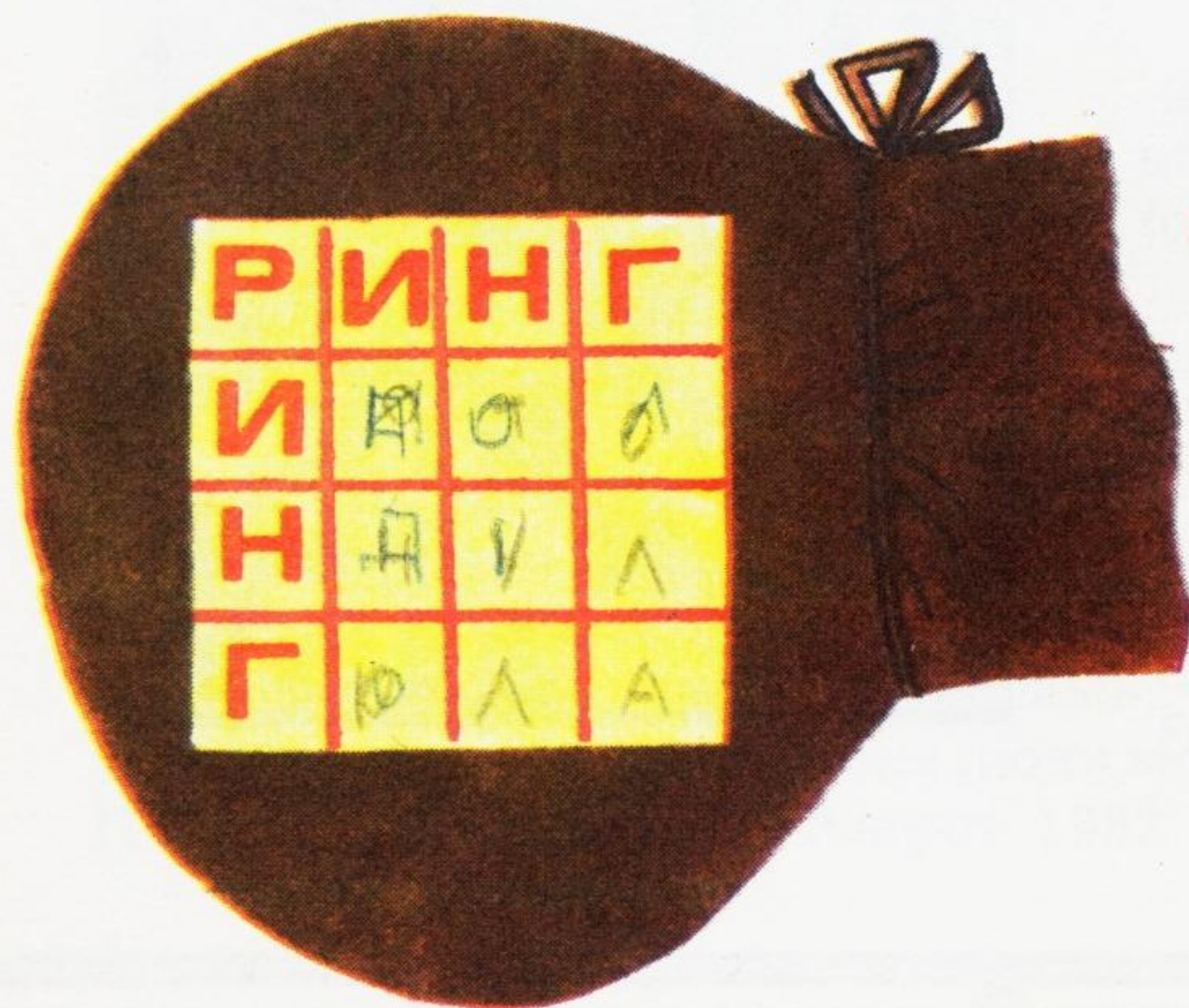
ПАЛАТА

Рисунки А. Вовиковой.

О К
О Т Н
У Т
Ы Н

Займемся боксом! Вот перчатки.
Надеть их сможет только тот,
Кто буквы в правильном порядке
В пустые клеточки внесет!

Примечание: в каждой перчатке по горизонтали и по вертикали должны читаться четыре одинаковых слова.

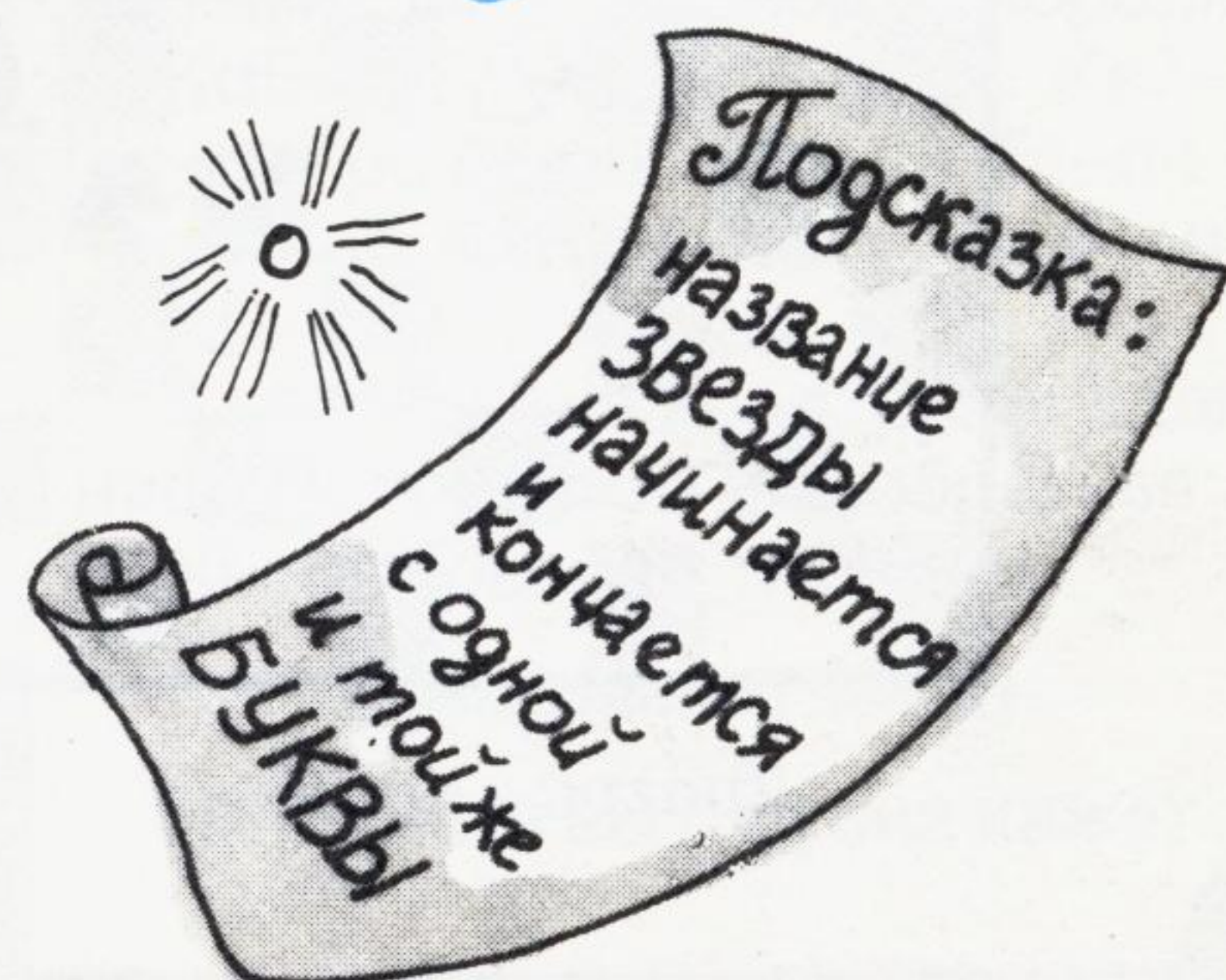
А Л
А О З
О Д
Г Л

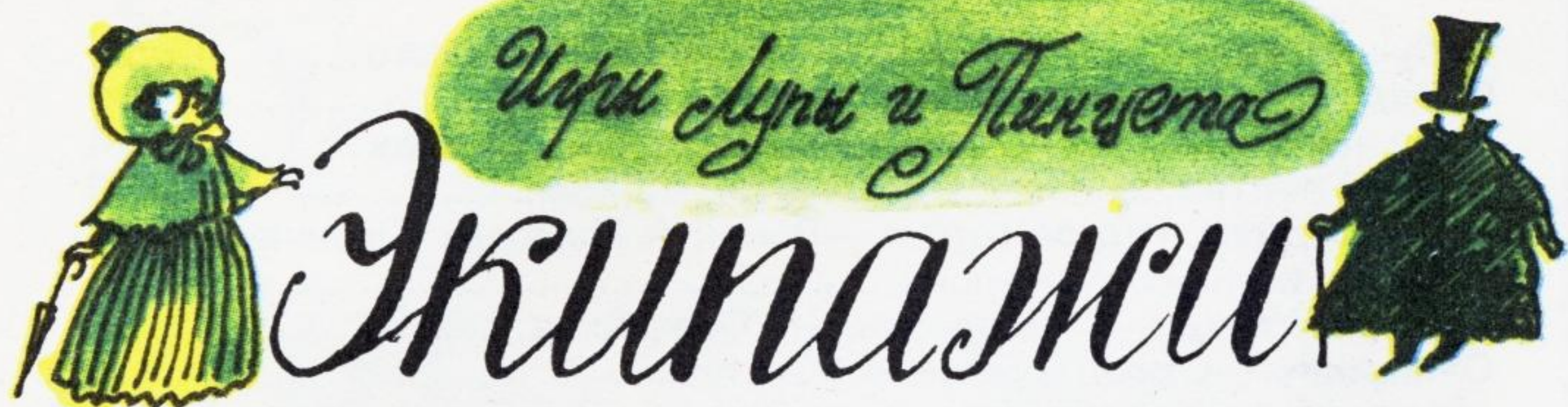
Я получил письмо, в котором,
Друзья, мне пишет бегемот,
Что, несомненно и бесспорно,
Он самый зоркий звездочет.

К письму приложен рисунок — круг с буквами. «Я, — пишет бегемот, — могу прочитать на этом небесном круге, соединяя буквы прямыми линиями, названия нескольких планет. Я могу соединить пять букв пятью прямыми линиями, так что у меня получится название одной из самых ярких звезд, состоящее из шести букв, а из линий, которыми будут соединены буквы, составит пятиугольная звезда!»

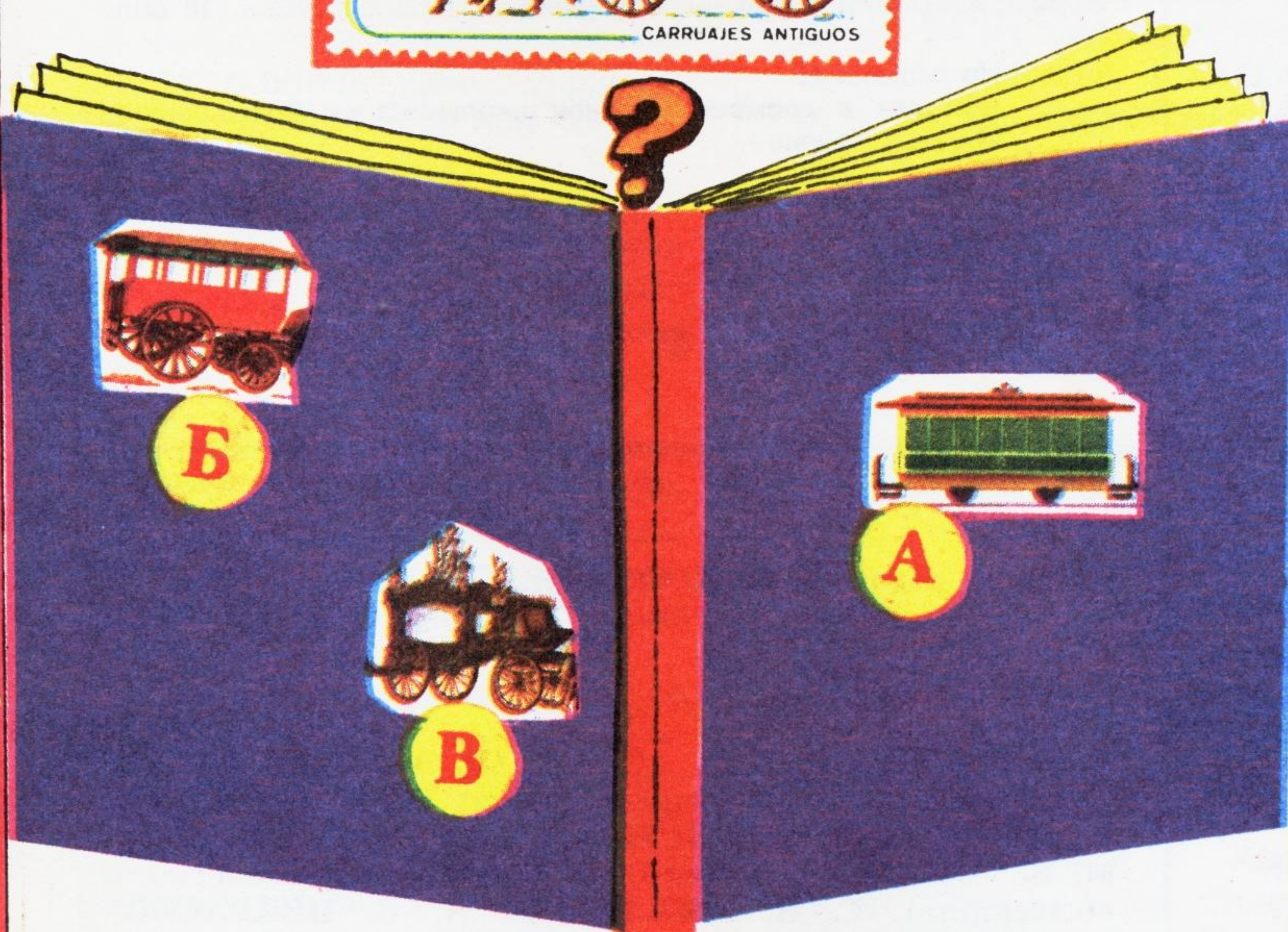
А вы чем хуже бегемота?!
Решайте до седьмого пота!

Подсказка: название звезды начинается и кончается с одной и той же буквы.

Экипажи

Экипаж за экипажем...
Повнимательней взгляни:
Почему в альбоме нашем
Так расставлены они?

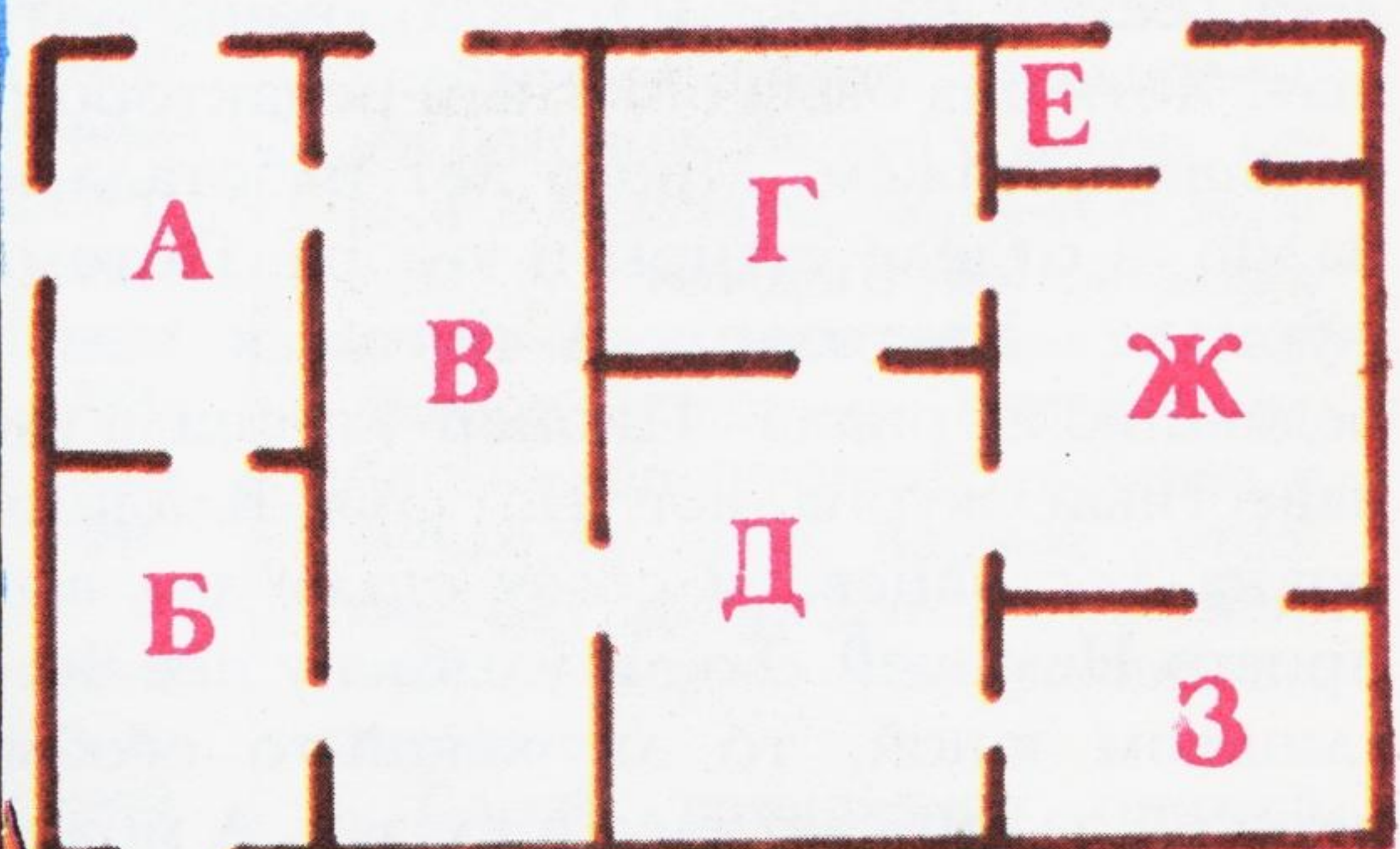
Отыщи мне принцип четкий!
А затем продолжи ряд:
Как за желтой пролеткой
«А» и «Б» и «В» стоят?

КЛУБ МУДРЕЦОВ

Клуб мудрецов открывается в сквере.
В клуб, разумеется, примут и вас,
Только сначала пройдите все двери!
Все до единой не больше чем раз!
Там, где такого маршрута конец,
Запись проводит дежурный мудрец!

Сообщите мне, в какой комнате вы
записались в члены клуба?
ЖИВЖИВКА

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 2

ИГРЫ ДЕДА-БУКВОЕДА
Ценный советчик: словарь.
КАПИТАН ПЕРО ИЩЕТ ПОМОЩНИКА
Рыба, птица, фрукт, цветок: если выбро-
сить слова—окунь, дятел, абрикос,
астра,—то останется «Сбор переносится на
среду».
Взрослые в Палате: на групповом снимке
нет Б, Д, Е, Г, В.
ИГРЫ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА
Корабли и монеты: обмен будет справед-
лив—в обоих овалах сумма номиналов
равна 24.

ПАМЯТИ ДРУГА

Так бывает, что с годами человек молодеет. Ее все называли просто «наша Наташа». Хотя она была опытным редактором с большим стажем. Много лет работала на радио, в отделе сатиры и юмора. Потом в журнале «Кругозор». А потом к нам, в редакцию журнала «Пионер», пришла уже известный журналист Наталья Владимировна Ростовцева и сразу стала для всех просто Наташей. То ли улыбка у нее была слишком юной, то ли какой-то особый детский задор светился в глазах. А может, виновата рубрика, которую она взялась вести. Самая озорная рубрика в нашем журнале — веселая «ПЕРЕМЕНКА». К ребятам на эту «Переменку» приходили знаменитые писатели, артисты, художники. Всех их приглашала Наташа. Всех расспрашивала. У всех выводывала самые интересные, забавные истории. Ей так важно было, чтобы на «Переменках» ребята не скучали и не грустили.

Ну, что ж, пусть скучно там не будет никогда.

А грустные мгновения, к сожалению, встречаются в жизни...

Теперь Наташи больше нет с нами. Но остались ее друзья. Осталась рубрика, придуманная ею. И осталась ее улыбка, которая всегда заражала весельем всех вокруг. Мы хотим, чтобы она так и запомнилась всем читателям «Пионера» улыбающейся, наша Наташа.

СОДЕРЖАНИЕ

Бабушка и внук.— Д. Кугультинов. Рисунок В. Донского	II обл.
Отряд говорит с отрядом	2
Чему научит школа.— В. Пушкарёв. Записал Б. Минаев	4
Боевой листок	5
День за днем, год за годом.— Роман А. Маркуши. Окончание. Рисунки В. Мочалова	6
Звездный путь.— Стихотворение К. Саранчина	19
Ожидание.— Стихотворение И. Мазнина	19
«Открылась бездна, звезд полна...».— В. Губарев. Фото ТАСС	20
Легендарный дрейф.— А. Некрасов	22
Весна. Чу-кил-лик. Чум. Апрель.— Стихи О. Аксеновой	25
...Плюс электрификация.— Записал Ю. Крутогоров	26
Что лучше? Тепло. Черемуха. Лошадь в кузницу пришла. Зорька. Награда.— Стихи В. Лисичкина	29
Будни Афганистана.— Изорепортаж Ю. Черепанова	30
Международный пионерский клуб «Товарищ».— Фотографии В. Крупского	32
«Кораблик»	36
Заблудившийся робот.— Фантастическая повесть Ю. Коринца. Рисунки Л. Хачатряна	38
А птица-тройка летит, или Какую погоду любил Гоголь?— Б. Минаев	48
Жадные пчелы. Сорока-сплетница. Злой человек.— Сказки Ч. Амирэджиби. Записали Ю. Анохин, Г. Снегирев	52
«Переменка»	54
Путешествие в Спортландию	55
Тебе, будущий исследователь Сэр Питер Скотт и его лебединое озеро.— Н. Надеждина	58
В стране шаха — владыки черных и белых полей	60
Ума палата	62
Памяти друга	64
Варя примеряет наряды.— Г. Глуценко	III обл.

На обложке:

Человек в космосе. Рисунок школьника из Чехословакии Милоша Кучека.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, Т. А. ГАЙДАР, А. В. ДРУЯНОВА (редактор отдела внутренней жизни), В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, М. В. МАТВЕЕВА (редактор отдела коммунистического воспитания), С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, О. М. САВВАТЕЕВА, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА (ответственный секретарь), Л. С. СИМОНОВА (зам. главного редактора), И. Н. ХРИСТОВАЯ (редактор отдела литературы и искусства), Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.

Редактор отдела оформления А. М. ГРИШИН.
Технический редактор Е. Г. ЕВДОКИМОВА.
Макет В. П. БОРИСОВОЙ.

© Издательство «Правда», «Пионер», 1984.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 02.02.84.
Подписано к печати 17.02.84. А 09928. Формат 84×60¹/₈.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,85.
Усл. кр.-отт. 31,17. Тираж 1682000 экз. Изд. № 647. Заказ № 2209.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Варя примеряет наряды

В восьмом номере нашего журнала за прошлый год был объявлен конкурс «Наряды для Вари». Несколько месяцев редакция была похожа на мастерскую художника-модельера. На столах лежали эскизы моделей. На стульях висели платья, юбки, блузки, сшитые руками ребят. Из объемистых бандеролей сотрудники редакции вынимали кукол в бумажных платьях. Все это время в редакции спорили: кому из авторов отдать предпочтение? Кто более удачно справился со сложным заданием конкурса?

И вот, наконец, итоги подведены. Слово — председателю жюри конкурса «Наряды для Вари» художнику-модельеру Галине Ивановне ГЛУЩЕНКО.

— Наша Варя получила более ДВЕНАДЦАТИ тысяч писем. Варин гардероб оказался настолько полным и разнообразным, что ей может позавидовать любая модница.

В конкурсе приняли участие не только пионеры, но и октябрята, и даже ... дошкольники. Многие участники конкурса рассказали, что они умеют не только рисовать платья и придумывать фасоны, но и шить, вязать. Это нас порадовало. Потому что умение держать иглоку и спицы в руках помогут вам одеться модно, со вкусом и без лишних затрат.

Среди огромной почты конкурса есть необычные модели. Художники-модельеры предлагают их взять в свою «копилку».

А теперь — о победителях.

Первое место заняла работа АНИ КАМЕНСКИХ из города Свердловска. Ее модели современные и выполнены в интересной технике — акварелью и гуашью.

На втором месте — модели НИНЫ МИХАЙЛОВОЙ из города Загорска. Нина использовала элементы традиционного народ-

ного костюма. Это хорошо, мы не должны забывать богатые традиции старины.

На третьем месте — работа ЛЮДЫ ПРАНОВОЙ из города Калуги. Люда, видимо, очень наблюдательный человек. Те детали, на которые обычно человек не обращает внимания, сложились у Люды в интересные модели. Вещи, нарисованные Людой, легки и ажурны.

Жюри конкурса «Наряды для Вари» хочет также отметить работы: Наташи Богдановой (г. Глазов, Удмуртская АССР), Виктории Горбатенко (г. Волгоград), Ирины Сериковой (г. Москва), Оксаны Павлученко (г. Волгоград), Иры Сысоевой (г. Кумертау, Башкирская АССР), Оли Сафоновой (г. Москва), Инны Громковой (г. Казань), Ирины Шариной (г. Уфа), Галины Майоровой (п. Исса, Пензенская обл.), Наташи Макаровой (г. Тамбов), Оли Постниковой (г. Нижневартовск, Тюменская обл.), Светы Кузнецовой (г. Ижевск, УАССР), Ани Соломахиной (г. Фрунзе), Оли Прониной (г. Североморск, Мурманская обл.), Иры Банниковой (г. Пенза), Лены Калининой (г. Харьков), Лены Ржавиной (ст. Ощепково, Свердловская обл.). Всем победителям конкурса высланы призы.

Конкурс нас не только порадовал, но и огорчил. Потому что некоторые ребята предлагают Варе одеваться так: платье из яркого шелка и «кроссовки». Блестящая парчовая блузка и джинсы. Простой ситцевый сарафан и дорогая, из тонкой кожи, сумка через плечо. К сожалению, такие «наряды» не украсили бы Варю. Авторы этих предложений не подумали, как нелепо Варя будет выглядеть в несочетающихся вещах.

А умеют сочетать вещи лишь те, кто постоянно развивает свой вкус. В его воспитании большую роль играет знакомство со всеми видами искусства,

а не только знание моды сегодняшнего дня. Вы никогда не обращали внимание, что со вкусом одеваются те люди, которые много читают, любят музыку и живопись, интересуются театром и кино?

Теперь несколько слов о цвете в одежде. К сожалению, было немало моделей, которые просто-напросто резали яркими, несочетающимися цветами глаза: красно-желто-зеленые платья, оранжево-красные костюмы, фиолетово-рыжие пальто и брюки. Разве вы хотите быть похожими на светофор?

Нейтральные тона хорошо сочетаются с яркими, насыщенными цветами: белый с синим, серый с красным, черный с желтым. А у каждого нейтрального тона — своя «изюминка»: серый делает человека элегантным, белый подчеркивает румянец и свежесть лица, черный — строгий: он годится для торжественных, а также для печальных случаев.

Самая популярная одежда современной молодежи — джинсы. Нашу Варю ребята отправляли в джинсах в театр, в гости, на школьный праздник. Это неправильно. Джинсы — одежда спортивная. И если бы Варя надела их в театр, то чувствовала бы себя не очень уютно. И вам, ребята, советуем: отправляясь в поход или на спортивную площадку, в театр или на школьный бал, подумайте, подходит ли ваш костюм для такого случая.

Многие ребята за модой гонятся. Просят родителей покупать вещи, которые им подчас не идут, но зато модны. А ведь надо знать особенности своей фигуры. Знать недостатки и не стесняться их. Ну и что, если у вас шея короткая и полные ноги, худые руки и широкие плечи. Правильно выбранная одежда может сотворить чудо.

Многие девочки написали нам, что они, в отличие от стройной и

77

1

2

3

4

5

Модели рисовали: 1. Н. Михайлова (II место), 2. А. Каменских (I место), 3. Л. Пранова (III место), 4. Н. Богданова, 5. В. Горбатенко.

худенькой Вари, полные. «Что нам делать? Как нам одеваться?» — спрашивают девочки.

Для одежды полной девочке надо выбирать тяжелые, падающие ткани. Костюмы не следует делать двубортными. А однобортный костюм без подчеркну-

той талии неплохо носить расстегнутым. Пальто должно быть свободного, прямого покроя — оно скроет полноту. Платья — не очень короткие. А если у вас маленькая и полная шея — не делайте верх платья глухим и закрытым.

Наш разговор не окончен. Мы можем продолжить его, если вас интересует, какие стили одежды сейчас в моде, как надо правильно и красиво одеваться. НАПИШИТЕ НАМ.

А пока Варя примеряет наряды!